

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2024. Том 20, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Публично-правовые науки

- Кравец И. А.* Коллективная мудрость в конституционном, информационном и цифровом измерении: о понятии и природе народного делиберативного конституционализма в публичном праве 5
- Ли Яо.* Реализация инициативы «Цифрового Китая» и перспективы международного правового сотрудничества в цифровую эпоху 30
- Моссберг Е. Ю.* Концепт биобезопасности человека при проведении медицинских процедур, связанных с применением высоких медицинских технологий в области трансплантации органов и тканей человека: конституционно-правовой аспект 45

Частноправовые (цивилистические) науки

- Тиллабоев Ш. М.* Международно-правовая охрана интеллектуальной собственности в период цифровизации 57
- Темчук М. И.* Защита прав миноритарных инвесторов: проблематика и перспективы развития в российском праве 64

Уголовно-правовые науки

- Боровских Р. Н., Шмыгина О. В.* Квалификация угроз уничтожения или повреждения чужого имущества при совершении преступлений против собственности 74
- Шаров К. В.* Преступления, связанные с незаконным оборотом оружия: особенности расследования в новых субъектах РФ 80

<i>Лаврушко Е. А.</i> Проблемы законодательного регулирования обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе	88
К юбилею	
Владимир Константинович Андреев	95
Информация для авторов	97

JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

2024. Volume 20, № 2

CONTENTS

Public law Sciences

- Kravets I. A.* Collective wisdom in constitutional, informational and digital dimensions:
on the concept and nature of popular deliberative constitutionalism for public law 5
- Li Yao.* Implementation of the “Digital China” initiative and prospects for international
legal cooperation in the digital age 30
- Mossberg E. Yu.* Human biosafety concept when carrying out medical procedures related
to the use of high medical technologies in the field of transplantation of human organs
and tissues: constitutional and legal aspect 45

Private Law (Civilistic) Sciences

- Tillaboev S. M.* International legal protection of intellectual property in the period of
digitalization 57
- Temchuk M. I.* Protecting minority investors: issues and development prospects under
Russian law 64

Criminal Law Sciences

- Borovskikh R. N., Shmygina O. V.* Qualification of threats to destroy or damage someone
else’s property when committing crimes against property 74
- Sharov K. V.* Proceeds related to illegal arms trafficking: features of the investigation in the
new subjects of the Russian Federation 80
- Lavrushko E. A.* Problems of legislative regulation of confidentiality in criminal
proceedings 88

Jubilee

Vladimir Konstantinovich Andreev	95
Instructions for Contributors	83

Editor in Chief V. N. Lisitsa Associate Editor N. I. Krasnyakov
Executive Secretary E. R. Voronkova

Editorial Board of the Series

O. I. Andreeva, V. A. Boldyrev, V. S. Kamenkov, M. I. Kleandrov, S. V. Kodan, I. A. Kravets
E. V. Korotysh, I. D. Kuzmina, A. A. Makartsev, D. S. Murtazakulov, N. V. Omelyokhina
V. I. Plokhova, S. G. Proskurin, V. N. Rudenko, N. V. Shchedrin, T. V. Shepel
V. L. Tolstykh, A. V. Tsikhotsky, E. P. Voytovich, E. A. Zhegalov

Editorial Board of the Journal

M. P. Fedoruk (Chairperson), S. G. Sablina (Vice-Chairperson), D. V. Churkin (Vice-Chairperson)
M. M. Lavrentyev (Vice-Chairperson), A. V. Arzhannikov, S. S. Goncharov, V. S. Diev, V. I. Molodin,
G. M. Mkrtchyan
O. N. Pervushina, M. K. Timofeeva

The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press

The address for correspondence
Law Department, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Tel. +7 (383) 363 42 54

E-mail address: pravo@vestnik.nsu.ru; urfakngu@yandex.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

Научная статья

УДК 342.723+341.231.14

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-5-29

Коллективная мудрость в конституционном, информационном и цифровом измерении: о понятии и природе народного делиберативного конституционализма в публичном праве *

Игорь Александрович Кравец

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

kravigor@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-5291-7177>

Аннотация

В статье обсуждаются научные и интеллектуальные истоки коллективной мудрости в конституционном, информационном и цифровом измерении, раскрываются доктринальные подходы и нормативные основы народного делиберативного конституционализма, развитие инклюзивной конституционной парадигмы и ее значение для использования процедур и технологий участия граждан, экспертного мнения и институтов гражданского общества в конституционной развитии, в социальных преобразованиях, в конституционных изменениях, вызванных к жизни потребностями общества и государства. Народный делиберативный конституционализм идентифицируется в статье в качестве публично-правовой метаконцепции, объясняющей процесс и потребность конституционного вовлечения граждан. Автор приходит к выводу, что народный делиберативный конституционализм позволяет лучше понять проблемы реализации принципа народного суверенитета в современных демократических государствах, создавать оптимальную модель и учитывать формы осуществления учредительной власти народа при проведении в жизнь конституционных изменений. В статье констатируется, что будущее демократического конституционализма связано с созданием и использованием технологий коллективного разума в публично-правовой сфере, которые в условиях развития алгоритмического и информационного общества соединяют классические процедуры обсуждения конституционных вопросов и использование агрегированных предпочтений. Практическое применение достижений естественного и искусственного интеллекта для обсуждения и решения вопросов, имеющих публично-правовое значение, основывается на коэволюционном развитии и приводит к появлению мини-публик, гражданских ассамблей, конституционного краудсорсинга.

Ключевые слова

демократический конституционализм, народный делиберативный конституционализм, конституционный краудсорсинг, народный суверенитет, коллективная мудрость, конституционная коммуникация, равное участие, алгоритмическое общество, гражданство, конституционные изменения

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы»)).

* Статья подготовлена по итогам выступления с докладом на Международной научной конференции «Государство и общество в современном мире: конституционные перспективы», посвященной 30-летию Конституции Российской Федерации, Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, ЮФ, кафедра конституционного и муниципального права, 14–17 июня 2023 г.

Для цитирования

Кравец И. А. Коллективная мудрость в конституционном, информационном и цифровом измерении: о понятии и природе народного делиберативного конституционализма в публичном праве // *Юридическая наука и практика*. 2024. Т. 20, № 2. С. 5–29. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-5-29

Collective Wisdom in Constitutional, Informational and Digital Dimensions: on the Concept and Nature of Popular Deliberative Constitutionalism for Public Law

Igor A. Kravets

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation
kravigor@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-5291-7177>

Abstract

The article discusses the scientific and intellectual origins of collective wisdom in the constitutional, information and digital dimensions, reveals the doctrinal approaches and normative foundations of popular deliberative constitutionalism, the development of an inclusive constitutional paradigm and its significance for the use of procedures and technologies for citizen participation, expert opinion and civil society institutions in the constitutional development, in social transformations, in constitutional changes brought to life by the needs of society and the state. Popular deliberative constitutionalism is identified in the article as a public legal meta-concept that explains the process and need for constitutional involvement of citizens. The author concludes that popular deliberative constitutionalism allows us to better understand the problems of implementing the principle of popular sovereignty in modern democratic states, create an optimal model and consider the forms of exercising the constituent power of the people when implementing constitutional changes. In the article, the author notes that the future of democratic constitutionalism is associated with the creation and use of collective intelligence technologies in the public legal sphere, which, in the context of the development of an algorithmic and information society, combine classical procedures for discussing constitutional issues and the use of aggregated preferences. The practical application of the achievements of natural and artificial intelligence is intended to discuss and resolve issues of public legal significance, is based on co-evolutionary development and leads to the emergence of mini-publics, civil assemblies, and constitutional crowdsourcing.

Keywords

democratic constitutionalism, popular deliberative constitutionalism, constitutional crowdsourcing, popular sovereignty, collective wisdom, constitutional communication, equal participation, algorithmic society, citizenship, constitutional changes

Funding

The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No 23-28-00627, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00627/> (Communicative constitutionalism and constitutional mobilization: the problem of deliberative participation in the public and information space and the transformation of the public power system (concepts, norms and institutional mechanisms)).

For citation

Kravets I. A. Collective wisdom in constitutional, informational and digital dimensions: on the concept and nature of popular deliberative constitutionalism for public law. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 2, pp. 5–29. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-5-29

*Посвящается профессору А. И. Киму
и доценту А. М. Барнашову*

Идея «коллективного разума» не нова и применялась к таким разрозненным явлениям, как принятие решений путем консенсуса и ульевыми насекомыми. Коллективная мудрость идет дальше.

...совместное творчество становится разумным только тогда, когда оно основано на равенстве и справедливости¹.

...многие, которые по отдельности не являются превосходными людьми, тем не менее, когда они собираются вместе, могут быть лучше, чем несколько лучших людей, не индивидуально, а коллективно.

Аристотель. Политика [1]

Кто много знает, с того много и спрашивается.
Мало самому знать, надо другим передать.
Как бы ты ни знал много, а больше народа не узнаешь.

На всякого мудреца довольно простоты

Русские пословицы и поговорки [2]

**Учредительная власть и коллективная мудрость
в народном конституционализме**

Современные представления об учредительной власти базируются на четырех основаниях: 1) в условиях конституционализма нового и новейшего времени (в период и после Французской революции последней четверти XVIII в.) конституирующая власть принадлежит народу, формы проявления такой власти могут быть различными; 2) категории «народный суверенитет» и «национальный суверенитет» с позиций форм реализации конституирующей власти различаются, хотя и взаимосвязаны общей отсылкой к демократической, олигархической или ограниченной участием определенных социальных слоев и классов легитимации в публичном пространстве [3–5]; 3) как социальная категория «конституирующая власть» является источником конституции и правопорядка в стране; она обладает генеративными способностями, которые могут рассматриваться доктриной конституционализма в качестве неограниченного действующим правом (конституцией и законодательством) или как форма публичной власти, реализация которой ограничена определенными конституционными принципами (неизменными, «вечными» положениями конституции), принципами естественного права или иными правовыми принципами; 4) в XXI в. конституирующая власть рассматривается с учетом использования информационных и цифровых технологий; она может подвергаться конституционализации и обеспечивать сохранность материальной конституции и использоваться для выявления и выражения мнения народа при решении вопросов конституционного характера [6; 7].

¹ По мнению авторов книги, коллективная мудрость выражается в совместном творчестве, которое «становится разумным только тогда, когда оно связано с равенством и справедливостью». См.: Cizek K., Uricchio W. (eds.) *Collective Wisdom. Co-Creating Media for Equity and Justice*. The MIT Press, 2022. P. 1–17, 6. <https://doi.org/10.7551/mitpress/13394.001.0001> (дата обращения: 25.03.2024).

Конституционная реформа 2020 г. в России не затронула структуры действующей Конституции 1993 г.; вместе с тем она существенно изменила содержание многих конституционных положений, содержащихся в главах с 3 по 8; затронула нормативное содержание ряда важнейших основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина (в главах 1 и 2), хотя и не способна была внести какие-либо текстуальные изменения в «вечные» (при действующей конституции) главы Основного закона страны (главы 1, 2 и 9) [8; 9].

Следует отметить и важные общественные и некоторые международные условия осуществления конституционной реформы 2020 г.: 1) развитие международного тренда на расширение форм и способов вовлечения граждан и экспертного сообщества в процесс демократического создания конституций; 2) кризис западно ориентированной модели распространения конституционализма в различных частях мира: на глобальном Востоке, Юге, Севере и Западе, появление гибридных моделей конституционализма; 3) усиление международной напряженности, снижение гарантированности универсальных международных стандартов в области прав человека, возвышение конституционной идентичности и национальных механизмов защиты прав и свобод.

В этот период реализация конституционной реформы 2020 г. заставляет научное сообщество видеть новые векторы развития доктрины и практики конституционализма. Для *конституционализма как мировоззренческой системы и системы государственного правления* становится актуальным приобретение *новых качеств в публично-правовой сфере демократических государств*. Тем самым обеспечивается и *новый вектор* мирового конституционного развития.

По прошествии 30 лет со дня принятия Конституции РФ научное сообщество стало осмысливать (и в некотором смысле переоценивать) заданные конституционными нормами и принципами векторы развития Российского государства и общества.

Б. С. Эбзеев размышляет о сочетании в Конституции РФ естественно-правовых и позитивистских начал, потребности решить вопрос о взаимодействии коллективного и индивидуального в организации общества и социальной солидарности, после поправок 2020 г. Конституцией легитимируется «солидаристская модель развития России», которая «охватывает экономическую, политическую и социальную сферы общества» [10, с. 21, 35]. По мнению С. Н. Бабурина, который признает конституционализм «ведущей формой политико-правового развития современного государства», после конституционной реформы 2020 г. происходит аксиологическая (ценностная) трансформация современного российского конституционализма; он предлагает вектор развития – построение «интеграционного конституционализма» и укрепление «традиционных духовно-нравственных ценностей» [11, с. 40–42]. По нашему мнению, в первой четверти XXI в. Россия вовлекается в орбиту развития «делиберативного народного конституционализма», который становится ответом «на вызовы информационного и цифрового общества, содействует более широкому вовлечению граждан, экспертного, научного и профессионального сообществ, а также повышению конституционной легитимности и социальной солидарности в стране» [12, с. 48, 56]. К. Б. Толкачев полагает, «традиционная для юридической мысли в целом» тематика гуманистических начал конституционного права получает «совершенно новое наполнение» в связи с кризисом этих начал в современном правовом порядке; предлагает преодолевать «декларативность и условность» гуманистических принципов конституционного права», опираясь на государственный суверенитет, международный опыт и преодоление двойных стандартов, повышения работоспособности Основного закона страны [13, с. 59–60, 63–64].

В данной статье в рамках исследовательского проекта анализируются важнейшие научные, нормативные и институциональные основы *коллективной мудрости в конституционном измерении*. Предлагается рассматривать категорию «коллективная мудрость» в качестве конституционной и публично-правовой, которая влияет на содержание, роль, предназначение и формы реализации *народного делиберативного конституционализма*. На наш взгляд, сле-

дует отметить *четыре* наиболее важные идеи, которые могут быть рассмотрены в качестве интеллектуальной основы *коллективной мудрости в конституционном измерении*.

Во-первых, *идея коллективной мудрости* и *идея накопленного опыта* взаимосвязаны и пронизывают различные сферы публичной и частной жизнедеятельности, отражаясь в таких фольклорных элементах (формах), как народные традиции, обряды, обычаи, воззрения или верования. Термин «фольклор» (от англ. folk-loge, т. е. народная мудрость, народные знания) был введен в 1846 г. английским археологом У. Дж. Томасом и стал широко использоваться для обозначения совокупности «народных традиций, обрядов, обычаев, воззрений, верований, а также произведений народной художественной деятельности» [14, с. 457]. В начале XX в. в России слово «фольклор» с английского языка переводилось как «народоведение», что показывало значимость народных традиций и верований для формирования новой области знаний [15, с. 209].

В русских пословицах и поговорках (русский фольклор) первенствующее положение занимает *идея накопленного опыта* и *идея народной мудрости*, которые слабо связаны с процессами государственного управления, принятием решений в публичной сфере и развитием демократической традиции. *Идея народной мудрости* связана с *общественным бременем знаний* («кто много знает, с того много и спрашивается»); с важностью *аккумуляции* и *передачи знаний* («мало самому знать, надо другим передать»); с *синергетическим эффектом коллективных знаний народа* («как бы ты ни знал много, а больше народа не узнаешь»); с *ограниченностью знаний* отдельных специалистов и даже мудрецов по сравнению с коллективной мудростью народа («на всякого мудреца довольно простоты»).

Во-вторых, идея Аристотеля, выраженная в труде «Политика», говорит нам о том, что «многие» люди, не обладающие выдающимися способностями или знаниями «по отдельности», коллективно («когда они собираются вместе») могут быть «лучше, чем несколько лучших людей» и, следовательно, быть *носителями коллективной мудрости*.

В-третьих, в советском государствоведении и в советском строительстве господствующее положение занимала *декларативная и пропагандистская функция* принципа народного суверенитета, закрепленного на союзном и республиканском уровне в советских конституциях. *Формально* вариации юридических конструкций принципа народного суверенитета в конституциях советского типа символизировали верность *народному источнику власти*, хотя термин «народный конституционализм» не признавался доктриной советского государственного права. Научные позиции советских государствоведов отдавали дань декларативной и пропагандистской функции принципа народного суверенитета, не уделяя должного внимания конструктивной критике механизмов работы института участия общественности, граждан в вопросах конституционных изменений и конституционного развития. Стратегическая линия развития советского строительства заключалась в *постепенном расширении социального поля действия народного суверенитета* как формы проявления *самоуправления народа* на различных территориальных уровнях организации государственной власти в СССР.

Через *работу Советов различного уровня* происходило развитие *форм непосредственной демократии* в СССР, роль граждан в системе народоуправства по конституционным вопросам сводилась, как правило, к участию в обсуждении проекта новой конституции (через трудовые коллективы). Например, при анализе организации работы Советов по развитию форм непосредственной демократии (глава XII учебника) освещалась их роль в организации выборов народных депутатов, в осуществлении избирателями права отзыва; в организации работы с наказами избирателей, в предоставлении отчетов (перед населением) народных депутатов и подчиненных местным Советам органов управления; в организации всенародных и иных массовых обсуждений; в организации собраний граждан; в организации работы с обращениями граждан в Советы и их органы. [16, с. 376–425]. С учетом этой стратегии и нужно воспринимать слова А. И. Кима и А. М. Барнашова: «В СССР... вся власть принадлежит юридически и фактически народу. Власть в СССР – подлинное народовластие, действительная демократия» [17,

с. 3]. Слова «юридически и фактически», «подлинное народовластие», «действительная демократия», скорее, отсылали к марксистско-ленинской концепции конституции и более поздней доктрине социалистической демократии, чем к конкретному опыту развития и использования современных форм делиберативного участия, обсуждения поправок к Конституции и проектов конституций как *проявления форм участия народа в формальных и неформальных процедурах конституционных изменений*. Такой вектор исследования привлекал мало внимания как в преломлении к отечественному опыту, так и в контексте использования зарубежного и международного опыта.

В-четвертых, *современные технологии (информационные и цифровые прежде всего)* позволяют по-новому взглянуть на известное понятие *коллективного разума*, или *коллективной мудрости*, истоки которого восходят (как было представлено выше) к трудам Аристотеля и, несомненно, отражаются в *накопительном и передаваемом эффекте народной мудрости*, народных знаний. Аристотель, скорее всего, имел в виду афинские собрания, когда говорил о многих людях, собравшихся для выражения коллективной мудрости. Технологические решения в цифровом и информационном пространстве позволяют увеличить масштаб коллективного разума, который может охватывать миллионы людей; такой расширенный масштаб будет содействовать обсуждению и принятию решений по конституционным вопросам с позиций разностороннего подхода, включенности широких слоев и развития наиболее широкой социальной опоры для поиска доверия и согласия. Вместе с тем новые технологии позволяют отойти от классической процедуры «обмена аргументами» (которую «имел в виду Аристотель») в силу фрагментированности знания и разрозненного во времени и в пространстве вклада участников в процесс обсуждения (например, технология Википедии или краудсорсинга по созданию проекта Конституции Исландии). Однако, по мысли ответственных редакторов Хелен Ландемор и Юна Эльстера, новые технологии делают сам процесс обсуждения важных вопросов для решения задач в публичной сфере «более кооперативным и творческим во многих отношениях» [18, р. 2]. Появление *коллективной мудрости в информационном и алгоритмическом обществе* не может основываться исключительно на классическом обмене мнениями или на сопоставлении индивидуального вклада в решение общей задачи. Как пишет Хелен Ландемор, «дополненный широкомасштабными способами агрегирования мнений многих, этот изначально децентрализованный процесс обсуждения может составить тот вид коллективной мудрости, которую имел в виду Аристотель – только деиндивидуализированный...» [18, р. 3], характерный для современной эпохи новых технологий (цифрового общества).

Коллективный разум в информационную эпоху возникает в результате использования как *аналоговых*, так и *цифровых технологий*, классических *процедур обсуждения* и использования *агрегированных предпочтений*, соединение *естественного и искусственного интеллекта*. Поэтому использование достижений искусственного интеллекта при обсуждении и принятии решений в публичной сфере (алгоритмическое управление) и по наиболее значимым вопросам (в сфере государственного управления, в реализации публичной власти в области правосудия и др.) позволяет взглянуть по-новому и на *процесс участия граждан и института общественности* в конституционных изменениях, в мониторинге действующих конституционных норм.

Во-первых, в алгоритмическом обществе как новой стадии развития информационного общества появляется *алгоритмическая власть*, которая предполагает использование системы алгоритмов для принятия различных видов управленческих решений. Как отмечают Рик Питерс и Марк Шуленбург, «нужно мыслить с точки зрения алгоритмов как одной из форм, посредством которых власть реализуется в нашем обществе» [19, р. 5]. Алгоритмы используются в публично-правовой сфере для сбора и обработки информации, принятия решений или содействуют принятию важных решений, в том числе когда соединяются достижения естественного и искусственного интеллекта.

Во-вторых, опыт отдельных государств (таких как Исландия) и обсуждение в доктрине конституционного права возможности использования технологий краудсорсинга для решения задач конституционного дизайна показывает формирование ответов юридической науки (в частности, конституционно-правовой науки) на вызовы алгоритмического общества [20, с. 60]. Тем самым алгоритмические технологии «обещают новые ответы и повышение точности принятия решений», показывают «новые пути обогащения человеческого знания» и несут новые риски, связанные с проблемой человеческого участия [21, р. 6]

В-третьих, *коллективная мудрость* граждан, экспертов, институтов гражданского общества формируется посредством использования новых цифровых и информационных технологий и требует правовой основы и возможной конституционализации способов и форм проявлений учредительной власти в алгоритмическом обществе.

Формы конституционализации коллективной мудрости в публичном и информационном пространстве

В структуре современного конституционализма важное значение придается институтам представительства, учредительной власти, демократическим процедурам принятия решений, сочетанию алгоритмической власти и политического вовлечения, основным правам и свободам человека и гражданина в различной комбинации и расстановке приоритетов в конституционном развитии. Одни авторы уделяют повышенное внимание формам взаимодействия конституции и прав человека в сравнительном конституционном развитии [22]. В других исследованиях *цифровые права в публично-правовом пространстве* рассматриваются как важные притязания гражданина в информационной среде Интернета и относительно новые сферы реализации цифрового гражданства [23; 24].

По мнению С. А. Авакьяна, посвятившего свой комплексный анализ институту представительства в конституционном праве, данный институт, сохраняя важное значение в обеспечении взаимосвязей органов публичной власти и граждан, приобретает новые сферы реализации и новые качества [25]. Представительство в конституционном праве испытывает влияние тренда на вовлечение граждан и институтов гражданского общества в обсуждение и принятие решений по вопросам конституционного характера [26]; данный тренд и сама процедура делиберативного и императивного участия граждан не заменяет комплексную работу института конституционно-правового представительства или конституционную репрезентацию [27, с. 186].

Исследование роли учредительной власти в системе современного конституционализма и конституционной модернизации в российском и сравнительном аспекте занимает важное место для понимания способов выражения народной воли, процедур волеобразования по конституционно-правовым вопросам [28, с. 206].

К формам конституционализации коллективной мудрости при обсуждении и решении вопросов конституционного характера в публичном и информационном пространстве следует относить: 1) формализацию *конституционной идентичности* политической нации и избирательного корпуса в тексте Конституции; 2) конституционно-правовое закрепление *институтов делиберативного участия граждан* в конституционных изменениях страны (гражданских ассамблей, мини-публик и др.); 3) конституционное и законодательное регулирование института экспертного мнения при обсуждении вопросов конституционного изменения, разработки проектов поправок к Конституции или проекта новой Конституции; 4) *признание на нормативном уровне и использование краудсорсинговых платформ* в деятельности палат федерального парламента и региональных парламентов для вовлечения граждан и экспертного сообщества в обсуждение наиболее значимых законопроектов (на федеральном и региональном уровнях); 5) разработку и принятие федерального конституционного закона о формах учредительной власти в стране, конституционно-правовое признание возможности использования технологий

краудсорсинга для разработки конституционных поправок, проекта новой Конституции и осуществления конституционного мониторинга действующих норм Конституции; б) судебную конституционализацию институтов делиберативного участия граждан и экспертного мнения, более широкое использование в практике конституционного правосудия экспертного мнения и регламентацию в законодательстве о конституционном правосудии.

Конституционное право участвует в создании и поддержании *цивилизационных основ любого государства*, причем такое влияние оно оказывает и в случае существования кодифицированной конституции, и когда конституция является смешанной или некодифицированной. Однако нормы *писаных конституций* (кодифицированных и некодифицированных) имеют *ресурс нормативного конституционного принуждения* благодаря закреплению разнообразных предписаний, они содержат декларации, принципы, ценности и цели развития общества и государства, которые выполняют одновременно несколько функций: декларативную, нормативно-ориентирующую, аксиологическую, телеологическую и, в итоге, интегративную функцию, отражая чаяния и надежды, сплоченность и единение, обеспечивая преодоления конфликтов (конституционных, политических, социальных) в политико-правовом и социально-экономическом пространстве. Повышенное внимание к *писаным нормам конституций как основы юридического конституционализма* не случайно среди ученых-конституционалистов. Их взгляды и позиции зачастую выступают *индикатором удовлетворенности* действующей конституции или отдельных ее положений. В этом смысле научные предложения по разработке отдельных конституционных норм или проекта конституции в целом служат не только делу продвижения профессиональных и доктринальных предпочтений *в тело конституции*, но и *развивают публичную сферу обсуждения* несовершенств и проблем реализации конституционных положений. Следовательно, дискуссии вокруг конституционной реформы (неизбежной или возможной) служат формированию дискурсивного поля для научного и публичного обсуждения конституционных парадигм (в частности, конституционный кризис связывается с существованием расхождения между нормами российской Конституции и реальными общественными практиками) [29, с. 3–11]; вовлекают в процесс научной конституционной коммуникации профессиональное сообщество, причем представители такого сообщества могли быть в разной степени вовлечены в процесс подготовки и обсуждения проекта конституционной реформы 2020 г.; выявляют позитивные, проблемные и негативные стороны как содержания, так и процедуры разработки, обсуждения и принятия конституционных поправок, или тенденции конституционного развития страны (среди которых выделяются децентрализация государственного устройства России, централизация местного самоуправления, дивергенция российской правовой системы и ее международная изоляция, архаизация традиционных ценностей, изменение формы правления, ее гибридизация и формирование «суперпрезидентства») [30]; создают научные условия для *конституционного прогнозирования* в их работе. Критической оценке подвергается и конструкция «единой системы публичной власти», введенная в Конституцию РФ в 2020 г. Так, по мнению исследователей, данная конструкция находится «в системном противоречии с принципами и нормами Конституции РФ, закрепляющими федеративное устройство России», ее применение сопровождается «неуправляемым разрастанием» системы публичной власти «на фоне размывания границ государственно-властной, государственно-управленческой деятельности» [31, с. 25–34].

Конституционные правоотношения традиционно рассматриваются как фундаментальные, основополагающие в правовой системе современных государств. *Теория конституционных правоотношений* признает за ними *смешанную природу*: правовую и политическую одновременно, взаимность прав и обязанностей в содержании правоотношений независимо от того, между какими субъектами конституционного права такие отношений возникают, ориентированность содержания конституционных правоотношений на две ключевые предметные области: властеотношения и реализацию, защиту основных прав и свобод личности, объединений

граждан, юридических лиц в той мере, в какой конституционное право устанавливает и обеспечивает гарантирование и защиту таких прав.

Теория судебного гарантирования конституции предполагает охват конституционно-процессуальными гарантиями всего спектра конституционных норм и взаимосвязанных с ними отраслевых норм и правоотношений. Судебные гарантии принципа народного суверенитета и учредительной власти нуждаются в понимании *юридических и интерпретационных границ*, в понимании интеллектуальных (концептуальных) опор при конституционно-процессуальной защите. При осуществлении конституционной реформы 2020 г. возник «конституционный конвергент» демократических и традиционных принципов и ценностей (в конституционном тексте), а практика Конституционного Суда РФ в период проверки Закона РФ о поправке к Конституции РФ показала, что в российской судебной конституционной юриспруденции не сформирован «юридический стандарт использования конституирующей власти» [32, с. 6–10]. Неоднократно проведенная в научной литературе оценка опубликованного 16 марта 2020 г. на интернет-портале правовой информации Заключения Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 показывает, что существует связь между *учредительной властью, государственным суверенитетом, народным суверенитетом*, которая выявляется в ходе принятия поправок к Конституции, независимо от того, использовались ли в заключении суда осмысленные доктрины учредительной власти (имплицитно и/или эксплицитно)². К сожалению, Конституционный Суд РФ не использовал такие доктрины, как *народный конституционализм, конституционный народный мониторинг*.

Использование принципа народного суверенитета в вопросах судебного гарантирования конституции отличается большим своеобразием, высоким уровнем судейского усмотрения; причем орган конституционного правосудия, как правило, не объясняет, какой доктриной (концепцией) суверенитета народа он считает необходимым воспользоваться для обоснования принимаемого решения. *Конституционный текстуализм* и буквальное толкование в данном вопросе мало помогают. Очевидно, что без доктринального обоснования того или иного выбора границы использования принципа народного суверенитета оказываются в инструментальных руках судей и среди процессуальных средств защиты народного суверенитета с неоднозначными последствиями. Устойчивые доктрины конституционного права и необходимость обоснования их выбора при разрешении конституционных споров в судебном порядке служат *научной и профессиональной делиберации в конституционном правосудии*, определяют *границы юридического усмотрения и являются индикаторами выполнения судьями служебной роли объективных толкователей конституции*, защиты публичных интересов, политической неподкупности судей, выполнения арбитражной конституционной функции для согласования различий между публичными и частными интересами, между интересами личности, общества и государства.

В структуре российского конституционного права видное место занимают такие институты, как общественные палаты, общественные советы, публичные слушания, правотворческие инициативы граждан, инициативные проекты (муниципальный уровень осуществления публичной власти и вовлечения граждан). Вместе с тем институты делиберативного народного конституционализма (как формы общественного участия) пока не получили общероссийского признания для их использования на федеральном и региональном уровнях; их примене-

² О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядку вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 года / Официальный интернет-портал правовой информации, <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037> (дата обращения: 25.03.2024).

ние в муниципальных образованиях в значительной степени носит формальный («галочный») характер как исполнения требований федерального закона об общих принципах организации местного самоуправления в РФ («для галочки»). Однако в целом следует признать положительным тренд на развитие в доктрине и практике российского конституционализма *общественного коммуникационного пространства и права общественных интересов*, которые обеспечивают больший спектр включения общества и общественных интересов в процесс обсуждения и принятия решений по публично значимым вопросам на различных уровнях организации публичной власти.

Социальная солидарность, доверие и делиберативное участие в народном конституционализме (правовое поле для конституционной коммуникации)

Социальная солидарность в конституционном праве занимает важное исследовательское поле, которое стало расширяться благодаря новациям в российской Конституции после 2020 г. и новому вектору конституционно-правового мышления. По мнению И. А. Алебастровой, конституционализм следует рассматривать как юридическое основание социальной солидарности [33]. Данная категория («социальная солидарность») требует большей ясности применительно и к конституционному тексту, и к различным сферам правовой политики Российского государства. Как отмечает А. А. Гришковец, следует критически оценивать административно-правовые средства продвижения социальной солидарности (фактически в режиме принуждения), которые не могут заменить более активное участие государства в формировании благоприятной социально-экономической среды, которая может оказываться под угрозой в период вооруженных конфликтов [34, с. 142, 149, 150].

Появление в Конституции РФ 1993 г. после поправок 2020 г. новой статьи 75.1, которая закрепляет нормы-принципы, *затрагивающие социально-экономические основы политики государства*, среди которых и *принцип социальной солидарности* («в Российской Федерации обеспечивается социальная солидарность»), свидетельствует о стремлении создать новый вектор развития конституционной идентичности. Следует определиться с тремя вопросами: 1) на какие сферы правовой политики государства распространяется конституционный статус принципа социальной солидарности, будет ли в данном вопросе применяться универсальный подход (для всех сфер общественной и государственной жизни) или более ограниченный предметный подход; 2) какие юридические средства достижения социальной солидарности необходимо применять, формируя процесс не показательного и декларативного включения, а участия граждан, институтов гражданского общества, основанного на делегировании полномочий и частных инициативах; 3) насколько вовлечение граждан необходимо сопровождать более интенсивным созданием *мини-публик и гражданских ассамблей* для обсуждения и принятия решений в сфере социально-экономической политики государства и демократического обновления страны для того, чтобы противодействовать «ситуации всеобщей утраты доверия и социально-политических расколов, которыми характеризуются современное российское общество» [35, с. 35].

Конституционализм часто рассматривается как устойчивая система государственного правления, основанная на принципах и положениях конституции. Однако новое (в определенном смысле критическое) видение конституционализма в силу новых задач общественного характера и кризиса либерально-демократического подхода [36; 37] предполагает формирование *конституционной идентичности на основе социальной солидарности*. Важно, чтобы в конституционном пространстве социальная солидарность формировалась на основе сохранения и соблюдения гуманистических основ и верности конституции с опорой на осознанное гражданское участие. В такой же степени *конституционализм в странах общего права* может рассматриваться как реальный режим конституционной демократии с нормативным правовым

порядком, основанным на статутном праве, конституционных соглашениях или обычаях, судебных прецедентах – как разновидность *конституционализма общего права* (англ. *common law constitutionalism*), в котором сохраняется приоритет господства права и соблюдения прав человека [38, p. 236].

Элементы и процедуры *народного конституционализма* в современном мире подвергаются существенным доктринальным и нормативным обновлениям. Формируется важное направление *инклюзивной конституционной парадигмы* (расширение форм участия граждан, представителей профессионального сообщества и гражданского общества) и развиваются цифровые и информационные формы участия граждан в конституционных изменениях (цифровые ассамблеи, конституционный краудсорсинг, общественные конституционные инициативы через интернет-порталы). Доктрина конституционного права в России развивается в различных направлениях, среди которых приобретает важное значение (в свете конституционной реформы 2020 г.) *учение об учредительной власти и теория представительства в конституционном праве*. Их *демократическая составляющая* (учредительной власти и института представительства) касается многих аспектов правового и политического вовлечения.

Конституционные изменения в современном конституционализме могут иметь различные источники и осуществляться посредством разных процедур (с использованием форм *делиберативной и императивной демократии*). До начала XXI столетия *сравнительный конституционализм* обращался преимущественно к вопросам конституционных изменений посредством анализа способов принятия конституций, внесения в них поправок или других изменений, моделей инкорпорирования поправок в текст конституции, порядка введения в действие конституций в национальном и планетарном масштабах. Исследования в двух декадах XXI в. привели к пониманию *сравнительных конституционных изменений* как самостоятельной области исследований и многогранного и многослойного явления с новыми факторами участия граждан и института общественности в целом. Появление *новых областей исследований* в сравнительном конституционном праве, таких как *сравнительные конституционные изменения* [39] и *делиберативный конституционализм* [40, p. 431] позволили начать процесс систематизации данных о мировых тенденциях и векторах, формах и методах *участия граждан в конституционных изменениях* с применением как совещательных, так и императивных форм демократии и юридических процедур.

Идет активный научный процесс осмысления проблемы *совместимости основных принципов конституционализма и технологий совещательной демократии*, что потребовало интеграции знаний и практик из нескольких областей: сравнительного конституционного права, делиберативной демократии, коммуникативной правовой концепции и теории коммуникативной деятельности, предложенной философом Ю. Хабермасом [41].

По мнению исследователей (Симоне Чамберс, англ. *Simone Chambers*), «создание конституции в обществах, осознающих свое собственное разнообразие и плюрализм», сталкивается с определенной проблемой: с одной стороны, «нам нужен «народ», который сможет говорить как один, чтобы реализовать волонтаристские устремления современного конституционализма»; с другой стороны, «создание «народа» посредством ассимиляции или вербального соглашения теперь, похоже, нарушает те же самые демократические или волонтаристские устремления» [42, p. 155–156].

Федерализация и обновление практики использования принципа *народного суверенитета* в российской политико-правовой системе – важная задача реализации конституционной реформы 2020 г. Будет уместным отметить работу данного принципа, скорее, в *конституционно-совещательном ключе*, когда речь заходит о разработке, обсуждении и принятии поправок к Конституции. Государству и обществу, экспертному сообществу необходимо решить нетривиальный технологический и доктринальный вопрос о том, в каких формах будут участвовать граждане и институты гражданского общества, а также профессиональное сообщество (в том числе сообщество конституционалистов) в *демократической процедуре создания конститу-*

ции и конституционных поправок. Конституция РФ 1993 г. после конституционной реформы 2020 г. пока каких-либо конституционно-правовых основ *народного делиберативного участия* не имеет.

Принцип народного суверенитета и принцип национального суверенитета взаимосвязаны, но имеют перекрещивающиеся и частично совпадающие нормативно-правовые и публично-политические сегменты содержания. Принцип народного суверенитета требует федерализации и закрепления в системе принципов организации и деятельности органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления. В более широком законодательном закреплении нуждаются и формы делиберативного участия граждан в обсуждении вопросов конституционного характера, проектов законов, проектов поправок к Конституции на уровне субъектов РФ. На реализацию и понимание принципа народного суверенитета оказывает влияние и категория «общественная власть» в структуре российского конституционализма.

В литературе оправданно отмечается появление *общественно-властных полномочий* у государственно-общественных объединений (например, у общественных палат ряда субъектов РФ), а также у *общественных советов* при законодательных и исполнительных органах государственной власти субъектов РФ (например, обсуждение общественно значимых проектов законов, проведение общественной экспертизы проектов законов, участие в мониторинге правоприменения законов субъекта РФ и др.). В частности, по мнению Г. Н. Чеботарева, появление общественной власти в системе российского конституционализма свидетельствует, что развиваются формы самоорганизации граждан, а сама общественная власть «не замыкается внутри организационных структур гражданского общества»; она выходит на взаимодействие «с государственной и муниципальной властями» [43, с. 28, 30]. *Признание общественной власти* в системе российского конституционализма – важный вектор формирования института участия общественности в обсуждении и решении вопросов конституционного характера. Современный законодательный подход *ограничивает круг общественно-властных полномочий* у подобных общественных формирований определенной предметной и территориальной сферой и не допускает их включение в процесс обсуждения и предложений поправок к Конституции и конституционных изменений в стране.

Какое место занимают в системе конституционных принципов организации публичной власти России принципы народного и национального суверенитета? На федеральном уровне принцип народного суверенитета закрепляет Конституция РФ 1993 г. (ч. 1 ст. 3), указывая на полиэтническую основу данного принципа демократической легитимации государственной власти. Категория «многонациональный народ» – неотъемлемый атрибут конституционного признания принципа народного суверенитета и одновременно проявление элементов принципа национального суверенитета. Вместе с тем *данный принцип (народного суверенитета)* не получил законодательную конституционализацию в структуре нового федерального закона об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ, т. е. не подвергся федерализации и пониманию в качестве неотъемлемого принципа демократического участия и демократической легитимации. В Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ (в редакции от 04.08.2023) статья 2 перечисляет 13 принципов деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, среди которых есть и *верховенство Конституции РФ, федеральных конституционных и федеральных законов на всей территории РФ; и государственная и территориальная целостность РФ; и распространение суверенитета РФ на всю ее территорию; и единство системы публичной власти; и др.* Тем не менее нет *принципа народного суверенитета и форм делиберативного участия граждан в осуществлении публичной власти.* Только частично такой недостаток может компенсироваться признанием и законодательным закреплением в качестве последнего (13 принципа) *принципа государственного контроля (надзора), парламентского контроля и общественного контроля над деятельностью органов публичной власти и их должностных лиц.* Однако он значительно

уже и не перекрывает конституционное содержание принципов народного и национального суверенитета. Между тем в доктрине конституционного права признано, что принцип народовластия является «определяющим и лежит в основе демократического развития страны» [44, с. 494]. Очевидно, что требуется корректировка положений названного Федерального закона и законодательная конституционализация не только принципа народного суверенитета, но и форм делиберативного участия граждан и экспертного сообщества на региональном уровне.

В современных исследованиях российских [45, с. 46] и зарубежных авторов *инклюзивная парадигма конституционных изменений* занимает место одного из мировых трендов, которая имеет относительную эффективность применения в малых демократиях. По мнению К. Контиадес и А. Фотиаду, ведущее участие граждан в процессе конституционных изменений в настоящее время становится «отдельной тенденцией в теории и практике конституционного проектирования» [26, р. 2–3].

Конституирующая власть в условиях существующего правопорядка находится в сложных отношениях с различными формами разработки и принятия поправок к Конституции и проведения в жизнь конституционной реформы [46; 47]. С одной стороны, *производная конституирующая власть*, основанная на действующей конституции, инициируется, как правило, уполномоченными органами государства, которые занимают доминирующее положение в конституционной системе. С другой стороны, в условиях демократического государства важно предусматривать участие граждан и экспертного сообщества на самых ранних этапах разработки, обсуждения и принятия поправок к Конституции и проекта новой Конституции. Действующее конституционное законодательство, к сожалению, формы делиберативного участия граждан и экспертного сообщества не предусматривает.

Конституционная реформа 2020 г. показала, что пакетное голосование, с одной стороны, не является какой-либо российской (советской) *государственно-правовой традицией*, скорее, такой подход сформировался на конкретный случай; с другой стороны, опыт стран, в которых проводятся референдумы по отдельным конституционным поправкам, свидетельствует о серьезном *дискуссивном и делиберативном поле* вокруг поправок, о значительном вовлечении еще до голосования граждан страны в осмысление последствий, позитивных, проблемных зон будущей работы поправки. Для регулирования будущих процедур обсуждения и принятия поправок к Конституции следует отказаться от пакетного голосования (за исключением случаев взаимосвязанных единым предметом регулирования поправок). Следует предусмотреть и гарантии равного участия различных представителей гражданского общества, граждан в вопросах записи и демонстрации роликов в поддержку поправок к Конституции. В 2020 г. на центральных каналах телевидения накануне голосования *демонстрировались заранее записанные ролики* «известных артистов, деятелей культуры с положительными призывами за поправки» [48, с. 92], которые оказывали глубокое культурно-пропагандистское воздействие на широкое общественное сознание, что, несомненно, повлияло на положительный исход голосования.

Обращение к концепции *коммуникативного конституционализма*, появившейся в первой четверти XXI в. на основе интегративного прочтения теорий коммуникативной деятельности Ю. Хабермаса, делиберативной демократии и народного (популистского) конституционализма в сочетании с коммуникативной теорией права, позволяет осмыслить процесс *использования института народного участия, гражданских ассамблей, различных мини-публик в динамике конституционных изменений* [49, с. 41]. Учитывая международный и российский опыт, следует отметить, что *теория коммуникативного конституционализма* имеет несколько важных сфер практического применения: 1) в период разработки концепции развития конституционного законодательства и научных концепций российского отраслевого законодательства; 2) для формирования новых векторов и методологии анализа процесса конституционных изменений (формальных и неформальных) в отечественном правовом и информационном пространстве; 3) в ходе подготовки и осуществления конституционной реформы (включая разработку кон-

кретных поправок к Конституции или проекта новой Конституции); 4) для создания научно-практических основ конституционного прогнозирования в процессе работы действующей Конституции страны.

В то же самое время расширяются и усложняются практики использования информационных и цифровых технологий в Интернете для самых разнообразных форм участия граждан и их объединений в различных правовых, политических и социальных коммуникациях (в таких сферах, как культура, образование, здравоохранение, бизнес, политика, государственное и муниципальное управление). Ряд исследователей полагают, что возникают «цифровые коллективы», которые выступают «факелоносцами грядущих социальных и политических преобразований», другие считают их «самоорганизованным коллективным разумом» [50, р. 5]. «Цифровые коллективы» в информационном и алгоритмическом обществе нуждаются не только в идентификации в онлайн-пространстве, но и в новых объяснительных концепциях, интегрирующих гражданственность, политическое участие, правовую и цифровую идентичность.

Цифровая идентичность приобретает важное публично-правовое значение, которое связывает воедино информационное и цифровое пространство, с одной стороны, участие граждан в процедурах принятия решений (голосованиях, обсуждениях), с другой стороны. В условиях алгоритмического общества появляется феномен цифрового гражданства, который может по-разному рассматриваться в юридических и политических науках. В политических науках существует стремление расширить сферу понимания гражданства, которое базируется на неинституциональном подходе (Д. Норт), политической философии либерального и мультикультурного гражданства (У. Кимлика). Доступ в Интернет и широкое использование интернет-ресурсов в различных сферах общественной и государственной жизни, политическое вовлечение граждан в цифровой среде поставили вопрос о политическом значении («политических границ») цифрового гражданства [51, с. 69–71]. Конституционно-правовая наука не остается в стороне от процессов выработки правовых регуляторов и признания на законодательном уровне института цифрового гражданства. Участники конституционной коммуникации в цифровой среде должны иметь идентификацию для совершения выбора и обсуждения публично значимых вопросов (при голосовании, мониторинге, оценке удовлетворенности). На основании Федерального закона от 14.03.2022 № 60-ФЗ была введена статья 64.1 («Дистанционное электронное голосование»), согласно которой дистанционное электронное голосование может проводиться при «проведении выборов, референдумов по решению соответствующей избирательной комиссии, комиссии референдума». Введение и использование дистанционного электронного голосования на выборах в России (в сентябре 2023 г. ДЭГ применялось в единый день голосования на выборах в региональные и муниципальные органы публичной власти) развивает технологии и практику цифрового волеизъявления граждан. Решением ЦИК России был создан специальный портал дистанционного электронного голосования, в 2023 г. ДЭГ применялось в 25 субъектах Российской Федерации (в 11 субъектах РФ охватывались все виды избирательных кампаний), в 14 субъектах Российской Федерации технология ДЭГ применялась на отдельных выборах.

Требует своего внимания со стороны законодателей и *вопрос об использовании делиберативных форм демократии через информационное и цифровое пространство* (в том числе и по вопросам конституционных изменений в стране).

Радикальный революционный и народный делиберативный конституционализм в условиях IT-революции и новых технологий

Конституционализм как исследовательская парадигма в современном публичном праве и исторической юриспруденции включает несколько направлений, которые *идентифицируют векторы взаимодействия учредительной власти и существующего правопорядка*. В совре-

менной отечественной и сравнительной юриспруденции стала использоваться категория «конституционные революции» и «революционный конституционализм» [52].

Радикальное направление в революционном конституционализме обращается не только к истории организации и проведения конституционных революций в новое и новейшее время, но и проецирует будущее общество, где активно используется мобилизация массового общества для достижения социальных перемен. В частности, Мюррей Букчин, проводя последовательную критику современной парламентской демократии и основанного на ней демократического государства, предлагает коммуналистский проект и *конфедералистскую* альтернативу, в которой широко используется сеть народных ассамблей, принимающих решения по ключевым вопросам для предотвращения разрушения окружающей среды, выражения заботы о качестве жилого пространства, активного участия в жизни общины. Для этого он разрабатывает некоторые принципы для будущей *конфедералистской структуры общества*: принцип формирования муниципальной экономики взамен капиталистической, развитие практики социальной экологии, расширенное использование институтов прямой демократии через народные собрания, объединенные в конфедерацию [53].

Информационно-технологическая революция обеспечивает широкое применение *алгоритмов для вычисления и принятия решений* в различных сегментах государственной и общественной практики, в публичных и частных сферах реализации прав, законных интересов индивидов, юридических лиц. *Алгоритмизация* вследствие повсеместного внедрения алгоритмов – неотъемлемая часть *алгоритмического общества* и использования цифровых и информационных технологий. Влияние алгоритмов на современные гуманитарные и общественные науки трудно переоценить, хотя очертания самой алгоритмизации общества и государства пока еще до конца не ясны и вызывают беспокойство с позиций *дегуманизации* принятия решений и *значительного снижения* (пока еще не устранение) *человеческого фактора* из механизма принятия публично значимых решений или из *алгоритмических систем*. В исследованиях отмечается, что «алгоритмы повсюду», они проникают во многие сферы принятия государственных и общественно значимых решений; в книге предлагается понятие *алгоритмического общества* [54, р. 1–11]. Как утверждают ученые из различных юрисдикций, для маркетологов алгоритмы служат способом проанализировать потребительские предпочтения «на основе поисковых запросов в Интернете, данных о покупках по кредитным картам и данных о поведении», создать «ценовые алгоритмы» или «экспертные торговые системы» [55, р. 1–4]. Оправданно констатируется новая сфера конституционно-правового влияния и регулирования в публичном праве, это сфера информационно-цифрового пространства [56, с. 27].

В информационно-цифровом пространстве с использованием интернет-ресурсов граждане РФ участвуют для реализации своих *законных информационных и иных интересов*. Среди таких интересов важное значение приобретают интересы получения государственных и муниципальных услуг, политического участия, взаимодействия на основе конструктивного и конвенционального диалога с органами публичной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Е. В. Бродовская справедливо выделяет цифровых граждан и цифровую гражданственность как относительно новые явления в современной общественной и политической коммуникации, считая необходимым *формировать культуру цифрового гражданства*, его многоаспектность и этико-культурную составляющую [57, с. 65–67].

Современный конституционализм вовлекается в орбиту цифровой и информационной революции. Например, Д. Валчев полагает, что эта «информационная революция влияет на современные конституционные парадигмы», и, в частности, «она влияет на напряженность между национальным суверенитетом и глобальным конституционализмом, а также на защиту представительной демократии и нормативной идеологии права» [58, р. 42], ставится под сомнение сама *нормативность права благодаря его гибридизации*.

Следует обратить внимание, что цифровые и информационные технологии подготавливают почву для определенной трансформации традиционного института гражданства как устой-

чивой правовой связи человека и государства. Это не означает, что *территориальное гражданство*, освещенное юрисдикцией определенного государства, теряет свою значимость; наоборот, в период международной напряженности и кризиса универсальных норм международного публичного права апелляция к национальному гражданству и государственному суверенитету приобретает особую популярность, является следствием продвижения в публичное пространство и конституционного патриотизма, и суверенного Интернета. Однако *технологические революции* – это не только технологии на службе людей, организаций, органов публичной власти и самого государства; такие революции, совершаемые в информационном и цифровом пространстве, ставят вопрос о *новой правосубъектности*. *Алгоритмическое общество* создает условия для появления *цифрового гражданства*, идентификация которого требует новых подходов к правовому регулированию, к гарантиям безопасности, к определению политической, информационной и правовой сфер использования *прав цифрового гражданства*, как в эпоху формирования индустриального общества требовались конституционное и законодательное оформление *прав политического гражданства*.

Повседневная жизнь граждан и общества оказывается под непосредственным воздействием цифровых технологий. В таких условиях государство обязано содействовать развитию цифровой среды, расширять доступ в Интернет и создавать новые формы участия в публично-правовом пространстве, эффективно используя достижения информационно-технологической революции [59, р. 24]. Требуется своего правового признания и обоснования, а потом и законодательного (конституционно-правового) оформления *прав цифрового гражданства*, которые пока рассматриваются в категориях информационных прав и права на доступ в Интернет. Данные права, очевидно, будут связаны с вопросами участия граждан в конституционных изменениях с использованием цифровых и информационных технологий (право на обсуждение поправок к Конституции, право на предложение таких поправок, право на участие в голосовании по проекту новой Конституции и по поправкам к действующей Конституции). Опыт различных государств (таких, как Исландия, Ирландия, Люксембург и др.) показывает *неодинаковую степень вовлечения граждан в процесс конституционных изменений* (разработки проекта Конституции, обсуждения и принятия поправок к Конституции). Общая проблема заключается в следующем: с одной стороны, пока все еще нет концептуального видения и разработанных конституционно-правовых форм такого участия; с другой стороны, потребность в «здоровой структурной теории», способной бросить вызов «консолидированным, но теперь явно недостаточным догматическим категориям» [60, р. 31, 46, 47] требует от научного сообщества конституционалистов разработки *моделей демократичного создания конституций* на основе широкого привлечения граждан, институтов гражданского общества, юристов-исследователей и экспертного мнения, отражающего широкий спектр территориальной структуры с учетом принципа научного федерализма. Национальный правопорядок России оказывается под бременем цифровизации и оптимального использования информационных технологий; частичное «перемещение поведения субъектов права в виртуальное пространство» [61, с. 196, 197] требует новых правовых форм регулирования с признанием *прав цифрового гражданства*.

Заключение: выводы и предложения

Первое. «Коллективная мудрость» – категория коллективного разума, имеющая античные истоки (в частности, взгляды Аристотеля) и активно используемая в современной доктрине делиберативного участия, правовой и конституционной коммуникации для выявления мнения граждан, экспертного сообщества по важнейшим вопросам публично-правового характера или имеющим высокое общественное значение.

Второе. Выражение и учет мнений граждан, экспертов, представителей гражданского общества возможны не только через общественные палаты и общественные советы, но и через формы делиберативной демократии, пока не освоенной российской правовой системой в полной

мере (гражданские ассамблеи, мини-публики и др.). Для этого *необходимо создание законодательства, отличного от правового регулирования общественного контроля*. В данном вопросе следует руководствоваться концепцией *коммуналистского проекта* (М. Букчин), когда гражданская деятельность человека признается в качестве общественной добродетели, а граждане, проживающие в городах и других населенных пунктах, имеют технические возможности и нормативную базу для участия в публично-правовом пространстве страны для обсуждения и принятия решений [62, с. 36, 50, 51].

Третье. Понятие *конституирующей власти* имеет важное значение для поддержания социальной солидарности и демократической легитимации учрежденных властей. Участие такой власти в поддержании социального консенсуса по поводу принципов и условий развития конституционного строя не может рассматриваться как одномоментный акт (акт принятия конституции); такая власть требует демократического участия граждан в повседневной конституционной жизни общества и государства. Тем не менее следует признавать, что «фаза формирования» имеет приоритет над повседневным обычным применением закона [63, р. 1–3]. Для умеренного применения производной и первоначальной конституирующей власти важно иметь на конституционно-правовом уровне адекватные формы делиберативного участия граждан, которые смогли бы формировать народную волю по важнейшим вопросам публично-правового характера с учетом исторического (в том числе и советского опыта регулирования всенародного обсуждения конституций) [64]. Конституционная реформа 2020 г. существенно изменила содержание принципа разделения властей, закрепленного в статье 10 Конституции РФ [65], однако не затронула вопросы расширения форм участия граждан в конституционной делиберативной политике.

Четвертое. В современный период происходит трансформация информационного права [66]; развивается информационная революция в различных сегментах правовой системы, государственного и муниципального управления. Используя опыт отечественной и зарубежной цифровизации системы публичной власти и органов местного самоуправления [67], следует отметить необходимость *создания краудсорсинговых платформ на различных уровнях работы представительных учреждений* (федерального парламента, региональных парламента, представительных органов муниципальных образований) для целей информационного взаимодействия граждан и депутатов, участия в обсуждении проектов правовых актов, реализации парламентского и общественного контроля. Опасности «грядущего мира роботов» [68, с. 4] и постепенное изменение нормативного метода регулирования, действующего в отношении человеческого поведения, и его частичная замена алгоритмическим регулированием, применяемым в отношении компьютеров, не должна препятствовать вовлечению граждан в систему алгоритмического управления, в том числе посредством использования технологий краудсорсинга.

Пятое. В отечественной юриспруденции оправданно высказывается мнение, что практический конституционализм требует ясного конституционно-правового определения непосредственной и представительной демократии как важнейших институтов в демократическом правлении [69, с. 6]. Однако в ходе подготовки и реализации конституционной реформы 2020 г. мало внимания уделялось конституционализации новых и хорошо известных форм *делиберативной и императивной демократии с учетом федеративного устройства страны и территориального расслоения* процедур демократического и конституционного вовлечения. Влияние доктрины конституционализма на *формы и способы осуществления демократического участия* долгое время осознавалось через категорию учредительной власти в периоды учреждения конституции; в меньшей степени в процессе повседневной реализации конституционных норм и принципов и принятия поправок к Конституции. Как писал В. Г. Графский, «главное назначение» конституционализма – «возведение преград произволу и насилию в любой области общенародной социальной и политической деятельности, в первую очередь, в деятельности государственных учреждений» [70, с. 12].

Шестое. В первые два десятилетия XXI в. повышенное внимание к *демократическим способам создания конституций*, к вовлечению граждан и экспертного сообщества в процесс конституционных изменений знаменует собой *восстановление веры в возможность преодоления демократического дефицита* в конституционной политике государства. Коллективная мудрость как выражение коллективного разума приобретает конституционную и публично-правовую парадигму развития.

Список литературы

1. **Aristotle.** Politics III, 11, 1281a41–1281b2 // Aristotle. Aristotle in 23 Volumes, Vol. 21, translated by H. Rackham. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1944. <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0058%3Abook%3D3%3Asection%3D1281b> (дата обращения: 25.03.2024).
2. Сборник народной мудрости. Пословицы и поговорки о знаниях. <https://sbornik-mudrosti.ru/posloviy-i-pogovorki-o-znaniyah/> (дата обращения: 25.08.2023 г.). Пословицы и поговорки про мудрость. <https://sbornik-mudrosti.ru/posloviy-i-pogovorki-pro-mudrost/> (дата обращения: 25.03.2024).
3. **Colón-Ríos J.** Constituent Power and the Law. Oxford; New York: Oxford University Press, 2020. 352 p.
4. **Кравец И. А.** Система конституционализма и учредительная власть в условиях глобализации: некоторые современные подходы // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 74–89. DOI: 10.31857/S086904990010762-0
5. **Arvidsson Moscow, Brännström L., Minkkinen P.** (eds.). Constituent Power: Law, Popular Rule and Politics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. 234 p.
6. **Шустров Д. Г.** Конституция и учредительная власть: проблема ограничения // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 29–39.
7. **Бондарь Н. С.** «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 20–34. DOI: 10.31857/S013207690009933-8
8. **Авакьян С. А.** Будни конституционалиста (научные статьи 2016–2020 годов): Сб. статей. М.: Проспект, 2021. 448 с.
9. **Ковлер А. И.** Конституция России в фокусе сравнительного правоведения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 6. С. 5–12. DOI: 10.61205/jzsp.2023.076
10. **Эбзеев Б. С.** Конституции как юридическая модель социальной конвергентной технологии (к 30-летию Конституции России) // Государство и право. 2023. № 12. С. 21–39. DOI: 10.31857/S102694520029288-7
11. **Бабурин С. Н.** Аксиологическая трансформация современного российского конституционализма // Государство и право. 2023. № 12. С. 40–47. DOI: 10.31857/S102694520029289-8
12. **Кравец И. А.** Делиберативный народный конституционализм и конституционные изменения: формы, процедуры и технологии в сравнительной конституционной теории и практике (к 30-летию Конституции РФ в сравнительном аспекте) // Государство и право. 2023. № 12. С. 48–58. DOI: 10.31857/S102694520029375-3
13. **Толкачев К. Б.** Гуманистические начала в российском и зарубежном конституционном праве // Государство и право. 2023. № 12. С. 59–65. DOI: 10.31857/S102694520029291-1
14. Фольклор // Большая российская энциклопедия. М., 2017. Т. 33. С. 457. URL: <https://old.bigenc.ru/music/text/4716709> (дата обращения: 25.08.2023).
15. **Аничков Е.** Фольклор // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. Т. XXXVI (71). СПб., 1902. С. 209.

16. **Барабашев Г. В., Шеремет К. Ф.** Советское строительство. Учебник. М.: Юрид. лит., 1988. 560 с.
17. **Ким А. И., Барнашов А. М.** Народное представительство в СССР. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. 89 с.
18. *Collective Wisdom. Principles and Mechanisms.* Ed. by Helene Landemore, Jon Elster. New York, NY: Cambridge University Press, 2012. 409 pp.
19. *The Algorithmic Society. Technology, Power, and Knowledge.* Edited by Marc Schuilenburg and Rik Peeters. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2021. 203 pp.
20. **Кравец И. А.** Демократический конституционный краудсорсинг и модели цифрового конституционализма для публично-правовой коммуникации и конституционных изменений // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т. 33, № 1(158). С. 60–89. DOI 10.21128/1812-7126-2024-1-60-89.
21. **Micklitz H.-W., Pollicino O., Reichman A., Simoncini A., Sartor G., de Gregorio G.** (eds.) *Constitutional Challenges in the Algorithmic Society*, Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2022. 330 p.
22. **Алешкова И. А., Андреева П. Н., Белослудцев О. С.** [и др.]. Конституция и права человека: современная доктрина и практика. М.: Ин-т государства и права РАН, 2021. 400 с.
23. **Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R. S.** *Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation*, Cambridge, MA: The MIT Press, 2008.
24. **Иксанов И. С.** Цифровое гражданство: Монография. М.: ИНФРА-М, 2024. 191 с.
25. **Авакьян С. А.** Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики: Монография. М.: Юстицинформ, 2022. 484 с.
26. *Participatory constitutional change: the people as amenders of the constitution.* Ed. by Xenophon Contiades and Alkmene Fotiadou. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2017.
27. **Кравец И. А.** Конституционная репрезентация: проблемы идентификации и совершенствования публичного политического представительства // Вестник Томск. гос. ун-та. 2018. № 433. С. 186–198. DOI 10.17223/15617793/433/26.
28. **Кравец И. А.** Учредительная власть и конституционная модернизация в современном конституционализме (российский, сравнительный и международный аспекты) // Вестник Томск. гос. ун-та. 2020. № 450. С. 206–217. DOI 10.17223/15617793/450/25.
29. **Добрынин Н. М.** Конституционализм и парадигма общественных отношений в России: исторический опыт, конформизм или неизбежность перемен // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 3–11.
30. **Кондрашев А. А.** Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 15–25.
31. **Ким Ю. В.** Конституционная модель публично-властной организации в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 6. С. 25–34.
32. **Кравец И. А.** Учредительная власть и судебный конституционализм: теоретические подходы и конституционная реформа 2020 года // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 1. С. 6–10.
33. **Алебастрова И. А.** Конституционализм как правовое основание социальной солидарности: Монография. М.: Проспект, 2016. 549 с.
34. **Гришковец А. А.** Солидарность в условиях новых конституционных реалий и некоторые административно-правовые средства ее обеспечения (продолжение исследования) // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 142–151.
35. **Ильина О. Ю.** Реализация принципа социальной солидарности // Вестник Северо-Восточного федер. ун-та им. М. К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2021. № 1(21). С. 35–38.

36. **Loughlin M.** *Against Constitutionalism*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2022.
37. **Bezemek C.** Introduction: Constitutionalism 2030: A Prediction // Bezemek C. (ed.) *Constitutionalism 2030*. Oxford: Hart Publishing, 2022. P. 1–10.
38. **Allan T. R. S.** Constitutionalism at common law: the rule of law and judicial review // *The Cambridge Law Journal*. 2023. Vol. 82, iss. 2. P. 236–264. DOI:10.1017/S000819732300017X
39. *Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change* / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. London: Routledge, 2020.
40. **Worley J. J.** Deliberative Constitutionalism // *BYU Law Review*. 2009. Issue 2. P. 431. Available at: <https://digitalcommons.law.byu.edu/lawreview/vol2009/iss2/5>
41. **Хабермас Ю.** Теория коммуникативной деятельности / Пер. с нем. (Habermas, Jürgen. *Theorie des kommunikativen Handelns*). М.: Весь Мир, 2022. 880 с.
42. **Chambers S.** Democracy, Popular Sovereignty, and Constitutional Legitimacy // *Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory*. 2004. Vol. 11, no. 2. P. 153–173.
43. **Чеботарев Г. Н.** Общественная власть как элемент конституционализма // *Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина*. М.: Проспект, 2023. С. 28–37.
44. **Комбарова Е. В.** Конституционные принципы организации публичной власти России: нормативная модель и практика в условиях конституционной реформы // *Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина*. М.: Проспект, 2023. С. 485–496.
45. **Васильева Т.** Конституционное собрание в Ирландии: делиберативная демократия в действии // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2022. № 6 (151). С. 46.
46. **Loughlin M.** The Concept of Constituent Power // *European Journal of Political Theory*. 2014. Vol. 13 (2). P. 218–237.
47. **Grimm, Dieter.** Constituent Power and Limits of Constitutional Amendments // *Nomos*. 2016. № 2. P. 1–8.
48. **Кравец И. А.** Цифровой конституционализм и будущее информационного общества (в контексте глобализации и интеграционных процессов) // *Право и государство*. 2020. № 3–4. С. 85–104
49. **Кравец И. А.** Коммуникативный конституционализм, конституционное вовлечение и гражданство в публично-правовом пространстве алгоритмического и информационного общества // *Lex Russica (Русский закон)*. 2023. Т. 76, № 11 (204). С. 41–56. DOI 10.17803/1729-5920.2023.204.11.041-056.
50. **Reichert R., Wenz K.** Introduction. Digital Citizens // *Digital Culture & Society (DCS)*. 2018. Vol. 4, iss. 2. P. 5–8. DOI 10.14361/dcs-2018-0202
51. **Пырма Р. В.** Политические грани цифрового гражданства // *Власть*. 2019. № 4. С. 69–78.
52. **Jacobsohn G. J., Roznai Y.** *Constitutional Revolution*. New Haven, London: Yale University Press, 2020. 369 p.
53. **Bookchin M.** *The next revolution* / Murray Bookchin, Debbie Bookchin, Blair Taylor; preface by Ursula K. Le Guin. London, NY: Verso, 2015. 220 p.
54. *The Algorithmic Society. Technology, Power, and Knowledge*. Edited by Marc Schuilenburg and Rik Peeters. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2021. 203 p.
55. **Gamito M. C., Ebers M.** (ed.). *Algorithmic Governance and Governance of Algorithms: An Introduction* // *Algorithmic Governance and Governance of Algorithms. Legal and Ethical Challenges*. Cham, Switzerland: Springer, 2021. P. 1–22.
56. **Бондарь Н. С.** Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // *Журнал российского права*. 2019. № 11. С. 25–42.

57. **Бродовская Е. В.** Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // *Власть*. 2019. № 4. С. 65–69.
58. **Valchev D.** *Constitutional Dimensions of Information Revolution* // *The IT Revolution and its Impact on State, Constitutionalism and Public Law*. Ed. Martin Belov. Oxford: Hart Publishing, 2021. P. 41–54.
59. **Jæger B.** Digital Citizenship – A review of the academic literature // *dms – der moderne staat – Zeitschrift für Public Policy, Recht und Management*. 2021. Vol. 14(1). P. 24–42.
60. **Palermo F.** Participation, Federalism, and Pluralism: Challenges to Decision Making and Responses by Constitutionalism // *Citizen Participation in Multi-Level Democracies* / ed. by C. Fraenkel-Haeberle, S. Kropp, F. Palermo, K.-P. Sommermann. Leiden ; Boston, MA : Brill Nijhoff, 2015. P. 31–47.
61. **Залоило М. В., Пашенцев Д. А.** Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // *Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Право*. 2019. Т. 10, вып. 2. С. 196–209. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.201>
62. **Букчин М.** *Будущая революция: Народные ассамблеи и перспективы прямой демократии*. М.: Радикальная теория и практика, 2023. 248 с.
63. **Corradetti C.** Liberal Constitutional Democracies in Times of Crisis // *Jus Cogens*. 2022. Vol. 4. P. 1–10. <https://doi.org/10.1007/s42439-022-00057-6>
64. **Раздьяконова Е. В.** Делиберативное участие в конституционном развитии России: теоретические аспекты и историческая ретроспектива // *История государства и права*. 2023. № 5. С. 15–20. DOI 10.18572/1812-3805-2023-5-15-20.
65. **Дробот С. Е.** Изменение баланса разделения властей в ходе подготовки и реализации конституционной реформы 2020 г. // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2023. № 6. С. 17–23. DOI 10.18572/1813-1247-2023-6-17-23.
66. **Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Наумов В. Б.** [и др.] *Трансформация информационного права*. М.: Ин-т государства и права РАН, 2023. 256 с.
67. **Черкасов А. И.** Цифровизация местного управления и ее особенности в европейских странах // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2024. Т. 33, № 1(158). С. 90–109. DOI 10.21128/1812-7126-2024-1-90-109.
68. **Румянцев А. Г.** Общество, право и грядущий мир роботов: вместе с людьми или вместо? // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2023. № 6(157). С. 4–32. DOI 10.21128/1812-7126-2023-6-4-32.
69. **Шульженко Ю. Л.** *Отечественный конституционализм. Историко-юридическое исследование*. М.: Ин-т государства и права РАН, 2010. 153 с.
70. **Графский В. Г.** Конституционализм как предмет изучения // *Право. Журнал ВШЭ*. 2009. № 3. С. 3–13.

References

1. **Aristotle.** *Politics* III, 11, 1281a41–1281b2. Aristotle. *Aristotle in 23 Volumes*, Vol. 21, translated by H. Rackham. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1944. <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0058%3Abook%3D3%3Asection%3D1281b> (дата обращения: 25.03.2024).
2. **Collection of folk wisdom.** Proverbs and sayings about knowledge. <https://sbornik-mudrosti.ru/posloviy-i-pogovorki-o-znaniyah/> (date of access: 08/25/2023). Proverbs and sayings about wisdom. <https://sbornik-mudrosti.ru/posloviy-i-pogovorki-pro-mudrost/> (date of access: 03/25/2024). (in Russ.)
3. **Colón-Ríos J.** *Constituent Power and the Law*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2020, 352 p.

4. **Kravets I. A.** The system of constitutionalism and constituent power in the context of globalization: some modern approaches. *Social Sciences and Contemporary World*, 2020, no. 4, pp. 74–89. DOI: 10.31857/S086904990010762-0 (in Russ.)
5. **Arvidsson M., Brännström L., Minkkinen P.** (eds.). *Constituent Power: Law, Popular Rule and Politics*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2020, 234 p.
6. **Shustrov D. G.** The Constitution and constituent power: the problem of limitation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2022, no. 2, Pp. 29–39. (in Russ.)
7. **Bondar N. S.** “Eternal” constitutional ideals: how unchanged are they in a changing world? *Gosudarstvo i pravo*, 2020, no. 6, pp. 20–34. DOI: 10.31857/S013207690009933-8 (in Russ.)
8. **Avakyan S. A.** Everyday life of a constitutionalist (scientific articles 2016–2020): Coll. articles. Moscow, Prospekt publ., 2021, 448 p. (in Russ.)
9. **Kovler A. I.** The Constitution of Russia in the focus of comparative law. *Journal of foreign legislation and comparative law [Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya]*, 2023, vol. 19, no. 6, pp. 5–12. DOI: 10.61205/jzsp.2023.076 (in Russ.)
10. **Ebzeev B. S.** Constitutions as a legal model of social convergent technology (to the 30th anniversary of the Russian Constitution). *Gosudarstvo i pravo*, 2023, no. 12, pp. 21–39. DOI: 10.31857/S102694520029288-7 (in Russ.)
11. **Baburin S. N.** Axiological transformation of modern Russian constitutionalism. *Gosudarstvo i pravo*, 2023, no. 12, pp. 40–47. DOI: 10.31857/S102694520029289-8 (in Russ.)
12. **Kravets I. A.** Deliberative popular constitutionalism and constitutional changes: forms, procedures and technologies in comparative constitutional theory and practice (on the 30th anniversary of the constitution of the Russian Federation in a comparative aspect). *Gosudarstvo i pravo*, 2023, no. 12, pp. 48–58. DOI: 10.31857/S102694520029375-3 (in Russ.)
13. **Tolkachev K. B.** Humanistic principles in Russian and foreign constitutional law. *Gosudarstvo i pravo*, 2023, no. 12, pp. 59–65. DOI: 10.31857/S102694520029291-1 (in Russ.)
14. **Folklore.** In Great Russian Encyclopedia. Moscow, 2017, vol. 33, p. 457. URL: <https://old.bigenc.ru/music/text/4716709> (date of access: 08/25/2023). (in Russ.)
15. **Anichkov E.** Folklore. In Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 volumes (82 volumes and 4 additional). St. Petersburg, 1890–1907. T. XXXVI (71). St. Petersburg, 1902. P. 209. (in Russ.)
16. **Barabashev G. V., Sheremet K. F.** Soviet construction. Textbook. Moscow, Legal. Lit., 1988, 560 p. (in Russ.)
17. **Kim A. I., Barnashov A. M.** People’s Representation in the USSR. Tomsk, Publishing house Tomsk. Univ., 1982, 89 p. (in Russ.)
18. **Collective Wisdom. Principles and Mechanisms.** Ed. by Helene Landemore, Jon Elster. New York, NY, Cambridge University Press, 2012, 409 p.
19. **The Algorithmic Society. Technology, Power, and Knowledge.** Edited by Marc Schuilenburg and Rik Peeters. Abingdon, Oxon; New York, NY, Routledge, 2021, 203 p.
20. **Kravets I.** Democratic constitutional crowdsourcing and models of digital constitutionalism for public legal communication and constitutional changes. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 33, no. 1, pp. 60–89. DOI 10.21128/1812-7126-2024-1-60-89. (in Russ.)
21. **Micklitz H.-W., Pollicino O., Reichman A., Simoncini A., Sartor G., de Gregorio G.** (eds.) *Constitutional Challenges in the Algorithmic Society*, Cambridge; New York, Cambridge University Press, 2022, 330 p.
22. **Aleshkova I. A., Andreeva P. N., Belosludtsev O. S. et al.** *Constitution and Human Rights: Contemporary Doctrine and Practice*. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN, 2021, 400 p. (in Russ.)
23. **Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R. S.** *Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation*, Cambridge, MA, The MIT Press, 2008, 216 p.
24. **Iksanov I. S.** *Digital citizenship: Monograph*. Moscow, INFRA-M publ., 2024, 191 p. (in Russ.)

25. **Avakyan S. A.** Representation in constitutional law: issues of theory and practice: Monograph. Moscow, Justitsinform publ., 2022, 484 p. (in Russ.)
26. Participatory constitutional change: the people as amenders of the constitution. Ed. by Xenophon Contiades and Alkmene Fotiadou. Abingdon, Oxon; New York, NY, Routledge, 2017, 224 p.
27. **Kravets I. A.** Constitutional representation: problems of public political representation identification and improvement. *Tomsk State University Journal*, 2018, no. 433, pp. 186–198. DOI 10.17223/15617793/433/26. (in Russ.)
28. **Kravets I. A.** Constituent Power and Constitutional Modernisation in Modern Constitutionalism (Russian, Comparative, and International Aspects). *Tomsk State University Journal*, 2020, no. 450, pp. 206–217. DOI 10.17223/15617793/450/25. (in Russ.)
29. **Dobrynin N. M.** Constitutionalism and the paradigm of public relations in Russia: historical experience, conformism or the inevitability of change. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2020, no. 1, pp. 3–11. (in Russ.)
30. **Kondrashev A. A.** Trends in the constitutional development of Russia in the context of the constitutional reform of 2020. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2021, no. 11, pp. 15–25. (in Russ.)
31. **Kim Yu. V.** Constitutional model of public-power organization in modern Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2023, no. 6, pp. 25–34. (in Russ.)
32. **Kravets I. A.** Constituent power and judicial constitutionalism: theoretical approaches and constitutional reform of 2020. *Journal of Constitutional Justice*, 2022, no. 1, pp. 6–10. (in Russ.)
33. **Alabastrova I. A.** Constitutionalism as a legal basis for social solidarity: Monograph. Moscow, Prospekt publ., 2016, 549 p. (in Russ.)
34. **Grishkovets A. A.** Solidarity in the context of new constitutional realities and some administrative and legal means of ensuring it (continuation of research). *Legal policy and legal life*, 2022, no. 2, pp. 142–151. (in Russ.)
35. **Ilyina O. Yu.** Implementation of the principle of social solidarity. *Bulletin of the North-Eastern Federal Federation. University named after M.K. Ammosova. Series: History. Political science. Right*, 2021, no. 1(21), pp. 35–38. (in Russ.)
36. **Loughlin M.** *Against Constitutionalism*, Cambridge, MA; London, Harvard University Press, 2022, 240 p.
37. **Bezemek C.** Introduction: Constitutionalism 2030: A Prediction. In Bezemek C. (ed.) *Constitutionalism 2030*. Oxford, Hart Publishing, 2022, pp. 1–10.
38. **Allan T. R. S.** Constitutionalism at common law: the rule of law and judicial review. *The Cambridge Law Journal*, 2023, vol. 82, issue 2, pp. 236–264. DOI:10.1017/S000819732300017X
39. *Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change*, ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. London, Routledge, 2020. 468 p.
40. **Worley J. J.** Deliberative Constitutionalism. *BYU Law Review*, 2009, Issue 2, p. 431. Available at: <https://digitalcommons.law.byu.edu/lawreview/vol2009/iss2/5>
41. **Habermas Yu.** Theory of communicative activity. Transl. (Habermas, Jürgen. Theorie des kommunikativen Handelns). Moscow, Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2022, 880 p. (in Russ.)
42. **Chambers S.** Democracy, Popular Sovereignty, and Constitutional Legitimacy. *Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory*, 2004, vol. 11, no. 2, pp. 153–173.
43. **Chebotarev G. N.** Public power as an element of constitutionalism. In *Modern Russian constitutionalism: to the 85th anniversary of the birth of academician O. E. Kutafin*. Moscow, Prospekt publ., 2023, pp. 28–37. (in Russ.)
44. **Kombarova E. V.** Constitutional principles of the organization of public power in Russia: normative model and practice in the conditions of constitutional reform. In *Modern Russian constitutionalism: to the 85th anniversary of the birth of academician O. E. Kutafin*. Moscow, Prospekt publ., 2023, pp. 485–496. (in Russ.)

45. **Vasilyeva T.** Constitutional Assembly in Ireland: deliberative democracy in action. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2022, no. 6 (151), p. 46. (in Russ.)
46. **Loughlin M.** The Concept of Constituent Power. *European Journal of Political Theory*, 2014, vol. 13 (2), pp. 218–237.
47. **Grimm, Dieter.** Constituent Power and Limits of Constitutional Amendments. *Nomos*, 2016, № 2, pp. 1–8.
48. **Kravets I. A.** Digital constitutionalism and the future of the information society (in the context of globalization and integration processes). *Law and State*, 2020, no. 3–4, pp. 85–104. (in Russ.)
49. **Kravets I. A.** Communicative constitutionalism, constitutional involvement and citizenship in the public legal space of the algorithmic and information society. *Lex Russica (Russian Law)*, 2023, vol. 76, no. 11(204), pp. 41–56. DOI 10.17803/1729-5920.2023.204.11.041-056. (in Russ.)
50. **Reichert R., Wenz K.** Introduction. Digital Citizens. In *Digital Culture & Society (DCS)*, 2018, vol. 4, issue 2, pp. 5–8. DOI 10.14361/dcs-2018-0202
51. **Pyрма R.V.** Political facets of digital citizenship. *Power*, 2019, no. 4, pp. 69–78. (in Russ.)
52. **Jacobsohn G. J., Roznai Y.** Constitutional Revolution. New Haven, London, Yale University Press, 2020, 369 p.
53. **Bookchin M.** The next revolution / Murray Bookchin, Debbie Bookchin, Blair Taylor; preface by Ursula K. Le Guin. London, NY, Verso, 2015, 220 p.
54. The Algorithmic Society. Technology, Power, and Knowledge. Edited by Marc Schuilenburg and Rik Peeters. Abingdon, Oxon; New York, NY, Routledge, 2021, 203 p.
55. **Gamito M. C., Ebers M.** (ed.). Algorithmic Governance and Governance of Algorithms: An Introduction. In *Algorithmic Governance and Governance of Algorithms. Legal and Ethical Challenges*. Cham, Switzerland, Springer, 2021, pp.1–22.
56. **Bondar N. S.** Information and digital space in the constitutional dimension: from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Journal of Russian Law*, 2019, no. 11, pp. 25–42. (in Russ.)
57. **Brodovskaya E. V.** Digital citizens, digital citizenship and digital citizenship. *Power*, 2019, no. 4, pp. 65–69. (in Russ.)
58. **Valchev D.** Constitutional Dimensions of Information Revolution. In *The IT Revolution and its Impact on State, Constitutionalism and Public Law*. Ed. Martin Belov. Oxford, Hart Publishing, 2021, pp. 41–54.
59. **Jäger B.** Digital Citizenship – A review of the academic literature. *dms – der moderne staat – Zeitschrift für Public Policy, Recht und Management*, 2021, vol. 14(1), pp. 24–42.
60. **Palermo F.** Participation, Federalism, and Pluralism: Challenges to Decision Making and Responses by Constitutionalism. In *Citizen Participation in Multi-Level Democracies / ed. by C. Fraenkel-Haeberle, S. Kropp, F. Palermo, K.-P. Sommermann*. Leiden; Boston, MA, Brill Nijhoff, 2015, pp. 31–47.
61. **Zaloilo M.V., Pashentsev D.A.** National legal order of Russia in the conditions of digitalization. *Vestnik St. Petersburg. un-ta. Law*, 2019, vol. 10, issue. 2, pp. 196–209. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.201> (in Russ.)
62. **Bookchin M.** The Future Revolution: People's Assemblies and Prospects for Direct Democracy. Moscow, Radical theory and practice, 2023, 248 p. (in Russ.)
63. **Corradetti C.** Liberal Constitutional Democracies in Times of Crisis. *Jus Cogens*, 2022, vol. 4, pp. 1–10. <https://doi.org/10.1007/s42439-022-00057-6>
64. **Razdyakonova E. V.** Deliberative participation in the constitutional development of Russia: theoretical aspects and historical retrospective. *History of State and Law*, 2023, no. 5, pp. 15–20. DOI 10.18572/1812-3805-2023-5-15-20. (in Russ.)
65. **Drobot S. E.** Changing the balance of separation of powers during the preparation and implementation of the constitutional reform of 2020. *State power and local self-government*, 2023, no. 6, pp. 17–23. DOI 10.18572/1813-1247-2023-6-17-23. (in Russ.)

66. **Polyakova T. A., Minbaleev A. V., Naumov V. B. [et al.]** Transformation of information law. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2023, 256 p. (in Russ.)
67. **Cherkasov A. I.** Digitalization of local government and its features in European countries. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2024, vol. 33, no. 1(158), pp. 90–109. DOI 10.21128/1812-7126-2024-1-90-109. (in Russ.)
68. **Rumyantsev A. G.** Society, law and the coming world of robots: together with people or instead? *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2023, no. 6(157), pp. 4–32. DOI 10.21128/1812-7126-2023-6-4-32. (in Russ.)
69. **Shulzhenko Yu. L.** Domestic constitutionalism. Historical and legal research. Moscow, Institute of State and Law RAS, 2010, 153 p. (in Russ.)
70. **Grafsky V. G.** Constitutionalism as a subject of study. *Law. HSE Journal*, 2009, no. 3, pp. 3–13. (in Russ.)

Информация об авторе

Кравец Игорь Александрович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, главный научный сотрудник Института философии и права НГУ
SPIN: 7272-5729
WoS Researcher ID: N-9219-2015
Scopus Author ID: 57224000209

Information about the Author

Igor' A. Kravets, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Chief researcher at the Institute for the Philosophy and Law of Novosibirsk State University, doctor of juridical sciences, professor
SPIN: 7272-5729
WoS Researcher ID: N-9219-2015
Scopus Author ID: 57224000209

*Статья поступила в редакцию 01.05.2024;
одобрена после рецензирования 02.06.2024; принята к публикации 05.07.2024*

*The article was submitted 01.05.2024;
approved after reviewing 02.06.2024; accepted for publication 05.07.2024*

Научная статья

УДК 340.13

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-30-44

Реализация инициативы «Цифрового Китая» и перспективы международного правового сотрудничества в цифровую эпоху

Ли Яо

Институт верховенства права за рубежом
при Восточно-Китайском университете политических наук и права
Шанхай, Китай

yaozaihenmang@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9933-7513>

Аннотация

В настоящее время крупнейшие страны мира с развитой экономикой совершенствуют свои собственные системы цифрового управления и участвуют в разработке международных правил цифровой экономики, и в процессе строительства «Цифрового Китая» требуется как технологическая поддержка, так и правовые гарантии. Исследование китайского опыта в правотворческой сфере должно учитывать важные фактические данные и практики. В статье представлены достижения в области развития цифровой экономики, раскрыты конкретные меры китайского правительства при строительстве цифрового правового государства, проанализирована модель использования цифровых технологий при осуществлении судопроизводства и создании цифровой прокуратуры, рассмотрены существующие риски в международном киберпространстве и предложены способы по китайско-российскому цифровому правовому сотрудничеству.

Ключевые слова

«Цифровой Китай», цифровая инфраструктура, цифровая экономика, цифровое правовое государство, цифровые суды, цифровая прокуратура, кибербезопасность, международное сотрудничество

Для цитирования

Ли Яо. Реализация инициативы «Цифрового Китая» и перспективы международного правового сотрудничества в цифровую эпоху // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 2. С. 30–44. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-30-44

Implementation of the “Digital China” Initiative and Prospects for International Legal Cooperation in the Digital Age

Li Yao

Institute for Foreign-Related Rule of Law,
East China University of Political Science and Law
Shanghai, China

yaozaihenmang@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9933-7513>

Abstract

At present, the world's major advanced economies are improving their own digital governance systems and participating in the development of international digital economy rules, and in the process of building a digital China requires both technological support and legal safeguards. The study of China's law-making experience should take into account important facts and practices. The article presents the achievements in the development of digital economy, reveals

© Ли Яо, 2024

the specific measures of the Chinese government in building a digital rule of law, analyzes the model of using digital technology in judicial proceedings and building a digital procuratorate, considers the existing risks in international cyberspace, and suggests ways for China-Russian digital legal cooperation.

Keywords

Digital China, digital infrastructure, digital economy, digital rule of law, digital courts, digital prosecution, cybersecurity, international cooperation

For citation

Li Yao. Implementation of the “Digital China” initiative and prospects for international legal cooperation in the digital age. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 2, pp. 30–44. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-30-44

Десять лет назад Китай, можно сказать, находился на стадии развития «информационного Китая». В докладе на XVIII Всекитайском съезде КПК (8 ноября 2012 г.) информатизация была взята за основу, и были выдвинуты такие стратегические цели, как «настойчивое движение по пути информации с китайской спецификой», «создание информационной инфраструктуры следующего поколения» и «содействие широкому использованию технологий информационных сетей»¹. На данном этапе процветают онлайн-покупки, интернет вещей, интеллектуальное производство, цифровые платежи и другие сферы, связанные с информационными технологиями. Все вышеперечисленные нововведения оказывают глубокое влияние на производство и образ жизни людей. На основе формирования «информационного Китая» генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин в докладе XIX Всекитайского съезда КПК (18 октября 2017 г.) прямо предложил «построение сильной сетевой страны, «Цифрового Китая» и умного общества»², а «Цифровой Китай» впервые включен в программные документы партии и государства. Доклад XX Всекитайского съезда КПК (16 октября 2022 г.) продолжает стратегические цели вышеуказанного доклада, подчеркивая «ускорение строительства сильной сетевой страны и «Цифрового Китая» и прямо предлагая «ускорение развития цифровой экономики, содействие углубленному слиянию цифровой экономики и реальной экономики, создание промышленных цифровых кластеров, обладающих международной конкурентоспособностью»³.

27 февраля 2023 г. ЦК КПК и Госсовет КНР опубликовали Общий план развития «Цифрового Китая»⁴, согласно которому к 2025 г. Китай сформирует общенациональную систему для достижения своей цели «Цифровой Китай», и к 2035 г. Китай должен войти в число ведущих стран мира по уровню цифровизации, если план будет достаточно эффективен. Как можно заметить, в последние годы китайское правительство уделяет большое внимание формированию «Цифрового Китая», постоянно совершенствует цифровую инфраструктуру, ускоряет развитие цифровой экономики и повышает потенциал кибербезопасности, совершенствует киберправовую систему, повышает эффективность цифрового правительства и осуществляет

¹ Твердо продвигаться вперед по пути социализма с китайской спецификой и бороться за полное построение среднезажиточного общества. Доклад на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 8 ноября 2012 г. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/16/content_27138204.htm (дата обращения: 17.04.2024).

² Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху. URL: https://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm (дата обращения: 17.04.2024).

³ Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 г. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 18.04.2024).

⁴ Общий план развития «Цифрового Китая». URL: https://www.gov.cn/zhengce/2023-02/27/content_5743484.htm (дата обращения: 18.04.2024).

международное сотрудничество в области цифровизации. Соответствующие данные можно увидеть в результатах цифрового строительства Китая, например, в 2012 г. количество интернет-пользователей в Китае достигло 564 млн, уровень пользования Интернетом составил всего 42,1 %, а по состоянию на июнь 2023 г. количество интернет-пользователей в Китае достиг 1,079 млрд, уровень пользования Интернетом составил 76,4 %⁵. Настоящая статья отражает новые достижения, практику и опыт работы различных органов Китая в области создания «Цифрового Китая», а также дает читателям представление о развитии цифровых технологий в Китае и соответствующей правовой системе.

Цифровая экономика. Развитие цифровой экономики является важным подспорьем для построения современной экономической системы. Развитие цифровой экономики требует, прежде всего, поддержки цифровой инфраструктуры. Исследование китайского опыта в правотворческой сфере следует начать с важных фактических данных.

В последние годы Китай уверенно продвигает строительство цифровой инфраструктуры, добиваясь мирового лидерства в области 5G, гигабитных пассивных оптических сетей, общего арифметического масштабирования и т. д. Что касается строительства 5G, то к концу 2023 г. общее количество китайских базовых станций 5G достигло 3,377 млн, а количество пользователей мобильных телефонов 5G – 805 млн⁶. Что касается развития гигабитных пассивных оптических сетей, то, по последним данным Национального бюро статистики КНР, на конец июня 2023 г. общая протяженность волоконно-оптических кабельных линий в стране достигла 61,96 млн км, а количество доступа ФТТН (технология, в которой оптическое волокно используется напрямую от центральной точки до жилого помещения) – 1,06 млрд⁷.

На основе постоянного совершенствования цифровой инфраструктуры политика Китая в области цифровой экономики постоянно совершенствуется, что приводит к значительному росту инновационного потенциала цифровой индустрии. Как указано в вышеупомянутом Общем плане развития «Цифрового Китая», «необходимо сделать цифровую экономику сильнее, лучше и больше, культивировать и развивать ключевые отрасли цифровой экономики и создавать кластеры цифровой индустрии, конкурентоспособные на международном уровне». Таким образом, по состоянию на апрель 2023 г., 31 провинция по всей стране представила свои планы развития цифровой экономики. Согласно соответствующим данным, в 2023 г. масштаб цифровой экономики Китая превысит 50 трлн юаней, что позволит ей занять второе место в мире по общему объему и увеличить свою долю в ВВП до 41,5 %⁸. Цифровая экономика и современные секторы услуг постоянно интегрируются, а электронная торговля продолжает сохранять тенденцию роста, становясь важной движущей силой расширения потребления. На официальном сайте Национального бюро статистики указано, что общий объем розничных продаж потребительских товаров в 2023 г. составил 471 495 млрд юаней, что на 7,2 % больше, чем в предыдущем году. Объем национальных розничных онлайн-продаж составил 154 264 млрд юаней, что на 11,0 % больше, чем в предыдущем году⁹. В 2023 г. объем импорта и экспорта трансграничной электронной коммерции в Китае составил 2,38 трлн юаней, увеличившись

⁵ 52-й статистический Отчет о развитии Интернета в Китае. URL: <https://www.hainan.gov.cn/hainan/zxdt/202308/54c66d3bddc841b89b5eae467e4bf8a3.shtml> (дата обращения: 22.04.2024).

⁶ Данные из Министерства промышленности и информационных технологий КНР. URL: <https://news.cctv.com/2024/01/19/ARTIfbuIPgWINqYBV4BaLLM5240119.shtml> (дата обращения: 19.04.2024).

⁷ Данные из Национального бюро статистики КНР. URL: <https://www.fromgeek.com/telecom/593447.html> (дата обращения: 20.04.2024).

⁸ Отчет о развитии цифровой экономики в городах Китая. URL: <https://sh.cctv.cn/2024/01/05/ARTIAE1bmtEkUUAxaLrd78Mu240105.shtml> (дата обращения: 21.04.2024).

⁹ Данные из Национального бюро статистики КНР. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202401/t20240116_1946619.html (дата обращения: 21.04.2024).

на 15,6 %. В том числе экспорт составил 1,83 трлн юаней, увеличившись на 19,6 %; импорт – 548,3 млрд юаней, увеличившись на 3,9 %¹⁰.

Строительство цифрового правового государства. В Программе реализации строительства правового государства на 2021–2025 гг.¹¹ предлагается «совершенствовать систему научно-технических гарантий для строительства правового государства и всесторонне строить цифровое правовое государство. Придерживаться использования Интернета, больших данных, искусственного интеллекта и других технологических средств для продвижения управления в соответствии с законом, стремиться к глубокой интеграции информационных технологий и верховенства закона в государственном управлении, оптимизировать и обновлять процессы и методы государственного управления, своевременно повышать цифровой уровень строительства правового правительства». Цифровые технологии меняют способ общественного производства и заставляют население приспосабливаться к новому образу жизни, ведь они давно перестали быть просто инструментами для улучшения производительности – они стали неотъемлемой частью нашего повседневного существования. Поэтому люди возлагают большие надежды на процесс работы, способ принятия решений и эффективность услуг правительства. «Для повышения эффективности государственного управления в соответствии с законом и предоставления государственных услуг необходимо придерживаться концепции ориентации на человека в процессе строительства цифрового правительства, защищать права и интересы людей, а также способствовать тому, чтобы режим обработки правительственных дел был более интеллектуальным, прозрачным, эффективным и обоснованным» [1, с. 2]. Строительство цифрового правительства должно быть «основано на верховенстве закона и добросовестности» [2, с. 43]. В целом, «конкретная практика цифрового управления при строительстве цифрового правового правительства должна осуществляться на основе закона» [3, с. 72].

В последние годы китайское правительство ускорило темпы цифровой трансформации и укрепило строительство цифрового правительства. В связи с широким применением новых интернет-технологий во всех сферах жизни общества цифровое государство уделяет особое внимание оптимизации государственных услуг и ускорению создания цифровых платформ государственных услуг. В октябре 2022 г. Генеральная канцелярия Госсовета выпустила Руководящие мнения по ускорению продвижения «делание одного дела только за один раз» для создания модернизированной версии государственных услуг¹², в которых разъясняется, что «необходимо продвигать «делание одного дела только за один раз» в вопросах государственных услуг, связанных с предприятиями и отдельными лицами, оптимизировать модель обслуживания». Мнения о расширении сферы применения «межпровинциального офиса» для оказания государственных услуг и дальнейшем повышении эффективности обслуживания¹³, выпущенные в тот же период, ясно указывают на необходимость улучшения опыта предоставления услуг онлайн-офиса, ускорения интеграции доступа в онлайн-офисы, улучшения единой системы аутентификации личности, а также сосредоточения внимания на решении проблем «трудно найти дверь госорганов» и «многократных переходов по ссылкам в сети Интернет – госорган», содействия онлайн-решений по вопросам в «межпровинциальных офисах», например, проверка сертификатов и лицензий, запрос информации об изменении, квалификационная аттестация,

¹⁰ Данные из Информационного бюро Государственного совета КНР. URL: https://www.gov.cn/govweb/lianbo/fabu/202401/content_6925700.htm (дата обращения: 21.04.2024).

¹¹ Программа реализации строительства правового государства на 2021–2025 гг. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2021/content_5633446.htm (дата обращения: 21.04.2024).

¹² Руководящие мнения по ускорению продвижения «делание одного дела только за один раз» для создания модернизированной версии государственных услуг. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-10/03/content_5715693.htm (дата обращения: 15.04.2024).

¹³ Мнения о расширении сферы применения «межпровинциального офиса» для оказания государственных услуг и дальнейшем повышении эффективности обслуживания. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-10/05/content_5715850.htm (дата обращения: 15.04.2024).

ежегодные аудиты и отчеты. По состоянию на март 2023 г. в национальной интегрированной платформе государственных услуг (<http://gjzfwfwww.gov.cn>) зарегистрировано более 1 млрд пользователей. Как считает ученый, такую реформу «делания одного дела только за один раз» можно назвать «глубокой административной революцией», за которой стоит мощная интеграция технологий в административные органы. Целью интеграции функций правительственных органов является создание «целостного правительства» [4, с. 72].

Большинство цифровых государственных услуг опираются на интернет-платформы, которые позволили перейти от «ручного управления к интеллектуальному», но при этом создали «цифровой разрыв». Безбумажный режим работы предъявляет высокие требования к когнитивному уровню, пониманию и навыкам работы в Интернете у людей, а уязвимые группы населения, такие как пожилые люди и инвалиды, не могут получить справедливую защиту прав из-за неумения пользоваться Интернетом. Для решения такой проблемы 5 ноября 2021 г. Национальное управление интернет-информации КНР опубликовало План действий по повышению цифровой грамотности и навыков всего населения¹⁴, в котором говорится, что «к 2025 г. цифровая адаптивность, способность и креативность всего населения будут значительно улучшены, а цифровая грамотность и навыки всего населения достигнут уровня развитых стран». В июле-августе 2022 г. 14 ведомств совместно провели Месяц повышения цифровой грамотности и навыков для всего населения 2022 г., запланировав и проведя 26 000 различных тематических мероприятий по всей стране, в которых приняли участие более 400 млн человек, что позволило эффективно содействовать повышению цифровой грамотности и навыков всей нации. В июле 2022 г. была официально запущена Платформа для повышения цифровой грамотности и навыков всей нации (<https://www.chinadata.cn>). По всей стране были предприняты различные инициативы, направленные на то, чтобы помочь инвалидам и пожилым людям преодолеть «цифровой разрыв», Ассоциации инвалидов всех уровней начали «Акцию по повышению цифровых профессиональных способностей для инвалидов» и продвигают трансформацию интернет-приложений для категории уязвимых групп населения. Согласно статистике Ассоциации инвалидов Китая, инвалиды, которые трудоустраиваются через Интернет, в основном сосредоточены в сфере информационных технологий и услуг программного обеспечения, электронной коммерции и других отраслях, с уровнем занятости около 68 000 в год, и более 200 000 инвалидов открыли свой собственный бизнес на различных платформах электронной коммерции¹⁵. Чтобы преодолеть «цифровой разрыв», предприятия Интернета придают большое значение преобразованию APP для пожилых людей, и сотни APP также стали более простыми за счет включения крупных значков, повышенной контрастности и более четких текстовых меток, прямо как у бабушкофонов. Правительство продолжает ускорять создание доступности Интернета для уязвимых групп населения. В соответствии со ст. 32 Закона о создании безбарьерной среды КНР¹⁶, принятого 28 июня 2023 г., «государство призывает интернет-сайты и мобильные интернет-приложения в области новостей и информации, социального общения, покупок, медицины и здравоохранения, финансовых услуг, обучения и образования, а также дорожного движения и путешествий постепенно соответствовать стандартам дизайна безбарьерных веб-сайтов и национальным стандартам доступности информации. Государство призывает продукты картографической навигации и позиционирования постепенно улучшать маркировку безбарьерных объектов и навигационные функции безбарьерных маршрутов». Ис-

¹⁴ План действий по повышению цифровой грамотности и навыков всего населения. 2021 г. URL: http://www.cac.gov.cn/2021-11/05/c_1637708867754305.htm?eqid=c9917337003ac23000000002642_d3ca4 (дата обращения: 18.04.2024).

¹⁵ Данные из сайта Гуанмин. URL: <https://m.gmw.cn/baijia/2022-08/31/35992543.html> (дата обращения: 19.04.2024).

¹⁶ Закон КНР «О создании безбарьерной среды КНР». URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202306/content_6888910.htm (дата обращения: 19.04.2024).

следователь в данной сфере Хэ Юань считает, что необходимы «особая защита прав на данные слабых, таких как несовершеннолетние, пожилые люди и т. д., и сокращение разрыва в данных и дискриминации в данных; цифровое общество никогда не оставит без внимания ни одного члена» [5, с. 53].

С быстрым развитием китайского интернет-рынка масштабы пользователей цифровых медицинских услуг в Китае расширяются. Согласно статистике, по состоянию на июнь 2023 г. число китайских пользователей интернет-медицины достигло 364 млн, что на 1,62 млн больше, чем в декабре 2022 г., и составляет 33,8 % от общего числа интернет-пользователей¹⁷. Онлайн-консультации по медицине становятся все более популярными в Китае как способ облегчения доступа пациентов к медицинской помощи. Национальная политика также поощряет развитие интернет-медицины. 3 августа 2022 г. Государственное управление по надзору и регулированию рынка выпустило Меры по надзору и регулированию сетевых продаж фармацевтических препаратов¹⁸, и 23 марта 2023 г. Генеральная канцелярия Центрального комитета Коммунистической партии Китая (КПК) и Генеральная канцелярия Государственного совета выпустили Мнения о дальнейшем совершенствовании системы медицинского и здравоохранительного обслуживания¹⁹, в которых предлагается «строить умные больницы, интегрировать и подключать соответствующие терминалы онлайн-услуг, расширять охват онлайн-медицины».

Цифровое правосудие. Цифровые технологии применяются уже и в судебной системе. Китай предложил уникальную модель использования цифровых технологий при осуществлении судопроизводства [6, с. 315]. С момента появления концепции «умного суда»²⁰ в 2016 г., китайское интернет-правосудие стало стремительно развиваться, и 18 августа 2017 г. в Ханчжоу (провинция Чжэцзян) был создан первый в стране интернет-суд, открывший новую модель правосудия разрешения споров в режиме онлайн. В октябре того же года в городе Нинбо (провинция Чжэцзян) появился «Mobile Micro Court», сделавший реальностью «судебное разбирательство на кончиках пальцев», преодолевающее ограничения времени и пространства. 1 марта 2022 г. Народные суды КНР в целой стране преобразовали и модернизировали первоначальную систему «China Mobile Micro Court» в «People's Court Online Service». Недавно созданный сервис – это мини-программа, позволяющая населению открывать WeChat для подачи искового заявления.

С распространением мобильного Интернета и смарт-терминалов в Китае общественность постепенно стала понимать, знакомиться, принимать участие в интернет-правосудии, активно пользуясь услугами онлайн-судов, особенно во время пандемии COVID-19 в 2020 г., когда судебные онлайн-процессы стали типичными способами участия в судебных процессах. «Судьи также постепенно вырабатывают “пользовательские привычки” и “интернет-мышление” при использовании информационных технологий для рассмотрения дел, а цифровая осведомленность и цифровое познание всего общества всесторонне улучшаются» [7, с. 19]. Искусственный интеллект все шире используется в судебной практике, в результате чего «алгоритмические технологии и познание судьи объединяются в новую когнитивную систему судопроизводства» [8, с. 75].

¹⁷ 52-й статистический Отчет о развитии Интернета в Китае. URL: <https://www.hainan.gov.cn/hainan/zxdt/202308/54c66d3bddc841b89b5eae467e4bf8a3.shtml> (дата обращения: 19.04.2024).

¹⁸ Меры по надзору и регулированию сетевых продаж фармацевтических препаратов. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2022-09/01/content_5726880.htm (дата обращения: 18.04.2024).

¹⁹ Мнения о дальнейшем совершенствовании системы медицинского и здравоохранительного обслуживания. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2023-03/23/content_5748063.htm (дата обращения: 20.04.2024).

²⁰ 29 января 2016 года Ведущая группа по информатизационному строительству Верховного народного суда КНР провела первое пленарное заседание 2016 года, на котором Чжоу Цян, председатель Верховного народного суда КНР впервые предложил создать “умный суд”.

Верховный народный суд КНР 18 мая 2021 г. издал Правила онлайн-судопроизводства в народных судах²¹, 27 декабря 2021 г. Правила онлайн-медиации народных судов²², 26 января 2022 г. Правила работы народных судов в режиме онлайн²³. Принятие трех вышеуказанных основных правил ведения судебных процессов в режиме онлайн заложило правовую основу для платформы онлайн-услуг народных судов, позволяющей предоставлять услуги «все в одном», такие как подача искового заявления, оплата сборов, посредничество, судебное разбирательство и исполнение решений. «Народные суды, как правило, внедряют распознавание голоса на судебных заседаниях, применение электронных файлов, интеллектуальную генерацию документов, идентификацию аналогичных дел, предупреждения о конкуренции судебных решений, электронные депозиты на основе блокчейна и исполнение смарт-контрактов, а также другие технологии, которые становятся все более зрелыми» [9, с. 6].

Следует отметить, что «появление блокчейна помогает создать общество доверия; в связи с тем что технология блокчейна обладает способностью отслеживаться, ее трудно подделать и т. д.» [10, с. 90]. В июне 2018 г. интернет-суд Ханчжоу рассмотрел спор о праве на распространение информации в Сети на основе доказательств, хранящихся в блокчейне, что стало первым делом в стране по определению юридической силы блокчейн-депозитов²⁴. В сентябре того же года Верховный народный суд КНР издал Положение о некоторых вопросах, касающихся рассмотрения дел в интернет-судах²⁵, в соответствии с п. 2 ст. 11, «если электронная подпись, метка времени, проверка хеш-значения, блокчейн и другие технические средства, связанные с фиксацией и защитой от фальсификации доказательств, или аутентификация через платформу депозитария электронных доказательств могут доказать их достоверность, интернет-суд должен их подтвердить». Это первый случай, когда правовой статус блокчейн-депозитов был разъяснен в нормативно-правовом акте. И далее, статьи 16–19 Правил онлайн-судопроизводства в народных судах содержат специальные положения о судебном определении доказательств в блокчейне, уточняя действительность доказательств в блокчейне, правила проверки подлинности доказательств в блокчейне, что послужило руководством для более глубокого применения данной технологии в процессе проведения правосудия.

Что касается сотрудничества между судами, то было достигнуто всеобъемлющее онлайн-взаимодействие между судами высшего и низшего звена и различных регионов по таким вопросам, как передача дел, подача межтерриториальных документов, определение юрисдикции и поручение исполнения. В то же время суды достигли всеобъемлющего многостороннего сотрудничества с органами общественной безопасности, прокуратуры и другими правоохранительными органами, а также с органами недвижимости, налоговыми, банковскими и другими подразделениями. Например, раньше в процессе реализации недвижимости должника на торгах стороны изначально должны были обратиться в налоговые органы, органы общественной безопасности, коммунальных услуг и др., в общей сложности – более десяти департаментов, а сейчас стороны только могут обойтись регистрацией в судебной платформе и решить все возникшие у них проблемы. Что касается времени, то «цифровой суд» не зависит от временных ограничений, так что стороны могут заходить на судебную платформу в любое

²¹ Правила онлайн-судопроизводства в народных судах. URL: <http://www.njgl.gov.cn/ztl47815/yhyshjzc/fy/202107/P020210729626098661614.pdf?eqid=ce969ab5000e87600000000364286c8e> (дата обращения: 20.04.2024).

²² Правила онлайн-медиации народных судов. URL: <https://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-339521.html> (дата обращения: 20.04.2024).

²³ Правила работы народных судов в режиме онлайн. URL: <https://www.court.gov.cn/xinshidai-xiangqing-346471.html> (дата обращения 17.04.2024).

²⁴ Дело № 2018. 浙0192民初81号. URL: <https://www.163.com/dy/article/DLD4I2PS0516TPJ3.html> (дата обращения: 19.04.2024).

²⁵ Положение о некоторых вопросах, касающихся рассмотрения дел в интернет-судах. URL: <https://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-116981/> (дата обращения: 20.04.2024).

время, даже в позднее время, чтобы завершить соответствующие процедуры, также на стадии судебного разбирательства стороны могут представлять материалы в режиме онлайн, направлять онлайн-сообщения, задавать вопросы, участвовать в судебных заседаниях, чтобы избежать «разницы во времени», связанной с неудобствами судебного процесса.

В последние годы Верховный народный суд КНР заявил, что ряд платформ для многопрофильной системы разрешения споров и обслуживания судебных процессов и ряд судебных онлайн-платформ действительно помогли судьям снизить нагрузку. Согласно данным, опубликованным в Отчете о работе Верховного народного суда от 7 марта 2023 г.²⁶, 448 000 адвокатов и работников юридической службы зарегистрировались для использования платформы обслуживания адвокатов (<https://lspt.court.gov.cn>). Юристы с помощью онлайн-платформы сохранения доказательств и имущества (<https://baoquan.court.gov.cn/>) смогли обработать уже 1,23 млн дел по сохранению имущества на сумму 4 трлн юаней. Система экспертизы (<http://dwwtjd.court.gov.cn>) имеет средний цикл экспертизы 26 рабочих дней, что на 1/3 короче, чем в оффлайне. Система контроля исполнения в сети (<http://zxgk.court.gov.cn>) обеспечивает поиск и онлайн-контроль 16 видов имущества должников по всей стране, что позволило эффективно решить проблему поиска имущества. Кроме того, для чтобы снизить нагрузку на судей, государство создало Платформу медиации народных судов (<http://tiaojie.court.gov.cn>), и на момент написания данной статьи, согласно данным, опубликованным на официальном сайте Платформы медиации народных судов, на платформе зарегистрировались 105 789 профессиональных организаций медиации и 424 614 профессиональных медиаторов, и было проведено 57 196 078 медиативных дел, что позволило успешно разрешать споры в режиме онлайн до судебного разбирательства. Благодаря постепенному внедрению платформы, безбумажной реформе, различные судебные процессы больше не связаны с физическим пространством, а данные о делах и знания судей при рассмотрении дел объединяются на платформе.

Цифровая прокуратура. Традиционный способ рассмотрения дел органами прокуратуры опирается на бумажные материалы, что не позволяет полностью адаптироваться к информационным технологиям и стать эффективным средством надзора. Перед лицом этой надзорной дилеммы реформа цифровой прокуратуры должна в полной мере использовать большие данные для формирования эффективного надзора за новым видом преступлений и правонарушений. В июне 2021 г. Центральный комитет партии издал Мнение ЦК КПК об усилении прокурорского надзора в новую эпоху²⁷, в котором предлагается «усилить информатизацию и интеллектуальное строительство органов прокуратуры, использовать большие данные, блокчейн и другие технологии для содействия межведомственному взаимодействию органов общественной безопасности, органов прокуратуры, судебных органов в области обработки больших данных, реализовать онлайн-поток данных о делах, содействовать стандартизированному управлению имуществом, связанным с делами». 29 июня 2022 г. Верховная народная прокуратура КНР провела для органов прокуратуры всей страны Национальную конференцию по цифровой прокуратуре, на которой были всесторонне развернуты работы по ускорению строительства цифровой прокуратуры²⁸.

В течение длительного времени проблема «информационного разделения» и «информационных барьеров» между правоохранительными органами была все более заметной. Существуют технические факторы, а также элементы политики соответствующих ведомств, которые приводят к трудностям в преодолении «информационных барьеров». Поэтому содействие

²⁶ Отчет о работе Верховного народного суда в 2023 г. URL: <https://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-393751.html> (дата обращения: 18.04.2024).

²⁷ Мнение ЦК КПК об усилении прокурорского надзора в новую эпоху. URL: https://www.spp.gov.cn/spp/gfwj/202108/t20210802_525630.shtml (дата обращения: 18.04.2024).

²⁸ Информация на сайте Верховной народной прокуратуры КНР. URL: https://www.spp.gov.cn/spp/tt/202206/t20220629_561480.shtml (дата обращения: 13.04.2024).

взаимосвязи информации и данных между правоохранительными органами является важным элементом строительства «Цифрового Китая». Например, «одна из городских прокуратур обнаружила, что некоторые заключенные продолжают пользоваться пенсионным страхованием во время отбывания наказания, и, сопоставив вступившие в силу приговоры по уголовным делам и данные о пенсии из органа труда и социального обеспечения КНР, провела надзор за заключенными, незаконно получающими пенсию, и способствовала созданию долгосрочного механизма предотвращения и расследования этой проблемы на муниципальном, провинциальном и национальном уровнях» [11, с. 217].

На 28-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 11-го созыва в Гражданский процессуальный кодекс КНР²⁹ и Кодекс административного судопроизводства КНР³⁰ были внесены изменения от 27.06.2017, касающиеся участия прокуроров в гражданском и административном процессе при защите общественных интересов. По состоянию на сентябрь 2023 г. в 22 действующих законах предусмотрены положения об участии прокуроров в гражданском и административном процессе при защите общественных интересов в 14 уставных сферах, а именно: охрана окружающей среды и ресурсов, безопасность продуктов питания и лекарств, защита государственной собственности, передача прав пользования государственными землями, защита чести павших героев, защита несовершеннолетних, защита статуса и прав военнослужащих, безопасность производства, защита персональных данных, противодействие монополии, противодействие мошенничеству в телекоммуникационных сетях, качество и безопасность сельскохозяйственной продукции, а также защита прав и интересов женщин. Судебная практика в области защиты прав и интересов женщин представляет общественный интерес. Но в настоящее время проблема заключается в том, что большинство положений об участии прокуроров в гражданском и административном процессе при защите общественных интересов, которые были добавлены в отдельные законы, являются принципиальными, а соответствующие процессуальные положения отсутствуют; в настоящее время законодательные органы разрабатывают закон о процессе при участии прокуроров в гражданском и административном процессе при защите общественных интересов, который будет принят в ближайшем будущем.

19 июля 2023 г. Верховная народная прокуратура КНР официально запустила Прокурорскую облачную платформу для общественных интересов (<https://uxwg.12309.gov.cn>) – это интернет-платформа, созданная и продвигаемая Верховной народной прокуратурой для восполнения недостатка прокурорских сил и профессиональных знаний при рассмотрении судебных дел, представляющих общественный интерес. Ее главная цель – сконцентрировать силы общественности и профессиональные знания для создания новой модели преследования и защиты общественных интересов с многосторонним участием. В настоящее время платформа привлекает добровольцев из числа общественности, которые могут напрямую сообщать в прокуратуру о происходящих вокруг них событиях в различных сферах, таких как загрязнение окружающей среды, экологический ущерб, качество продуктов питания, т. е. население по собственному желанию осуществляет дополнительную деятельность для прокуратуры при рассмотрении дел, а также может принимать участие в профессиональных консультациях, общественных слушаниях и надзоре за работой прокуратуры через платформу.

Текущая ситуация в международном киберпространстве. Во-первых, существуют риски в самих цифровых технологиях. Быстрое развитие и широкое применение новых технологий, таких как искусственный интеллект, большие данные и интернет вещей, оказали глубокое влияние на глобальное экономическое развитие, модели социального управления и повседнев-

²⁹ Гражданский процессуальный кодекс КНР. URL: https://www.spp.gov.cn/spp/fl/201802/t20180201_363882.shtml (дата обращения: 12.04.2024).

³⁰ Кодекс административного судопроизводства КНР. URL: https://www.spp.gov.cn/spp/fl/201802/t20180207_365256.shtml (дата обращения: 10.04.2024).

ную жизнь людей. В то же время эффект «обоюдоострого меча», порождаемый новыми технологиями, вызывает широкую озабоченность международного сообщества. С одной стороны, злоупотребление технологиями привело к дальнейшему брожению злоупотреблений данными, ложной информации и другим проблемам, усугубляя риски безопасности, и с каждым днем повышая сложность и трудность регулирования. С другой стороны, интеллектуальные, автоматизированные и вооруженные средства кибератак постоянно совершенствуются, вызывая новый виток гонки вооружений, основанный в основном на милитаризованном применении новых технологий, и значительно ускоряя милитаризацию киберпространства.

Международное сообщество придает большое значение потенциальному вреду рисков, связанных с цифровыми технологиями, и продолжает работу по установлению международных норм, направленных на устранение рисков, связанных с применением новых технологий. На уровне международных организаций ЮНЕСКО впервые в истории одобрило этические стандарты в области искусственного интеллекта³¹. Страны Группы семи (G7) согласовали два документа – Международные руководящие принципы искусственного интеллекта (International Guiding Principles on Artificial Intelligence) и Кодекс поведения для разрабатывающих системы искусственного интеллекта компаний (Code of Conduct for AI developers) в целях обеспечения безопасности надежности технологического развития³². На национальном уровне крупнейшие страны и регионы мира также выдвинули законодательные и другие инициативы, направленные на обеспечение безопасности, справедливости и прозрачности применения новых технологий. Если взять в качестве примера регулирование технологий ИИ, то Великобритания и США в основном выступают за «мягкое регулирование», основной целью которой является стимулирование инноваций. 4 февраля 2022 г. Управление научно-технической политики Белого дома опубликовало «Проект Билля о правах» для ИИ (Blueprint for an AI Bill of Rights)³³, и 29 марта 2023 г. правительство Великобритании опубликовало программный документ «Проинновационный подход к регулированию искусственного интеллекта» (A pro-innovation approach to AI regulation)³⁴. А в Европейском союзе преобладает модель «твердого регулирования», концепция которой в том, чтобы контролировать ИИ подобно лекарству. 14 июня 2023 г. депутаты Европарламента одобрили проект Акта об искусственном интеллекте³⁵. А Китай предложил модель «нейтрального регулирования». 13 июля 2023 г. Управление киберпространства КНР издало Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта³⁶, в котором Китай ясно дал понять, что «развитию и безопасности» и «инновациям и управлению» должно придаваться одинаковое внимание [12, с. 251].

Во-вторых, усилилась битва за контроль над поставками микрочипов. По мере того как основное поле стратегического соперничества между ведущими странами перерастает в область

³¹ ЮНЕСКО впервые в истории одобрило этические стандарты в области искусственного интеллекта. URL: <https://www.pnp.ru/politics/yunesko-vpervye-v-istorii-odobrilo-eticheskie-standarty-v-oblasti-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 19.04.2024).

³² Страны G7 согласовали руководство и кодекс поведения для организаций в сфере ИИ. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20231030/309342102.html?ysclid=lrudgxhcd6278419128 (дата обращения: 17.04.2024).

³³ В США разработали «Проект Билля о правах» для искусственного интеллекта. URL: <https://partner.adwile.com/https://partner.24smi.info/https://hightech.fm/2022/10/04/ai-bill-of-rights> (дата обращения: 21.04.2024).

³⁴ A pro-innovation approach to AI regulation. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/ai-regulation-a-pro-innovation-approach/white-paper> (дата обращения: 22.04.2024).

³⁵ Голосование в Европейском парламенте по первому постановлению об искусственном интеллекте. Что предусматривает проект. URL: <https://mediacritica.md/ru/голосование-в-европейском-парламент/> (дата обращения: 18.04.2024).

³⁶ Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1771288400061005032&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 18.04.2024).

технологической мощи, микрочипы постепенно становятся ключевым стратегическим ресурсом в цифровую эпоху, а конкуренция за доминирование в цепочке поставок микрочипов еще более обостряется, ускоряя перестройку глобальной системы поставок полупроводников. Страны, в которых производятся микрочипы, внесли изменения в законодательство и политику, чтобы способствовать развитию своей полупроводниковой промышленности. В США был принят Закон о чипах и науке³⁷, который предусматривает огромные субсидии для американской национальной индустрии чипов и требует, чтобы любая компания, получающая американские субсидии, производила чипы на территории США. Европейский союз принял Закон ЕС о чипах³⁸, рассчитывая увеличить долю ЕС на мировом рынке производства полупроводников с 10 до 20 % к 2030 г. И В Южной Корее приняли свой Закон о чипах³⁹, в котором микрочипы определяются как актив национальной безопасности и ключевая технология.

Участие Китая в международной практике управления киберпространством. В настоящее время новые технологии глубоко интегрированы во все сферы экономики и общества и стали фокусом экономических и социальных преобразований в разных странах. Страны с самой крупной экономикой в мире придают большое значение развитию собственных технологий и ведут активное строительство в области полупроводников, квантовых технологий, 5G/6G и искусственного интеллекта. Однако, стремясь закрепить свои преимущества в военной и экономической сферах, некоторые страны продолжают обобщать концепцию «национальной безопасности», политизировать вопрос технологий и нарушать развитие глобальной индустрии новых технологий путем злоупотребления мерами экспортного контроля, составления списков ключевых технологий и усиления цензуры новых технологий. Китай выступает против политизации технологических вопросов и считает, что международное сообщество должно отказаться от односторонних действий и протекционизма, выступать за открытость и интеграцию и совместно обеспечивать безопасность промышленных цепочек и цепочек поставок. С точки зрения управления безопасностью, данные создают новые проблемы для управления, необходимо изучить модели управления безопасностью, адаптированные к характеристикам данных. В целях постоянного углубления сотрудничества в цифровой сфере 7 ноября 2022 г. Госсовет Китая выпустил Белую книгу на тему объединения усилий для создания общей судьбы в киберпространстве⁴⁰, в которой отмечается, что «правительство Китая выступает против злоупотребления государственной властью, нарушения принципов рыночной экономики и правил международной торговли и экономического сотрудничества, а также против подавления и сдерживания предприятий других стран любыми средствами. В ответ на нынешние риски и вызовы, с которыми сталкивается кибербезопасность, мы должны объективно оценивать риски кибербезопасности на техническом уровне и в то же время решительно выступать против политизации вопросов кибербезопасности». 25 мая 2023 г. Министерство иностранных дел КНР опубликовало Позицию Китая по соответствующим вопросам глобального цифрового управления⁴¹, отметив, что «все страны должны настаивать на единстве, а не на разделении,

³⁷ В США принят «Закон о чипах и науке». URL: <https://journal-neo.su/ru/2022/10/12/v-ssha-prinyat-zakon-o-chipah-i-nauke/> (дата обращения: 21.04.2024).

³⁸ The European Chips Act. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/european-chips-act_en (дата обращения: 21.04.2024).

³⁹ В Южной Корее приняли свой «Закон о чипах» – налоговые льготы за новые полупроводниковые фабрики. URL: <https://3dnews.ru/1084275/yugnokoreyskie-zakonodатели-utverdili-uvелichenie-nalogovih-lgot-dlya-proizvoditeley-chipov-stroyashchih-novie-predpriyatiya?ysclid=lrufq3688f167167799> (дата обращения: 21.04.2024).

⁴⁰ «Объединения усилий для создания общей судьбы в киберпространстве». URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-11/07/content_5725117.htm (дата обращения 20.04.2024).

⁴¹ Позиция Китая по соответствующим вопросам глобального цифрового управления. URL: http://www1.fmprc.gov.cn/wjb_673085/zzjg_673183/jks_674633/zclc_674645/qt_674659/202305/t20230525_11083602.shtml (дата обращения: 19.04.2024).

на сотрудничестве, а не на конфронтации, на всеохватности, а не на исключительности, обсуждать и формулировать глобально совместимые цифровые правила на основе взаимного уважения и широкого консенсуса, чтобы предотвратить разделение и фрагментацию правил цифрового управления». 18 октября 2023 г. Китай выдвинул Глобальную инициативу по управлению искусственным интеллектом⁴², в которой отмечается, что «все страны должны укреплять обмен информацией и техническое сотрудничество в области управления ИИ, совместно работать над предотвращением рисков, формировать рамки управления ИИ и стандартные нормы на основе широкого консенсуса, а также постоянно повышать безопасность, надежность, контролируемость и справедливость технологий ИИ».

Предложения по китайско-российскому цифровому правовому сотрудничеству. В марте 2023 г. Китай и Россия подписали и опубликовали Совместное заявление об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху⁴³, в котором подчеркнули, что «стороны будут внедрять новые модели сотрудничества в таких технологических и производственных областях, как искусственный интеллект, интернет вещей, сети связи пятого поколения, цифровой и низкоуглеродной экономики». 3 января 2024 г. Президент РФ В. В. Путин подписал распоряжение о проведении в 2024–2025 гг. перекрестных годов культуры России – Китая⁴⁴. Мероприятия Года культуры должны включать в себя обмен цифровой правовой культурой, и автор настоящей статьи предполагает, что Китай и Россия могут попытаться расширить цифровое правовое сотрудничество в следующих областях. Во-первых, совместно создать китайско-российскую платформу поиска законов и развивать сотрудничество между «Консультант+» и «Гарант» и платформами поиска законов, такими как китайский «Бэйда Фабао» (<https://www.pkulaw.com>), для предоставления цифровых юридических ресурсов и юридических услуг для Китая и России с бесплатным переключением просмотра на китайский и русский языки. Во-вторых, Китай и Россия должны совместно запустить Союз юридических вузов Китая и России с высшими учебными заведениями обеих стран, включая Китайский университет политических наук и права, Восточно-Китайский университет политических наук и права, Университет МГУ–ППИ в Шэньчжэне, Хэйлунцзянский университет, Шанхайский университет политических наук и права и т. д. (в этих университетах есть большое количество специалистов и студентов, изучающих китайское и российское право), направлять иностранных студентов друг к другу, создать механизм долгосрочных визитов и обмена специалистами (восстанавливая модель 1950-х гг., когда большое количество советских юристов приезжали в Китай читать лекции, а китайские ученые ездили в СССР изучать право), а также создать платформу преподавательских услуг и обмена информацией для юридического образования в Китае и России, например, открыть учебный курс по китайско-российской цифровой кибербезопасности и учебный курс по цифровой юриспруденции. В-третьих, Верховный народный суд КНР издал Руководство по работе платформы «одной станции» для диверсифицированного урегулирования международных коммерческих споров⁴⁵, которое вступило в силу 30 января 2024 г. Платформа «одной станции»⁴⁶ эффективно

⁴² Глобальная инициатива по управлению искусственным интеллектом. URL: http://www.cac.gov.cn/2023-10/18/c_1699291032884978.htm (дата обращения: 18.04.2024).

⁴³ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 18.04.2024).

⁴⁴ Путин распорядился провести годы культуры России – Китая в 2024–2025 гг. URL: <https://www.interfax.ru/russia/938947> (дата обращения: 18.04.2024).

⁴⁵ Руководство по работе платформы «одного окна» для диверсифицированного урегулирования международных коммерческих споров 2024 г. URL: <https://www.court.gov.cn/zixun/xiangqing/422102.html> (дата обращения: 19.04.2024).

⁴⁶ “One – Stop” Diversified International Commercial Dispute Resolution Platform. URL: <https://cicc.court.gov.cn/html/1/218/321/index.html>. (дата обращения: 16.04.2024).

гарантирует связь Международного коммерческого суда при Верховном народном суде КНР, а также 10 арбитражными учреждениями и 2 учреждениями международного коммерческого посредничества, так что нейтральная оценка (Early Neutral Evaluation), посредничество, арбитраж, судебное разбирательство и другие соответствующие услуги по разрешению споров могут быть осуществлены через платформу. В настоящее время Гонконгский международный арбитражный центр Китая (Hong Kong International Arbitration Centre, НКИАС) стал постоянно действующим для РФ иностранным арбитражным учреждением, именно данное учреждение также включено в китайскую платформу «одной станции» для диверсифицированного урегулирования международных коммерческих споров. С одной стороны, обе страны могут использовать этот центр для активного содействия урегулированию коммерческих споров, а с другой стороны, обе страны должны активно изучать больше способов онлайн-коммуникации между судами и организациями, осуществляющими деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, преодолевать границы пространства и времени и изучать возможности разработки соответствующих цифровых приложений для судов, арбитража и медиации, чтобы обеспечить более удобную платформу для судебного урегулирования споров, возникающих в результате экономического и торгового сотрудничества между двумя странами.

На уровне многостороннего сотрудничества Китай и Россия являются членами БРИКС и ШОС. Китай придает большое значение механизму сотрудничества БРИКС и активно содействует дальнейшему его углублению сотрудничества на основе таких документов, как Рамочное соглашение о партнерстве в цифровой экономике БРИКС, которую страны – участницы блока запустили в 2022 г. Министерство промышленности и информационных технологий КНР организовало в 2022 г. Форум БРИКС по развитию промышленного интернета и цифрового производства, Форум БРИКС по цифровым технологиям и четвертый Форум БРИКС по будущему сетевых инноваций, в рамках которых состоялись семинары по таким темам, как мобильная связь, искусственный интеллект, промышленный интернет, цифровая трансформация, применение цифровых технологий, сотрудничество в области цифрового управления и т. д., выпустили Инициативу сотрудничества по цифровой трансформации производства БРИКС. В будущем в рамках БРИКС и ШОС могут осуществляться связи и обмены по таким темам, как «обмен нормативными правилами по трансграничному потоку данных в странах БРИКС», «цифровое правовое сотрудничество в странах БРИКС» и «сотрудничество в подготовке цифровых юридических кадров в странах БРИКС».

Выводы. Строительство «Цифрового Китая» и развитие цифровой экономики требуют как технологической поддержки, так и правовых гарантий, и надежная система законов является необходимыми условиями для строительства «Цифрового Китая». «Цифровое правовое строительство рассматривается как новый путь и новая форма модернизации правового государства в китайском стиле, а его существенным признаком является сочетание управления государством на основе закона и управления государством на основе цифр» [13, с. 23]. В настоящее время крупнейшие экономики мира совершенствуют свои собственные системы цифрового управления и участвуют в разработке международных правил цифровой экономики. В будущем на внутреннем уровне Китай продолжит совершенствовать систему цифрового управления, наращивать усилия по регулированию данных и алгоритмов, регулировать порядок конкуренции в платформенной экономике, предотвращать беспорядочную экспансию капитала, оптимизировать условия ведения бизнеса, добиваться интеграции цифровой экономики и цифрового управления, чтобы постепенно сформировать благоприятные условия для стандартизированного, упорядоченного и здорового развития цифровой экономики. Китай будет активно участвовать в переговорах и нормотворчестве в цифровой сфере в ООН, Всемирной торговой организации, АТЭС, БРИКС и других международных организациях, вносить предложения, основанные на практике развития цифровой экономики в Китае. Китай будет и дальше совершенствовать и поддерживать двусторонние и многосторонние механизмы управления цифровой экономикой, активно создавать общественные продукты в области циф-

рового управления, чтобы восполнить недостатки существующей международной системы управления цифровой экономикой, чтобы постоянно создавать удовлетворительную ситуацию для международного сотрудничества в области цифровой экономики и способствовать созданию единой судьбы в киберпространстве.

Список литературы

1. 解志勇: 《数字法治政府构建的四个面向及其实现》, 载《比较法学研究》2023年第1期:第1–18页。[**Се Чжиюн.** Четыре направления построения цифрового правового государства и его реализация // Исследования в области сравнительного права. 2023. № 1. С. 1–18.]
2. 寇佳丽: 《数字政府建设不能缺失法治》, 载《经济》2022年第9期, 第40–43页。[**Кюу Чиали.** Верховенство закона не может отсутствовать при построении цифрового правительства // Экономика. 2022. № 9. С. 40–43.]
3. 王东方: 《数字法治政府建设中“数治”对“法治”的挑战及其协调》, 载《西北民族大学学报》(哲学社会科学版)2023年第4期, 第64–74页。[**Ван Дунфань.** Вызов «цифрового правления» «правлению закона» в построении цифрового правления и его координации // Журнал Северо-Западного университета по делам национальностей (издание по философии и социальным наукам). 2023. № 4. С. 64–74.]
4. 金成波, 王敬文: 《数字法治政府的时代图景: 治理任务、理念与模式创新》, 载《电子政务》2022年第8期, 第67–76页。[**Цзинь Чэнбо, Ван Цзинвэнь.** Картина эпохи цифрового правового правительства: задачи, концепции и инновации в управлении // Электронное правительство. 2022. № 8. С. 67–76.]
5. 何渊: 《论中国式数字治理的法律逻辑》, 载《数字法治》2023年第3期, 第46–66页。[**Хэ Юань.** О правовой логике цифрового управления в китайском стиле // Цифровое верховенство права. 2023. № 3. С. 46–66.]
6. **Трощинский П. В., Молотников А. Е.** Особенности нормативно-правового регулирования цифровой экономики и цифровых технологий в Китае // Правоведение. 2019. № 2. С. 309–326.
7. 李占国: 《“全域数字法院”的构建与实现》, 载《中外法学》2022年第1期, 第5–24页。[**Ли Цзэнгуо.** Создание и реализация «территориального цифрового суда» // Китайское и иностранное право. 2022. № 1. С. 5–24.]
8. 肖峰: 《认知的算法阐释: 人工智能对当代认识论研究的启示》, 载《学术界》2021年第2期, 第67–78页。[**Сяо Фэн.** Алгоритмическая интерпретация познания: что искусственный интеллект говорит нам о современных эпистемологических исследованиях // Академические круги. 2021. № 2. С. 67–78.]
9. 马长山: 《数字法治的体系性建构——基于2021年以来我国数字法治建设的观察分析》, 载《浙江警察学院学报》2023年第1期, 第1–10页。[**Ма Чаншань.** Систематическое строительство цифрового верховенства закона на основе анализа строительства цифрового верховенства закона в Китае с 2021 года // Вестник Чжэцзянского полицейского ин-та. 2023. № 1. С. 1–10.]
10. 张鹏: 《区块链赋能下的数字法治政府建设: 内涵、关联及路径》, 载《电子政务》2022年第7期, 第88–97页。[**Чжан Пэн.** Построение цифрового правового правительства под влиянием блокчейна: содержание, связь и путь // Электронное правительство. 2022. № 7. С. 88–97.]
11. 贾宇: 《大数据法律监督办案指引》, 中国检察出版社2022年版, 第217页。[**Цзя Юй.** Руководство по рассмотрению дел в рамках правового надзора за большими данными. Пекин: Изд-во Китайской прокуратуры, 2022. 217 с.]

12. **Ли Яо.** Особенности нормативно-правового регулирования генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Евросоюзе и Китае // Право. Журнал ВШЭ. 2023. № 3. С. 245–267.
13. 张文显: 《推动依法治国和以数治国相结合》, 载《数字法治》2023年第1期, 第23–28页[**Чжан Вэньсянь.** Содействие сочетанию верховенства закона и верховенства цифр // Цифровое верховенство права. 2023. № 1. С. 23–28.]

References

1. **Xie Zhiyong.** The Four Orientations of Digital Rule of Law Government Construction and Its Realization // Comparative Law Studies. 2023. No. 1. P. 1–18. (In Chinese)
2. **Kou Jiali.** The rule of law cannot be missing in the construction of digital government // Economy. 2022. No. 9. P. 40–43. (In Chinese)
3. **Wang Dongfang.** The Challenge of “Digital Rule” to “Rule of Law” in the Construction of Digital Rule of Law Government and Its Harmonization // Journal of the Northwestern University of Nationalities (philosophy and social sciences publication). 2023. No. 4. P. 64–74. (In Chinese)
4. **Jin Chengbo, Wang Jingwen.** The epochal picture of digital rule of law government: governance task, concept and model innovation // Electronic government. 2022. No. 8. P. 67–76. (In Chinese)
5. **He Yuan.** On the Legal Logic of Chinese-style Digital Governance // Digital rule of law. 2023. No. 3. P. 46–66. (In Chinese)
6. **Troshchinsky P. V., Molotnikov A. E.** Peculiarities of regulatory and legal regulation of digital economy and digital technologies in China // Pravovedenie. 2019. No. 2. P. 309–326. (In Russian)
7. **Li Zhanguo.** The Construction and Realization of “Territorial Digital Court” // Chinese and foreign law. 2022. No. 3. P. 5–24. (In Chinese)
8. **Xiao Feng.** Algorithmic interpretations of cognition: what artificial intelligence tells us about contemporary epistemological research // Academic circles. 2021. No. 2. P. 67–78. (In Chinese)
9. **Ma Changshan.** Systematic construction of digital rule of law - based on the analysis of digital rule of law construction in China since 2021 // Bulletin of Zhejiang Police Institute. 2023. No. 12. P. 1–10. (In Chinese)
10. **Zhang Peng.** Building Blockchain-Influenced Digital Legal Government: Content, Connectivity and Pathway // Electronic government. 2022. No. 7. P. 88–97. (In Chinese)
11. **Jia Yu.** Guidelines for Case Handling in Big Data Legal Supervision. Beijing, China Procuratorate Publishing House. 2022. 217 p. (In Chinese)
12. **Li Yao.** Specifics of Regulatory and Legal Regulation of Generative Artificial Intelligence in the UK, USA, EU and China // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2023. No. 3. P. 245–267. (In Russian)
13. **Zhang Wenxian.** Promoting the Combination of Rule by Law and Rule by Numbers // Digital rule of law. 2023. No. 1. P. 23–28. (In Chinese)

Информация об авторе

Ли Яо, доктор юридических наук

Information about the Author

Li Yao, Doctor of Juridical Sciences

Статья поступила в редакцию 27.04.2024;

одобрена после рецензирования 02.07.2024; принята к публикации 05.07.2024

The article was submitted 27.04.2024;

approved after reviewing 02.07.2024; accepted for publication 05.07.2024

Научная статья

УДК 12.00.02

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-45-56

**Концепт биобезопасности человека при проведении
медицинских процедур, связанных с применением
высоких медицинских технологий
в области трансплантации органов и тканей человека:
конституционно-правовой аспект**

Евгения Юрьевна Моссберг

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

evgen-moiseeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2165-1625>

Аннотация

Статья посвящена анализу концепта биобезопасности человека при проведении медицинских манипуляций с использованием высоких медицинских технологий в области трансплантации органов и (или) тканей человека. Приводится анализ нормативно-правовой базы в области обеспечения биологической безопасности человека при проведении медицинских манипуляций в области трансплантации и донорства, который демонстрирует, что биобезопасность пациентов в РФ обеспечивается посредством обеспечения реципиентов качественным биоматериалом в строго установленном законодателем на основе достижений современной медицинской науки. Законодательством установлены медицинские ограничения для потенциальных доноров в целях обеспечения биологической безопасности реципиентов. Установлены также особые требования к медицинскому персоналу, имеющему право на проведение медицинских манипуляций, связанных с пересадкой органов и тканей человека. Отечественным законодателем активно реализуется концепция биологической безопасности в области использования ВМТ посредством установления определенных критериев и ограничений для оказания данного вида помощи, что обеспечивает гражданам право на получение квалифицированной, качественной медицинской помощи в области трансплантации и донорства органов и (или) тканей человека.

Ключевые слова

Конституция, конституционные права и свободы, право на медицинскую помощь, устойчивое развитие, биобезопасность, высокие медицинские технологии, трансплантация органов и (или) тканей человека

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема де-либеративного участия в публичном и информационном пространстве системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)»).

Для цитирования

Моссберг Е. Ю. Концепт биобезопасности человека при проведении медицинских процедур, связанных с применением высоких медицинских технологий в области трансплантации органов и тканей человека: конституционно-правовой аспект // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 2. С. 45–56. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-45-56

© Моссберг Е. Ю., 2024

Human Biosafety Concept when Carrying out Medical Procedures Related to the Use of High Medical Technologies in the Field of Transplantation of Human Organs and Tissues: Constitutional and Legal Aspect

Evgeniya Yu. Mossberg

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

evgen-moiseeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2165-1625>

Abstract

The article is devoted to the analysis of the concept of human biosafety during medical procedures using high medical technologies in the field of transplantation of human organs and (or) tissues. An analysis of the regulatory framework in the field of ensuring human biological safety during medical procedures in the field of transplantation and donation is provided, which demonstrates that the biosafety of patients in the Russian Federation is ensured by providing recipients with high-quality biomaterial as strictly established by the legislator based on the achievements of modern medical science. The legislation establishes medical restrictions for potential donors in order to ensure the biological safety of recipients. Special requirements have also been established for medical personnel who have the right to carry out medical procedures related to the transplantation of human organs and tissues. The domestic legislator is actively implementing the concept of biological safety in the field of VMT use by establishing certain criteria and restrictions for this type of assistance, which ensures citizens the right to receive qualified, high-quality medical care in the field of transplantation and donation of human organs and (or) tissues.

Keywords

Constitution, constitutional rights and freedoms, right to medical care, sustainable development, biosafety, high medical technologies, transplantation of human organs and (or) tissues

Funding

The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project № 23-28-00627, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00627/> (“Communicative constitutionalism and constitutional mobilization: the problem of deliberative participation in the public and information space and the transformation of the public power system (concepts, norms and institutional mechanisms)”).

For citation

Mossberg E. Yu. Human biosafety concept when carrying out medical procedures related to the use of high medical technologies in the field of transplantation of human organs and tissues: constitutional and legal aspect. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 2, pp. 45–56. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-45-56

В июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро была принята Декларация по окружающей среде и развитию, которая положила начало развитию концепции устойчивого развития. Принцип первый данной Декларации гласит о том, что забота о людях занимает центральное место в усилиях по обеспечению устойчивого развития. Они имеют право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой. Концепция устойчивого развития касается не только вопросов охраны и защиты окружающей среды, перераспределения экономических благ, но и затрагивает вопросы жизнедеятельности человека в целом, реализации его прав и свобод в условиях современных государств. Одной из правовых основ концепции устойчивого развития является положения ст. 25 Всеобщей декларации прав и свобод человека, в соответствии с которой каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи¹. В соответствии с положениями ст. 2 Федерального закона от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в РФ» биологическая безопасность – состояние защищенности населения и окружающей среды от воз-

¹ Всеобщая декларация прав и свобод, URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 25.04.2024).

действия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска². Отечественный законодатель предлагает достаточно пространное понятие биологической безопасности, которое больше касается взаимодействия человека и факторов окружающей среды. И. А. Умнова-Конюхова отмечает, что в настоящее время понятие биологической безопасности является неустойчивым и имеет множественное значение, она по-разному интерпретируется; биологическая безопасность подразумевает защиту человечества от опасных биологических (биоэтических) факторов; в медицинском контексте биологическая безопасность преимущественно рассматривается как состояние защищенности от возбудителей особо опасных и широко распространенных инфекций [1]. А. А. Мохов отмечает, что под биобезопасностью понимают такое состояние общества, при котором нация эффективно предотвращает и реагирует на угрозу опасных биологических и связанных с ним факторов, стабильно развиваются биотехнологии, жизнь и здоровье людей и экосистема находятся в состоянии относительного отсутствия опасностей и угроз, а биологическое поле способно сохранить национальную безопасность и устойчивое развитие [2].

Сегодня биобезопасность человека затрагивает и иные аспекты жизни человека, в том числе и получение им различного вида медицинской помощи: от вакцинации до проведения серьезных операций при использовании высоких медицинских технологий. Современная медицина развивается достаточно быстро, постепенно для лечения некоторых видов заболеваний стала применяться высокотехнологичная медицинская помощь (далее – ВМП), которая подразумевает под собой медицинскую помощь, выполняемую с использованием сложных и уникальных медицинских технологий, основанных на современных достижениях науки и техники, высококвалифицированными медицинскими кадрами³. Использование высокотехнологичных медицинских технологий имеет высокие риски причинения вреда жизни и здоровью человека, в связи с чем особенно важно, чтобы данная медицинская деятельность осуществлялась в соответствии с государственными требованиями и стандартами биобезопасности.

Биологическая безопасность при использовании медицинских технологий – это государственная защита человека от причинения вреда жизни и здоровью путем установления законодателем особых требований к проведению медицинских манипуляций, при котором медицинскими организациями обеспечивается высокое качество оказываемых услуг, сохраняется или улучшается состояние здоровья пациента, а также качество его жизни. Биологическая безопасность является одной из составных частей конституционной биоюриспруденции, которую И. А. Кравец определяет в качестве новой парадигмы развития конституционного права как отрасли и как науки, это формируемая дисциплина, включающая в себя традиционные элементы (институты конституционализма и прав человека, разграничение предметов ведения и т. д.) и новации в системе институтов, к которым относятся новые сферы правовых ограничений, эτικο-нормативных и нормативно-правовых требований в использовании биотехнологий и нейротехнологий [3].

И. А. Кравец отмечает, что дальнейшая стратегия развития конституционного права не может игнорировать потребности становления и развития в России конституционной биоюриспруденции как метадисциплины, которая вырабатывает метаправила для других отраслей, создает нормативные предписания в сфере регулирования и гарантирования и защиты биоэтических прав и нейроэтических прав человека, которые относятся к новым правам XXI столетия.

² О биологической безопасности в РФ: Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 04.01.2021. № 1 (ч. I). Ст. 31.

³ Министерство здравоохранения Алтайского края. URL: [https://zdravalt.ru/population/medical-care/#:~:text=Высокотехнологичная%20медицинская%20помощь%20\(ВМП\)%20-,и%20техники%2C%20высококвалифицированными%20медицинскими%20кадрами](https://zdravalt.ru/population/medical-care/#:~:text=Высокотехнологичная%20медицинская%20помощь%20(ВМП)%20-,и%20техники%2C%20высококвалифицированными%20медицинскими%20кадрами) (дата обращения: 20.04.2024).

Современные конституции закрепляют широкий каталог прав и свобод, которые, благодаря усилиям государственного и правового механизма, активно реализуются. В соответствии с положениями ст. 41 Конституции РФ, каждый имеет право на получение медицинской помощи. Ст. 19 Федерального закона от 21.11.2011 № 323 установила, что каждый имеет право на медицинскую помощь в гарантированном объеме, оказываемую без взимания платы в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи, а также на получение платных медицинских услуг.

В настоящей статье проанализировано национальное законодательство в области обеспечения биобезопасности при осуществлении медицинских манипуляций, связанных с трансплантацией органов и (или) органов человека.

Трансплантология — отрасль медицины и биомедицинской науки, изучающая проблемы пересадки органов и комплексов органов, а также клеток и тканей взамен необратимо утративших свою функцию и перспективы создания искусственных органов [4, с. 14]. В преамбуле к Закону РФ от 22.12.1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» указано следующее положение: «трансплантация (пересадка) органов и (или) тканей человека является средством спасения жизни и восстановления здоровья граждан»⁴. Таким образом, трансплантация органов и тканей человека является одним из видов ВМП, связанной с изъятием донорского биоматериала и пересадкой его потенциальному реципиенту в целях спасения его жизни и восстановления здоровья. Трансплантацию органов и тканей нельзя использовать в профилактических либо косметических целях [5, с. 25].

В начале развития трансплантологии как отрасли медицинской науки трансплантацию органов можно было отнести, скорее, к «терапии отчаяния», однако в XX–XXI вв. трансплантация стала обоснованным рутинным методом лечения широкого круга заболеваний и позволяет эффективно излечивать тяжелых больных, реализуя право на получение медицинской помощи с учетом положения ст. 41 Конституции РФ [1, с. 14].

Донорство органов, тканей, клеток человека, крови и иной биологической жидкости представляет собой процесс добровольного отчуждения донором собственной биоматерии или биологической жидкости, изъятия и хранения ее в установленном законодательством порядке. Переливание донорской крови является процессом трансфузии, что фактически представляет собой трансплантацию целой чужеродной ткани.

Согласно статистике, на территории нашей страны медицинские учреждения удовлетворяют потребность лишь 16 % лиц, нуждающихся в трансплантации биообъектов [4, с. 14]. А значит, 84 % лиц, остро нуждающихся в пересадке биообъекта, не получают необходимой им помощи. НМИЦ трансплантологии и искусственных органов им. акад. В. И. Шумакова Минздрава РФ предоставлена статистика по РФ за 2024 г., в соответствии с которой в стране было проведено операций по трансплантации печени – 244, легких – 5, комплекса сердце – легкие – 1, сердца – 121, почек – 524⁵.

Анализируя национальное законодательство в области трансплантации органов и тканей человека, хотелось бы отметить, что обеспечение биологической безопасности при проведении манипуляций, связанных с трансплантацией органов и (или) тканей человека, достигается на основании нижеприведенных нормативно-правовых актов.

1. *Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»*. Статья 47 данного Федерального закона устанавливает условия применения трансплантации органов и тканей человека, а именно, если иные методы лечения не могут обеспечить сохранение жизни пациента (реципиента) или восстановление его здоровья (ч. 1), а также до-

⁴ О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 14.01.1993. № 2. Ст. 62.

⁵ Медицинская статистика. Официальный сайт медицинских новостей. URL: <http://medportal.ru/mednovosti/news/2014/05/30/347surgery.html> (дата обращения: 20.04.2024).

пустимость изъятия биоматериалов у живых доноров (ч. 2) при наличии определенных критериев: достижение 18-летнего возраста (за исключением пересадки костного мозга (ч. 3), дееспособности (ч. 5) и наличия полученого в установленном законодателем порядке информированного добровольного согласия (ч. 4) от самого донора. Статья 47 допускает трансплантацию в отношении недееспособного лица или несовершеннолетнего при наличии оформленного добровольного информированного согласия от законного представителя. В ч. 6 и 7 данной статьи установлено важное положение, касающееся презумпции согласия на изъятие органов и (или) тканей человека после кончины. Согласно ч. 6 ст. 47 Федерального закона № 323, совершеннолетний дееспособный гражданин может в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме, заверенной руководителем медицинской организации либо нотариально, выразить свое волеизъявление о согласии или о несогласии на изъятие органов и тканей из своего тела после смерти для трансплантации⁶; положения ч. 7 ст. 47 наделяют супруга либо одного из близких родственников правом заявить о своем несогласии на изъятие органов или тканей из тела умершего; аналогично регулируются вопросы изъятия биоматериала из тела умершего несовершеннолетнего или недееспособного лица – так правом на решение вопроса о допустимости изъятия биоматериалов предоставлено законному представителю. Часть 9 ст. 47 Федерального закона № 323 устанавливает обязанность медицинского персонала вносить информацию о наличии волеизъявления лица относительно возможности использования его биоматериалов для дальнейшей трансплантации в медицинскую документацию. Наличие у медицинской организации информации относительно несогласия умершего на изъятие его биоматериалов лишает ее возможности на изъятие органов и тканей у такого умершего (ч. 10 ст. 47); ч. 11 ст. 47 Федерального закона № 323 установлены критерии изъятия биоматериалов у умершего – наличие констатации его смерти в установленном законодательством РФ порядке. Частью 13 ст. 47 Федерального закона № 323 установлен важный принцип осуществления донорской деятельности на территории нашей страны – добровольность. Так, не допускается принуждение к изъятию органов и тканей человека для трансплантации, а также принцип государственного учета донорских органов и тканей человека (ч. 14 ст. 47).

2. Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»⁷. Фактический данный нормативно-правовой акт является ключевым в вопросе трансплантации биоматериала человека в РФ. Закон устанавливает общие условия и порядок трансплантации органов и (или) тканей человека: так, согласно ст. 1 данного Закона, трансплантация биоматериала от живого донора или трупа может быть применена только в случае, если другие медицинские средства не могут гарантировать сохранения жизни больного (реципиента) либо восстановления его здоровья. Установлены ограничения круга живых доноров: так, изъятие органов и (или) тканей для трансплантации не допускается у живого донора, не достигшего 18 лет (за исключением случаев пересадки костного мозга) либо признанного недееспособным; также установлено, что изъятие органов не допускается, если потенциальный донор имеет заболевание, которое представляет опасность для жизни и здоровья пациента, в частности, невозможно в случае, если потенциальный донор имеет положительные серологические тесты на антитела к ВИЧ-1, ВИЧ-2, бледной трепонеме (возбудитель сифилиса) и т. д.

3. Приказ Министерства здравоохранения РФ и Российской академии наук от 04.06.2015 № 306н/3 «Об утверждении Перечня объектов трансплантации»⁸ установил перечень объектов трансплантации. На сегодняшний день с учетом изменений, внесенных приказом Мини-

⁶ Об основах охраны здоровья граждан в РФ: Федеральный закон от 21.11.2011. № 323-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁷ О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 14.01.1993. № 2. Ст. 62.

⁸ Об утверждении перечня объектов трансплантации: Приказ Минздрава России № 306н, РАН № 3 от 04.06.2015 // Рос. газета. 2015. 26 июня. № 138.

стерства здравоохранения РФ и Российской академии наук от 01.10.2018 № 665н/4 «О внесении изменений в Перечень объектов трансплантации, утвержденный приказом Министерства здравоохранения РФ и Российской академии наук от 04.06.2015 г. № 306н/3», Перечень объектов трансплантации состоит из 24 пунктов и включает: амниотическую оболочку; белочную оболочку яичка; васкуляризованный комплекс мягких тканей, включающий дермальный слой кожи, подкожную жировую клетчатку и мышцы; верхнюю конечность и ее фрагменты; височную фасцию; глазное яблоко (роговица, склера, хрусталик, сетчатка, конъюнктива); кишечник и его фрагменты; комплекс сердце – легкое; кости свода черепа; костный мозг и гемопозитические стволовые клетки; легкое; нижнюю конечность и ее фрагменты; нижнюю челюсть; печень; поджелудочную железу с 12-перстной кишкой; подкожно-жировую клетчатку подошвенной области стопы; почки; селезенку; сердце; серозную капсулу печени; сосуды (участки сосудистого русла); трахею; фиброзную капсулу почки; эндокринные железы (гипофиз, надпочечники, щитовидная железа, паращитовидная железа, слюнная железа, яичко).

4. *Постановление Правительства РФ от 20.09.2012 № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека»*⁹. Данные правила устанавливают порядок определения момента смерти человека, правила прекращения реанимационных мероприятий, критерии и процедуру усыновления смерти человека. Определение момента смерти человека имеет важное значение для процедуры трансплантации и посмертного донорства, так как многие органы и ткани, подлежащие изъятию и дальнейшей пересадки, могут быть извлечены из их обладателя лишь после его кончины. К примеру, трансплантация донорского сердца, легкого и иных видов органов и тканей осуществляется после смерти потенциального донора. Так, в соответствии с п. 2 Правил определения момента смерти человека, моментом смерти человека является момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека). Пунктом 5 вышеуказанных Правил установлено, что биологическая смерть устанавливается на основании ранних и (или) поздних трупных изменений. К ранним трупным изменениям относятся: охлаждение трупа, образование трупных пятен и трупного окоченения, частичное высыхание трупа, трупный аутолиз.

Данным Постановлением установлены также и Правила прекращения реанимационных мероприятий. В первую очередь, в п. 2 Правил прекращения реанимационных мероприятий установлено, что реанимационные мероприятия направлены на восстановление жизненно важных функций, в том числе искусственное поддержание функций дыхания и кровообращения человека, и выполняются медицинским работником (врачом или фельдшером), в а случае их отсутствия – лицами, прошедшими обучение по проведению сердечно-легочной реанимации. Пунктом 3 данных Правил установлено, что реанимационные мероприятия прекращаются при признании их абсолютно бесперспективными, а именно при констатации смерти человека на основании смерти головного мозга, а также при неэффективности реанимационных мероприятий, направленных на восстановление жизненно важных функций в полном объеме в течение 30 минут; при отсутствии у новорожденного сердцебиения по истечении 10 минут с начала проведения реанимационных мероприятий в полном объеме (искусственной вентиляции легких, массажа сердца, введения лекарственных препаратов). Таким образом, законодатель установил три критерия, в соответствии с которыми уполномоченный медицинский персонал имеет право прекратить совершение реанимационных мероприятий. Также в п. 4 Правил установлены критерии, в соответствии с которыми реанимационные мероприятия вообще не про-

⁹ Об утверждении правил определения момента смерти человека, в том числе критериев процедуры установления смерти человека, правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека: Постановление Правительства РФ от 20.09.2012 № 950. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.04.2024).

водятся – это наличие признаков биологической смерти, при состоянии клинической смерти на фоне прогрессирования достоверно установленных неизлечимых заболеваний или неизлечимых последствий острой травмы, несовместимой с жизнью.

В определении Конституционного суда РФ от 04.12.2003 № 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» указано следующее: «При осуществлении такого вида медицинского вмешательства, как трансплантация органов и (или) тканей человека от одного человека к другому – в условиях возникающей между донором и реципиентом сложной правовой связи и возможного конфликта интересов – задача достижения должного, не нарушающего права ни одного из них баланса конституционно значимых ценностей и охраняемых прав, предопределяет содержание правового регулирования в данной сфере, которое должно учитывать в том числе нравственные, социальные и иные аспекты этого вида медицинского вмешательства¹⁰. Конституционный суд РФ в данном определении обратил внимание на то, что законодатель в ст. 8 Закона о трансплантации недвусмысленно выразил запрет на изъятие органов и тканей в случае, когда учреждение здравоохранения на момент изъятия было поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на него¹¹.

Юридическим фактом возникновения правоотношений в области трансплантации органов и (или) тканей человека является смерть донора. Биологическая безопасность органов и тканей человека, изъятых для пересадки потенциальному реципиенту, обеспечивается посредством предоставления биоматериала, годного для пересадки не только генетически, но по своему физиологическому состоянию. К примеру, одним из способов лечения злокачественного заболевания крови и кроветворной системы – лейкоза является трансплантация костного мозга. В силу п. 32 Приказа Министерства здравоохранения РФ от 12.12.2018 № 875н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при заболеваниях (состояниях), для лечения которых применяется трансплантация (пересадка) костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток, и внесении изменения в Порядок оказания медицинской помощи по профилю «хирургия (трансплантация органов и (или) тканей человека)», утвержденный приказом Министерства здравоохранения РФ от 31.10.2012 № 567» хранение костного мозга осуществляется при температуре +22 °С до 72 часов от момента его изъятия; при температуре –40...–196 °С свыше 72 часов от момента его изъятия при условии обработки и криоконсервации костного мозга¹². Таким образом, трансплантация костного мозга в случае, если не была осуществлена его заморозка, должна быть произведена реципиенту в течение 72 часов после его изъятия, в противном случае костный мозг донора будет не пригодным для его использования. Срок, в течение которого донорский биообъект возможно успешно пересадить, ограничен техническими условиями их хранения и особенностью биологической ткани. Качественное и быстрое изъятие органов и тканей человека у умершего донора обеспечивается презумпцией согласия на изъятие биоматериала, установленной ст. 8 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

В Определении от 04.12.2003 № 459 «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности ст. 8 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» Конституционный суд РФ отметил, что отечественный

¹⁰ Определение Конституционного суда РФ от 04.12.2003 № 459 «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека»)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.04.2024).

¹¹ Там же.

¹² Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «хирургия (трансплантация органов и (или) тканей человека)»: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 октября 2012 № 567н // Рос. газета (спец. выпуск). 2013. 11 апр. № 78/1.

законодатель, выбирая презумпцию согласия в качестве основания для изъятия биоматериала у граждан, исходил из принципа поощрения развития институтов донорства и трансплантации в РФ: «Презумпция согласия базируется, с одной стороны, на признании негуманным задавать родственникам практически одновременно с сообщением о смерти близкого человека либо непосредственно перед операцией или иными мероприятиями лечебного характера вопроса об изъятии его органов (тканей), а с другой стороны, предложении, обоснованном фактическим состоянием медицины в стране, что на современном этапе развития трансплантологии невозможно обеспечить выяснение воли указанных лиц после кончины человека в сроки, обеспечивающие сохранность трансплантата»¹³. Свою правовую позицию Конституционный суд РФ также поддержал в Определении от 10.02.2016 № 224 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение конституционных прав статьей 8 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека»». Так, в Определении от 10.02.2016 № 224-О указано: «Закрепление в Законе Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» презумпции согласия гражданина на возможное использование его органов после смерти для трансплантации имело целью развитие в стране донорства и трансплантации с использованием такого регулирования изъятия органов и (или) тканей, которое способствовало бы увеличению пригодных для трансплантации органов (тканей) и спасению жизни как можно большего числа лиц, нуждающихся в ней, с учетом достигнутого уровня развития национальной системы донорства и трансплантации и сложившегося общественного отношения к данной системе. Избранная российским законодателем модель правового регулирования, основанная на презумпции согласия на посмертное изъятие органов и (или) тканей для трансплантации, не является – вопреки утверждению заявителей – исключением в мировой практике и в целом основана на общепризнанных принципах и нормах международного права, наделяющих государство правом законодательного регулирования указанных вопросов, принимая во внимание основополагающий принцип – соблюдение права человека на личную неприкосновенность»¹⁴.

5. *Постановление Правительства РФ от 23.01.2016 № 33 «О порядке финансового обеспечения медицинской деятельности, связанной с донорством органов человека в целях трансплантации (пересадки), за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета».* В соответствии с п. 1 Правил предоставления медицинским организациям, подведомственным федеральным органам исполнительной власти, субсидии на финансовое обеспечение медицинской деятельности, связанной с донорством органов человека, в целях трансплантации (пересадки) за счет средств бюджетных ассигнований федерального бюджета, устанавливается порядок предоставления субсидий федеральным государственным бюджетным учреждениям, подведомственным Министерству здравоохранения РФ и другим федеральным органам исполнительной власти, за счет бюджетных ассигнований, предусмотренных в федеральном бюджете, соответствующему федеральному органу исполнительной власти в целях финансового обеспечения медицинской деятельности, связанной с донорством органов человека в целях трансплантации (пересадки), включающей проведение мероприятий по медицинскому обследованию донора, обеспечение сохранности донорских органов до их изъятия у донора, изъятие донорских органов, хранение и транспортировку донорских органов. Данные Правила, в целом, регулируют правовые отношения, возникающие в связи с государственным финансированием высокотехнологичной медицинской деятельности по трансплантации биологиче-

¹³ См. Определение Конституционного суда РФ от 04.12.2003 № 459...

¹⁴ Определение Конституционного суда РФ от 10.02.2016 № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение конституционных прав статьей 8 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.04.2024).

ческих объектов гражданам РФ. Также вышеуказанным Постановлением Правительства РФ от 23.01.2016 утверждены Правила предоставления иных межбюджетных трансферов из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на финансовое обеспечение медицинской деятельности, связанной с донорством органов человека, в целях трансплантации (пересадки), включающей проведение мероприятий по медицинскому обследованию донора, обеспечение сохранности донорских органов до их изъятия у донора, изъятие донорских органов, хранение и транспортировку донорских органов и иных мероприятий, направленных на обеспечение процедуры проведения трансплантации и т. д.

6. *Приказ Минздрава России от 30.10.2012 № 567н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «хирургия (трансплантация органов и (или) тканей человека)»*. Данным Приказом утвержден Порядок оказания медицинской помощи по профилю «хирургия, трансплантация органов» в медицинских организациях, имеющих лицензии на осуществление медицинской помощи, включая работы (услуги) по хирургии (трансплантации органов и (или) тканей человека)¹⁵ (п. 1). Данным Порядком установлено, что медицинская помощь по трансплантации оказывается в виде специализированной, в том числе высокотехнологичной медицинской помощи; также установлено, что данный вид помощи оказывается в стационарных условиях, обеспечивающих круглосуточное медицинское наблюдение и лечение. Медицинская помощь, связанная с трансплантацией органов и (или) тканей человека, оказывается в нескольких формах: в форме экстренной помощи при заболеваниях и состояниях, представляющих угрозу жизни, в форме неотложной медицинской помощи при заболеваниях и состояниях без явных признаков угрозы жизни пациенту, в форме плановой медицинской помощи, если отсрочка ее оказания на определенное время не повлечет за собой ухудшения состояния пациента, угрозу его жизни и здоровья. В п. 7 установлены требования к структурным подразделениям медицинских организаций, где оказывается медицинская помощь, связанная с трансплантацией органов и (или) тканей человека. В частности, в подразделении должны быть: клиничко-диагностическая лаборатория, консультативно-диагностическое отделение, лаборатория клинической иммунологии (типирования), микробиологическая лаборатория, операционный блок, отделение анестезиологии-реанимации, отделение гемодиализа и т. д. В целом Правила регулируют ряд технологических вопросов, связанных с постановкой нуждающегося реципиента в лист ожидания, порядком ведения листа ожидания, типирования пациентов, наблюдения реципиентов и т. д.

7. *Приказ Минздрава России от 25.12.2014 № 908н «О порядке установления диагноза смерти мозга человека»*¹⁶. Данный нормативно-правовой акт имеет достаточно важное значение ввиду того, что одним из критериев наступления биологической смерти человека является наступление смерти мозга, когда в силу действующего законодательства прекращается проведение реанимационных мероприятий, направленных на спасение жизни и здоровья пациента. Утвержденный Порядок установления диагноза смерти мозга человека сам по себе определяет правила установления диагноза смерти мозга человека, в том числе и у детей в возрасте 1 года и старше в медицинских организациях и иных организациях, оказывающих медицинскую помощь (п. 1 Порядка). Пунктом 2 Порядка установлено, что смерть мозга наступает при полном и необратимом прекращении всех функций головного мозга, регистрируемом при работающем сердце и искусственной вентиляции легких. Момент смерти мозга является моментом смерти человека. Также в п. 3 установлены причины, по которым возникает смерть мозга: первич-

¹⁵ Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «хирургия (трансплантация органов и (или) тканей человека)»: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 октября 2012 № 567н // Рос. газета (спец. выпуск). 2013. 11 апр. № 78/1.

¹⁶ О порядке установления диагноза смерти мозга человека: Приказ от 25 декабря 2014 № 908н. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 14.05.2015. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.04.2024).

ные повреждения (черепно-мозговая травма, внутричерепные кровоизлияния, инфаркт мозга, опухоль мозга, закрытая острая гидроцефалия, внутричерепные оперативные вмешательства) и вторичные повреждения (повреждения, возникшие в результате гипоксии различного генеза, в том числе при прекращении или ухудшении системного кровообращения). В п. 4 установлено, что данный диагноз устанавливается консилиумом врачей в той медицинской организации, где находится больной. Порядок также установил требования к порядку формирования консилиума врачей, его составу, требования к проведению необходимых медицинских исследований для установления характера и степени повреждения головного мозга, а также требования к общему состоянию организма больного: к примеру, во время проведения обследования ректальная температура должна быть стабильно выше 34 °С, систолическое артериальное давление, в том числе на фоне проведения интенсивной терапии, у взрослых не ниже +0 мм рт/ст, у детей в зависимости от возраста.

8. *Приказ Минздрава России от 04.03.2003 № 73 «Об утверждении инструкции по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий»*. Краткая характеристика настоящего документа была дана ранее при анализе нормативно-правовых источников регулирования категории авитальных прав. Определение факта биологической смерти человека и прекращения реанимационных мероприятий имеет важное значение для проведения медицинских манипуляций, связанных с трансплантацией органов и (или) тканей человека. Положения Закона РФ «О трансплантации органов» и ст. 47 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливают, что в РФ осуществляется трансплантация биоматериала как у живого донора, так и умершего.

9. *Приказ Минздрава России и РАН от 04.06.2015 № 306 н/4 «Об утверждении перечня объектов трансплантации»*. Настоящий нормативно-правовой акт устанавливает перечень биологических объектов, которые могут являться объектами трансплантации. В частности, объектами трансплантации могут быть: амниотическая оболочка, белочная оболочка яичка, васкуляризованный комплекс мягких тканей, включающий дермальный слой кожи, подкожная жировая клетчатка и мышцы, верхняя конечность и ее фрагменты, височная фасция, глазное яблоко (роговица, склера, хрусталик, сетчатка, конъюнктив), кишечник и его фрагменты, кости свода черепа, костный мозг и гемопоэтические стволовые клетки, легкое, нижняя конечность и ее фрагменты¹⁷ и т. д. Всего установлено 24 биологических объекта, подлежащих трансплантации на территории РФ.

10. *Приказ Минздрава России и РАН от 04.06.2015 № 307н/4 «Об утверждении перечня учреждений здравоохранения, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и (или) тканей человека»*. Данный Приказ устанавливает перечень федеральных учреждений здравоохранения, учреждений здравоохранения субъектов РФ, осуществляющих забор и заготовку органов и (или) тканей человека, а также федеральные учреждения здравоохранения, осуществляющие трансплантацию органов и (или) тканей человека. В соответствии с изменениями, внесенными Приказом Минздрава России и РАН от 30.05.2018 № 291Н/3, всего в РФ функционирует 42 федеральных государственных бюджетных учреждения, осуществляющих забор и хранение биоматериала, 107 медицинских учреждений в субъектах РФ.

11. *Приказ Минздрава России от 28.12.2012 года № 1573н «Об утверждении стандарта первичной медико-санитарной помощи при наличии трансплантированной кишки»*. Данный нормативно-правовой акт утвердил стандарт оказания медицинской помощи больным, у которых имеется трансплантированная кишка. В частности, указаны виды медицинской помощи, которые должны получить больные с трансплантированной кишкой, утвержден определенный

¹⁷ Об утверждении перечня объектов трансплантации: Приказ Минздрава России № 306н, РАН № 3 от 04.06.2015 // Рос. газета. 2015. 26 июня. № 138.

перечень препаратов, подлежащих применению такими больными, которые должны быть зарегистрированы на территории РФ и назначены в соответствии с инструкцией по применению¹⁸.

Министерством здравоохранения РФ были также приняты различные стандарты оказания медико-социальной помощи и при наличии иных трансплантированных органов и тканей. В частности, подобными примерами являются: Приказ Минздрава России от 28.12.2012 № 1575н «Об утверждении стандарта первичной медико-санитарной помощи при наличии трансплантированной почки»¹⁹, Приказ Минздрава России от 28.12.2012 № 1576н «Об утверждении стандарта первичной медико-санитарной помощи при наличии трансплантированной поджелудочной железы»²⁰, Приказ Минздрава России от 28.12.2012 № 1584н «Об утверждении стандарта первичной медико-санитарной помощи при наличии трансплантированной печени»²¹, Приказ Минздрава РФ от 24.12.2012 № 1381Н «Об утверждении стандарта первичной медико-санитарной помощи при наличии трансплантированного легкого»²², Приказ Минздрава РФ от 24.12.2012 № 1377Н «Об утверждении стандарта первичной медико-санитарной помощи при наличии трансплантированного комплекса сердце – легкие»²³ и др.

Анализ нормативно-правовой базы в области обеспечения биологической безопасности человека при проведении медицинских манипуляций в области демонстрирует, что биобезопасность гарантируется посредством обеспечения реципиентов качественным биоматериалом, извлекаемым у умершего донора в строго установленном законодателем на основе достижений современной медицинской науки время, правильной транспортировки и хранения. Законодательством установлены медицинские ограничения для потенциальных доноров: лица, страдающие различными формами онкологических заболеваний, ВИЧ в любой стадии, вирусные инфекции по типу гепатита С и т. д. Данные ограничения установлены законодателем в целях обеспечения биологической безопасности реципиентов, которыми может быть пересажена вирулентная биоматерия, что приведет не к спасению жизни и здоровья пациента, а принесет серьезные проблемы со здоровьем, в том числе ведущие к летальному исходу. Установлены также особые требования к медицинскому персоналу, имеющему право на проведение медицинских манипуляций, связанных с пересадкой органов и тканей человека. Так, только лица, имеющие высшее медицинское образование по профилю «хирургия (трансплантация органов и(или) тканей человека)», могут стать врачами, осуществляющими процедуру трансплантации.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что отечественным законодателем активно реализуется концепция биологической безопасности в области использования ВМП посредством установления определенных критериев и ограничений для оказания данного вида помощи, что обеспечивает гражданам право на получение квалифицированной, качественной медицинской помощи в области трансплантации и донорства органов и (или) тканей человека.

¹⁸ Об утверждении стандарта первичной медико-санитарной помощи при наличии трансплантированной кишки: Приказ Минздрава РФ от 28.12.2012 № 1573н // Рос. газета. (спец. выпуск). 2013. № 124/1.

¹⁹ Там же.

²⁰ Об утверждении стандарта первичной медико-санитарной помощи при наличии трансплантированной поджелудочной железы: Приказ Минздрава России от 28.12.2012 № 1575н // Рос. газета. (спец. выпуск). 2013. № 124/1.

²¹ Об утверждении стандарта первичной медико-санитарной помощи при наличии трансплантированной печени: Приказ Минздрава России от 28.12.2012 № 1584н // Рос. газета. (спец. выпуск). 2013. № 124/1.

²² Об утверждении стандарта первичной медико-санитарной помощи при наличии трансплантированного легкого: Приказ Минздрава РФ от 24.12.2012 года № 1381Н // Рос. газета (спец. выпуск). 2013. 26 июня. № 136/1.

²³ Об утверждении стандарта первичной медико-санитарной помощи при наличии трансплантированного комплекса сердце – легкие: Приказ Минздрава РФ от 24.12.2012 № 1377Н // Рос. газета. (спец. выпуск). 2013. № 124/1.

Список литературы

1. **Умнова-Конюхова И. А.** Право биобезопасности, биоправо и биоюриспруденция: соотношение понятий и их содержания // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 20–26.
2. **Мохов А. А.** Биоэтические принципы и биологическая безопасность // Медицинское право. 2021. № 4. С. 16–21.
3. **Кравец И. А.** Конституционная биоюриспруденция и достижение биоэтического благополучия (часть 1) // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 2 (147). С. 16–42.
4. Трансплантология и искусственные органы: Учебник / Под ред. акад. РАН С. В. Готье. М.: Лаборатория знания, 2018. 319 с.
5. **Капитонова Е. А., Романовская О. В., Романовский Г. Б.** Правовое регулирование трансплантологии: Монография. М., 2016. 144 с.

References

1. **Umnova-Konyukhova I. A.** Biosafety law, biolaw and biojurisprudence: the relationship of concepts and their content. *Constitutional and municipal law*, 2023, no. 12, pp. 20–26. (in Russ.)
2. **Mokhov A. A.** Bioethical principles and biological safety. *Medical law*, 2021, no. 4, pp. 16–21. (in Russ.)
3. **Kravets I. A.** Constitutional biojurisprudence and the achievement of bioetic well-being (part 1). *Comparative constitutional review*, 2022, no. 2 (147), pp. 16–42. (in Russ.)
4. Transplantology and artificial organs: Textbook. Ed. acad. RAS S. V. Gauthier. Moscow, Laboratory of Knowledge, 2018, 319 p. (in Russ.)
5. **Kapitonova E. A., Romanovskaya O. V., Romanovsky G. B.** Legal regulation of transplantology: Monograph. Moscow, 2016, 144 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Моссберг Евгения Юрьевна, младший научный сотрудник
SPIN: 3068-9205

Information about the Author

Evgeniya Yu. Mossberg, Junior Research Fellow of the Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation
SPIN: 3068-9205

*Статья поступила в редакцию 02.05.2024;
одобрена после рецензирования 02.06.2024; принята к публикации 05.07.2024*

*The article was submitted 02.05.2024;
approved after reviewing 02.06.2024; accepted for publication 05.07.2024*

Научная статья

УДК 347.77

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-57-63

Международно-правовая охрана интеллектуальной собственности в период цифровизации

Шохрухбек Мирзатиллаевич Тиллабоев

Ташкентский государственный юридический университет
Ташкент, Узбекистан

Shokhrukhbek.tillaboev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0335-2605>

Аннотация

Данная статья исследует актуальные вопросы, связанные с изменениями в системе регулирования интеллектуальной собственности в эпоху активной цифровизации. В работе рассматривается влияние цифровых технологий на создание, защиту и использование интеллектуальных активов. Автор предлагает конкретные меры и механизмы, направленные на модернизацию международных стандартов и нормативных актов в данной области. В частности, выделяется необходимость модификации существующих международных конвенций и договоров, а также разработки новых стандартов безопасности и защиты данных, усиления правоприменительных механизмов и создания международных систем мониторинга и контроля за цифровым контентом. Предлагаемые меры призваны обеспечить более эффективное противодействие нарушениям прав интеллектуальной собственности в условиях быстрого развития цифровых технологий и повышения потребностей в их защите.

Ключевые слова

интеллектуальная собственность, авторское право, цифровые патенты, искусственный интеллект, цифровые технологии, ВОИС

Для цитирования

Тиллабоев Ш. М. Международно-правовая охрана интеллектуальной собственности в период цифровизации // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 2. С. 57–63. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-57-63

International Legal Protection of Intellectual Property in the Period of Digitalization

Shokhrukhbek Tillaboev

Tashkent State University of Law,
Tashkent, Uzbekistan

Shokhrukhbek.tillaboev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0335-2605>

Abstract

This article explores current issues related to changes in the regulation of intellectual property in the era of active digitization. The paper examines the impact of digital technologies on the creation, protection, and utilization of intellectual assets. The author proposes specific measures and mechanisms aimed at modernizing international standards and regulatory acts in this field. In particular, there is a need for the modification of existing international conventions and agreements, as well as the development of new standards for security and data protection, strengthening law enforcement mechanisms, and establishing international systems for monitoring and controlling digital content. The proposed measures are intended to ensure more effective counteraction to violations of intellectual property rights in the context of rapid development of digital technologies and increasing demands for their protection.

Keywords

intellectual property, copyright, digital patents, artificial intelligence, digital technologies, WIPO

For citation

Tillaboev Sh. International legal protection of intellectual property in the period of digitalization. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 2, pp. 57–63. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-57-63

Право интеллектуальной собственности в период цифровых технологий имеет особое место в сфере науки. До сих пор ведутся споры о том, как должна регулироваться сама отрасль права в киберпространстве. Зарубежные ученые приводят доктрины о том, что нужно создать правовую основу регулирования правоотношений в данной среде, однако другие утверждают, что цифровые правоотношения должны регулироваться обычными нормами права, которые кодифицированы в отечественном законодательстве ряда стран.

Технологический прогресс, который основан на результатах интеллектуальной деятельности человека, способствовал развитию новых, безграничных возможностей для всего человечества. Сегодня любой человек, у которого есть смартфон или лэптоп, одним нажатием кнопки или экраном на гаджете сможет обладать интересующей его информацией или ресурсом.

За последние тридцать лет человечество стремительно прошло путь от начала цифровой революции в 90-х гг. XX в. и создания виртуальной среды, подойдя к следующему этапу – покорению мира физических вещей – интернету вещей [1, с. 44]. Знаменитый миллиардер Билл Гейтс отметил, что благодаря Интернету мир превращается в глобальное сообщество, а сам Интернет представляет собой его главную арену. Однако цифровая форма результатов интеллектуальной деятельности, а также характеристики цифровой среды, такие как скорость, анонимность и трансграничность, неизбежно порождают новые причины и методы нарушения интеллектуальных прав. Это создает новые вызовы для общества и представляет угрозу довольно хрупкому балансу конкурирующих интересов, сформированному в материальном мире.

С развитием цифровых технологий и расширением интернет-сети интеллектуальная собственность претерпела значительные изменения. Множество объектов интеллектуальной собственности, таких как научные и литературные произведения, искусство, фильмы, фонограммы, изображения и компьютерные программы, стало доступно в цифровом формате через Интернет.

На международном уровне всегда уделялось достаточное внимание вопросам охраны прав на объекты интеллектуальной собственности. Так, в продолжение развития Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г.¹ и Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г.² принимались специальные международные акты. Они посвящены охране отдельных объектов интеллектуальной собственности, например, селекционным достижениям, интегральным микросхемам, средствам индивидуализации, охране авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и т. д.

Единственными регуляторами правоотношений в цифровой среде являются так называемые WIPO Internet Treaties – Договор ВОИС по авторскому праву³ и Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам⁴. Оба данных договора были приняты в 1996 г. Республика Узбекистан

¹ Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900493>

² Конвенция по охране промышленной собственности (заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // Закон (извлечение). 1999. № 7. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5111/

³ Договор ВОИС по авторскому праву. URL: <https://lex.uz/uz/docs/4326816>

⁴ ВОИС по исполнениям и фонограммам. URL: <https://lex.uz/docs/4330942>

присоединилась к данным договорам ВОИС в соответствии с законами Республики Узбекистан от 16 февраля 2019 г. № ЗРУ-520 и ЗРУ 519.

17 апреля 2019 г. Европарламент принял Директиву ЕС 2019/790 Европейского парламента и Совета от 17 апреля 2019 г. об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке и о внесении изменений в Директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС (Directive on Copyright in the Digital Single Market) [1, с. 47]. Из содержания ст. 17 данной Директивы прямо не следуют требования таких фильтров, но их внедрение крупными онлайн-платформами (content-sharing platforms) во избежание штрафных санкций подразумевается (для сканирования пользовательского контента до загрузки его на сайт). В соответствии со ст. 17, интернет-провайдеры обязаны получить разрешение от правообладателей на размещение объектов интеллектуальной собственности, например, посредством лицензионного соглашения.

Исходя из данной Директивы следует, что в случае отсутствия заключенных лицензий предполагается, что соответствующие онлайн-платформы извлекают выгоду из механизма снижения ответственности за нарушения авторских прав. Они должны проявить «максимальные усилия» на основе предоставленной правообладателями информации для предотвращения распространения несанкционированного контента на своих веб-ресурсах. Европарламент налагает обязанность на страны-участницы внести указанные изменения в свои национальные законы до 2021 г.

По мнению И. Рустамбекова, ныне большая часть правонарушений в сети «Интернет» непосредственно связана с нарушением авторских прав. Прежде всего, это распространение произведений без разрешения правообладателей [2, с. 51]. Авторские права являются неотъемлемой частью интеллектуальной собственности, которая создается в результате интеллектуальных и творческих действий создателя того или иного объекта авторского права. Таким образом, с развитием цифровых технологий авторские права все чаще поддаются нарушению во всемирной сети «Интернет». К примеру, незаконное скачивание музыкальных произведений, скачивание компьютерных игр, распространение пиратских версий цифровых произведений и другие правонарушения.

В связи с развитием инновационных технологий на рынке инноваций также наблюдается и потребность для защиты изобретений в цифровой среде. Термин «цифровые патенты» может включать в себя несколько аспектов в контексте интеллектуальной собственности и защиты прав в цифровой среде.

Патенты на цифровые технологии: это могут быть патенты, связанные с изобретениями в области цифровых технологий, таких как программное обеспечение, алгоритмы, аппаратные средства и другие инновации в цифровой сфере. **Патенты в области криптовалют и блокчейн-технологий:** с увеличением интереса к криптовалютам и блокчейну возможны патенты, связанные с инновационными технологиями в этих областях.

В каждом случае патент предоставляет правообладателю (владельцу патента) исключительное право использования изобретения в течение определенного периода времени, что способствует стимулированию инноваций. Подача заявок на патенты может осуществляться в соответствии с законодательством разных стран. Патенты в области криптовалют и блокчейн-технологий являются способом защиты инноваций и технических решений, связанных с разработкой и применением криптовалют, блокчейна и связанных с ними технологий. Компании и индивидуальные изобретатели могут подавать заявки на патенты для защиты своих уникальных разработок.

Стоит отметить, что вопросы патентования в сфере блокчейнов и криптовалют в Европе, как и в других регионах, все еще могут вызывать разные трактовки и дискуссии. Европейское патентное ведомство (European Patent Office, EPO) является организацией, предоставляющей европейские патенты, которые могут быть защищены в различных странах – участницах Европейской конвенции о предоставлении европейских патентов.

В зарубежных странах существуют различные законодательные акты о защите интеллектуальной собственности, которые регулируют создание, использование и защиту различных видов интеллектуальной собственности, включая авторское право, патентное право, право на товарные знаки, право на коммерческие секреты и др.

На территории Европейского союза основным законодательным документом, который устанавливает нормы по защите интеллектуальной собственности, является Директива о гармонизации некоторых аспектов прав авторов и смежных прав в информационном обществе. В США, в свою очередь, важным законодательным актом, регулирующим область авторских прав в онлайн-среде, является Закон об авторском праве в цифровую эпоху (DMCA).

Как упоминалось выше, Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам является одним из регуляторов интернет-отношений автора и пользователя. Одной из таких норм является **статья 10 (Право сделать записанные исполнения доступными)** данного международного акта, которая гласит: «Исполнители пользуются исключительным правом разрешать доведение до всеобщего сведения своих исполнений, записанных на фонограммы, по проводам или средствами беспроводной связи таким образом, что представители публики могут осуществлять доступ к ним из любого места и в любое время по их собственному выбору»⁵. Комментируя вышеуказанную статью, можем отметить, что данная норма констатирует правоотношения в интернет-среде, а именно слова «доведение до всеобщего сведения своих исполнений» являются в данном случае нормами, дающими права на распространение в онлайн-пространстве своих творческих исполнений. Иными словами, ст. 10 дает право исполнителю загружать произведение в Сеть или нет.

Договор ВОИС по авторскому праву (ДАП) представляет собой специальное соглашение, заключенное в рамках Бернской конвенции, которая касается охраны произведений и прав их авторов в цифровой среде. Любая договаривающаяся сторона (даже если она не несет обязательств в рамках Бернской конвенции) обязана соблюдать основные положения Акта 1971 г. (Парижского акта) Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений (1886 г.)⁶. Что касается авторских прав, предоставленных создателям, в дополнение к тем, что признает Бернская конвенция, Договор также предоставляет: (i) право на распространение, (ii) право на прокат и (iii) более обширное право на предоставление информации общественности.

Как и в Договоре по исполнению фонограмм, в Договоре по авторскому праву есть «право на распространение для всеобщего сведения», которое представляет собой полномочие разрешать передачу произведений общественности как с использованием проводной, так и беспроводной связи. Это включает в себя обеспечение доступа представителям публики к произведениям с любого места и в любое время по их собственному выбору. Упомянутое выражение охватывает в особенности интерактивные сообщения, осуществляемые по запросу в сети «Интернет».

В эпоху цифровизации важно отметить также прогресс в области развития искусственного интеллекта. Цифровизация открывает новые горизонты для развития и применения искусственного интеллекта. ИИ представляет собой область, посвященную созданию устройств и программ, обладающих способностью анализа данных, обучения на основе опыта и принятия решений без прямого вмешательства человека. В этот период технологических перемен ИИ выступает в качестве катализатора для усиления цифровой трансформации.

По мнению Б. А. Шахназарова, различного рода технические решения, выраженные в системах ИИ, способствующие разрешению общественно значимых проблем, вызываемых, в частности, угрозами обороне и безопасности государства, охране жизни и здоровья граждан и иными опасными обстоятельствами, а также позволяющие улучшить, упростить жизнь лю-

⁵ Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам. URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/wppt/>

⁶ Договор ВОИС по авторскому праву. URL: https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/wct/summary_wct.html

дей в совершенно различных сферах общественных отношений, представляются крайне актуальными в контексте проблематики правового регулирования соответствующих отношений [3, с. 64].

Создание объектов интеллектуальной собственности искусственным интеллектом играет важную роль в контексте правового регулирования деятельности ИИ. Это может происходить как в случае полностью автономной работы ИИ, так и при управлении системой ИИ человеком [4, с. 45]. В отношении таких объектов интеллектуальной собственности, порожденных с использованием ИИ, так же как и в традиционных случаях создания интеллектуальной собственности человеком, необходимо уделять внимание соблюдению баланса между интересами правообладателей и общественными интересами.

Данная сфера остается весьма спорной на сегодняшний день, ученые и правоведы активно выдвигают теории о регулировании деятельности ИИ с правовой точки зрения. Однако, несмотря на все споры и баталии, буквально в декабре 2023 г. первый в мире «Акт об искусственном интеллекте» (The AI Act) был утвержден по итогам 37-часовых переговоров между Европейским парламентом и представителями стран – членов ЕС. Закон будет регулировать искусственный интеллект, социальные сети и поисковые системы, отмечают участники мероприятия. Еврокомиссар Тьерри Бретон назвал соглашение «историческим». По его словам, около 100 человек находились в комнате почти три дня, чтобы заключить уникальную «сделку». Тем не менее официальные лица не раскрывают подробностей содержания закона, который, как ожидается, вступит в силу не раньше 2025 г.

Суммируя вышесказанное, можем подытожить, что сфера права интеллектуальной собственности остается одной из актуальнейших. Данное направление требует модернизации правовых актов с каждым годом, чтобы не отставать от требования современного общества. Развитие цифровых технологий, новые методы создания и распространения интеллектуальных продуктов требуют постоянного анализа и адаптации законодательства для обеспечения справедливой защиты правообладателей и содействия инновационному развитию общества. Продолжение этих усилий по модернизации и улучшению правовой базы в области интеллектуальной собственности является важным шагом для создания более устойчивой и справедливой правовой среды в условиях постоянно меняющегося информационного общества. Более того, можно утверждать, что нарушение авторских прав представляет собой одну из наиболее актуальных проблем в области прав интеллектуальной собственности. На международной арене организация ВОИС осуществляет контроль и защиту объектов ИС, и мы уверены, что функции данной организации будут только расширяться в связи с цифровизацией ИС.

На основе проведенного исследования международно-правовой охраны интеллектуальной собственности в период цифровизации можно сделать следующие конкретные итоговые выводы.

1. **Развитие международных стандартов.** Продолжить работу над разработкой и усовершенствованием международных стандартов и нормативных актов в области прав интеллектуальной собственности, чтобы они были более адаптированы к цифровой среде.

2. **Разработка новых нормативных актов.** На основе выявленных недостатков и рекомендаций экспертов разработать новые нормативные акты и стандарты, которые будут учитывать особенности цифровой среды и обеспечивать эффективную защиту прав интеллектуальной собственности.

3. **Координация и согласование.** Обеспечить координацию и согласование новых или измененных нормативных актов с участием различных заинтересованных сторон, включая правообладателей, представителей индустрии, правительственные органы и международные организации.

4. **Усиление международного сотрудничества.** Содействовать наращиванию международного сотрудничества между государствами, правоохранительными органами, международ-

ными организациями и частным сектором для эффективного обмена информацией и опытом в борьбе с нарушениями прав интеллектуальной собственности.

5. **Усиление правоприменительной практики.** Повышение эффективности правоприменительной практики в области прав интеллектуальной собственности путем обучения судей и правоохранительных органов современным методам и технологиям обнаружения и борьбы с нарушениями в цифровой среде.

Список литературы

1. **Оркина Е. А.** Интеллектуальная собственность в цифровой среде: проблемы и решения // *Философия права*. 2020. № 2 (93). С. 44–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnaya-sobstvennost-v-tsifrovoy-srede-problemy-i-resheniya> (дата обращения: 03.12.2023).
2. **Рустамбеков И.** Имплементация норм международных актов в сфере защиты авторского права в сети «Интернет» в законодательство Узбекистана // *Вопросы современной юриспруденции*. 2016. № 1 (52). С. 50–54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/implementatsiya-norm-mezhdunarodnyh-aktov-v-sfere-zaschity-avtorskogo-prava-v-seti-internet-v-zakonodatelstvo-uzbekistana> (дата обращения: 09.01.2024).
3. **Шахназаров Б. А.** Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. № 9 (142). С. 63–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-otnosheniy-s-ispolzovaniem-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 28.12.2023).
4. **Tillaboev S.** Digital human rights. What are the main human rights in the digital environment? // *International Journal of Law And Criminology*. 2023. No. 3. P. 45–49. URL: <https://theusajournals.com/index.php/ijlc/article/view/1579>

References

1. **Orkina E. A.** Intellectual property in the digital environment: problems and solutions. *Philosophy of Law*, 2020, no. 2 (93), pp. 44–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnaya-sobstvennost-v-tsifrovoy-srede-problemy-i-resheniya> (date of application: 03.12.2023).
2. **Rustambekov I.** Implementation of the norms of international acts in the field of copyright protection on the Internet into the legislation of Uzbekistan. *Issues of modern jurisprudence*, 2016, no. 1 (52), pp. 50–54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/implementatsiya-norm-mezhdunarodnyh-aktov-v-sfere-zaschity-avtorskogo-prava-v-seti-internet-v-zakonodatelstvo-uzbekistana> (date of application: 09.01.2024).
3. **Shakhnazarov B. A.** Legal regulation of relations using artificial intelligence. *Actual problems of Russian law*, 2022, № 9 (142), pp. 63–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-otnosheniy-s-ispolzovaniem-iskusstvennogo-intellekta> (date of application: 12/28/2023).
4. **Tillaboev S.** Digital human rights. What are the main human rights in the digital environment? *International Journal of Law And Criminology*, 2023, no. 3, pp. 45–49. URL: <https://theusajournals.com/index.php/ijlc/article/view/1579>

Информация об авторе

Тиллабоев Шохрухбек Мирзатиллаевич, преподаватель кафедры «Международное право и права человека» Ташкентского государственного юридического университета

Information about the Author

Shokhrukhbek Tillaboev, Lecturer at the Department of International Law and Human Rights of Tashkent State University of Law

*Статья поступила в редакцию 12.02.2024;
одобрена после рецензирования 02.04.2024; принята к публикации 05.07.2024*

*The article was submitted 12.02.2024;
approved after reviewing 02.04.2024; accepted for publication 05.07.2024*

Научная статья

УДК 347

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-64-73

Защита прав миноритарных инвесторов: проблематика и перспективы развития в российском праве

Максим Игоревич Темчук

Независимый исследователь,
Москва, Россия

max.temchuk@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается тематика защиты прав миноритарных инвесторов в акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью в российском праве. Общий дискурс задается анализом права на получение информации о деятельности компании, права на участие во внутрикорпоративном управлении и возможностей защиты от ущемляющих интересы миноритария действий мажоритарных инвесторов. Автор констатирует достаточно высокий уровень гарантий у миноритариев, однако приходит к выводу, что использование судебных способов защиты в некоторых случаях сопряжено с возложением на миноритариев дополнительного бремени доказывания, в частности, при оспаривании решений общего собрания или увеличении уставного капитала ООО. В рамках текущего регулирования преобладают превентивные способы защиты (ex-ante), связанные с созданием через Устав или корпоративный договор корпоративного управления, учитывающего права миноритариев.

Ключевые слова

миноритарные инвесторы, мажоритарные инвесторы, защита прав миноритарных инвесторов, корпоративный договор, кумулятивное голосование, групповой (коллективный) иск, принудительный выкуп

Для цитирования

Темчук М. И. Защита прав миноритарных инвесторов: проблематика и перспективы развития в российском праве // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 2. С. 64–73. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-64-73

Protecting Minority Investors: Issues and Development Prospects under Russian Law

Maxim I. Temchuk

Independent Researcher,
Moscow, Russian Federation

max.temchuk@gmail.com

Abstract

The article considers the protection of minority investors rights in joint-stock companies and limited liability companies under Russian law. Reflecting on the legislation and caselaw, the author states that a minority investor has a sufficient level to safeguard their rights. The author states a high level of guarantees for minority shareholders, however, concludes that the use of judicial remedies in some cases imposes an additional burden of proof on minority shareholders, namely when challenging general meeting resolution or increasing authorized capital of LLC. Plus, within the current regulation the most effective tools are mainly preventive (ex-ante) related to a balance of corporate governance embracing the minority investors interests through the charter and corporate agreement.

Keywords

minority investors, majority investors, protection of the rights of minority investors, corporate agreement, cumulative voting, class action (collective) lawsuit, forced buyout

For citation

Temchuk M. I. Protecting Minority Investors: Issues and Development Prospects under Russian Law. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 2, pp. 64–73. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-64-73

Широко известно, что в структуре российского бизнеса, как правило, доминируют компании с существенной степенью концентрации капитала. Обладающие контрольным пакетом акций или долей инвесторы в таком случае имеют как гражданско-правовые, так и корпоративные преимущества перед миноритарными инвесторами.

Отметим, что законодательство РФ не содержит понятий «мажоритарий» или «миноритарий», хотя они используются в судебной практике. Данная терминология основана на англо-американской теории корпоративного управления, согласно которой под миноритарными акционерами понимают «акционеров, которые не обладают достаточным количеством акций для того, чтобы обеспечить самостоятельное принятие решений» [1, с. 216]. Аналогичный подход к определению может быть распространен на участников ООО. Применительно к российскому правопорядку термин «миноритарный инвестор» передает различный объем корпоративных прав лица в зависимости от объема принадлежащих ему акций или долей, который не превышает пороговых значений контрольного (более 50 % акций или долей) или, в отдельных случаях, блокирующего (более 25 % акций или долей) пакетов.

Вопрос защищенности миноритарных инвесторов в России активно прорабатывался на протяжении последнего десятилетия. Наибольший правовой энтузиазм в отношении защиты прав миноритариев наблюдался в 2012–2018 гг.: была подготовлена дорожная карта развития корпоративного управления за счет повышения прозрачности и защиты прав миноритариев, для исполнения которой Банк России, Министерство юстиции РФ и Министерство экономического развития должны были разработать конкретные предложения по изменению законодательства РФ. В этот период был опубликован ряд важных научных и прикладных статей по проблематике защиты прав миноритарных инвесторов.

В этой связи И. С. Шиткина отмечает: «Несмотря на принятие соответствующих «дорожных карт», цели которых зачастую противоречат принимаемому во их исполнение законодательству, ключевой вектор развития корпоративного законодательства в РФ все еще оставался преимущественно промажоритарным» [2, с. 1].

В свою очередь, по мнению А. В. Габова, период до 2012 г. возможно охарактеризовать «как время начального становления корпоративной культуры в отечественном законодательстве и время борьбы за корпоративный контроль, характеризующееся игнорированием прав миноритариев» [3, с. 110]. В его статье также представлен обзор развития права на информацию у миноритариев от системы дифференциации в 2017 г. до модели освобождения акционерных обществ от предоставления информации.

Одним из результатов этапа 2012–2018 гг. стало введение в ГК РФ норм о корпоративном договоре (ст. 67.2 ГК РФ РФ), которые расширяли доступные для акционеров и участников возможности регулирования корпоративных отношений в рамках механизмов акционерного соглашения и договора об осуществлении прав участников, закрепленных специальными законами.

Важным этапом в реформировании законодательства стало внесение в 2019 г. поправок в ФЗ «Об АО», связанных с расширением преимущественного права миноритарных акционеров на выкуп новых размещенных акций, а также изменением порядка расчета справедливой выкупной цены акций в ПАО.

Представляется, что российское регулирование в целом соответствует методическим критериям Всемирного банка в части защиты прав и интересов инвесторов:

1) *в РФ прямые и производные иски о возмещении ущерба, причиненного компании совершенной сделкой, вправе подать акционер с 1 % акций*. Согласно методологии Всемирного банка, 1 балл ставится при наличии возможности подачи таких исков у акционеров, владеющих 10 % или менее в пакете акций¹;

2) *в РФ право созыва собрания акционеров имеют владельцы 10 % акций, а также все акционеры, независимо от размера принадлежащего им пакета, получают преимущественное право при выпуске новых акций*. Такое регулирование полностью соответствует оптимальному индексу корпоративного управления, созданного Всемирным банком;

3) *в РФ право на внесение вопросов в повестку общего собрания акционеров предусмотрено для владельцев 2 % акций*. При этом Всемирный банк определяет более низкий стандарт в 5 % акций.

При рассмотрении законодательных и существующих в судебной практике способов защиты миноритариями своих прав и интересов их возможно подразделить на судебные и внутрикорпоративные. В. В. Долинская выделяет два подвида внутрикорпоративного способа защиты прав: 1) самостоятельные действия миноритариев (например, право выкупа), 2) согласование конфликтующими сторонами своих интересов (например, примирительные процедуры) [4, с. 9].

В юридической литературе также встречается классификация механизмов защиты прав миноритарных инвесторов на **ex-ante** (до нарушения права) и **ex-post** (после нарушения права) [5, с. 49]. Анализ позволяет выделить следующие механизмы защиты в АО и ООО:

1. Ex-ante:

информационные права:

- право требовать выкупа акций (при голосовании против по некоторым вопросам, обязательном и добровольном предложении);
- право преимущественной покупки (защита от размытия);
- законодательные требования к квалифицированному числу голосов при голосовании по определенным вопросам и возможность кумулятивного голосования;
- корпоративный договор.

2. Ex-post:

- оспаривание отказа в проведении собрания акционеров;
- оспаривание решения общего собрания акционеров;
- оспаривание крупной сделки или сделки с заинтересованностью;
- взыскание с членов совета директоров убытков через суд;
- оспаривание цены выкупа акций/долей.

В ООО миноритарии более активно включены во внутренние процессы, тогда как в АО их степень участия в деятельности компании более дифференцирована (например, предусмотрено три уровня доступа к информации по критерию объема владения голосующими акциями (ст. 91 ФЗ «Об АО») и пороговые значения в 1, 2, 10 и более процентов для участия в корпоративном управлении и реализации отдельных механизмов защиты). Правовой статус и возможности участия в корпоративном управлении в ООО определяется наличием двух основных категорий миноритариев: владеющих менее 10 % и более 10 % долей. Причем большинство механизмов защиты прав и интересов участников доступно первой категории, вторая – дополнительно обладает правом требовать исключения других участников, в определенных законодательством и судебной практикой случаях, и правом созыва внеочередного общего собрания участников. Другим отличием от правового положения миноритариев в АО является то, что миноритарии

¹ URL: <https://archive.doingbusiness.org/ru/methodology/protecting-minority-investors#> (дата обращения: 23.11.2023).

в ООО также несут риск убытков, связанных с деятельностью общества в пределах стоимости их долей в уставном капитале. К одному из законных интересов участников ООО принадлежит также реализация активного права голоса на участие в решении вопросов распределения чистой прибыли между участниками. Но фактически этот законный интерес может быть недостижим ввиду ограниченности голосов [4, с. 12].

К способам защиты прав и интересов миноритариев в ООО относятся:

1) увеличение кворума голосов, необходимого для принятия решений общим собранием участников (далее – ОСУ), путем изменения Устава. Так, ФЗ «Об ООО» закрепляет минимальный кворум в 50 % голосов для принятия решений, и, в отдельных случаях, квалифицированного большинства голосов.

В описанных условиях участник с долей в 10 или менее процентов может не иметь фактического веса в принятии решения в рамках ОСУ. При этом право участника на выход из общества, за исключением случаев, установленных ФЗ «Об ООО», является диспозитивным и может быть не предусмотрено в Уставе. Однако в Уставе возможно предусмотреть иные требования к количеству голосов, тем самым повысив вес миноритария в части корпоративного управления;

2) изменение количества голосов, приходящихся на долю миноритария (ч. 1 ст. 32 ФЗ «Об ООО») или ограничение максимального размера доли мажоритария (в соответствии с ч. 3 ст. 14 ФЗ «Об ООО»).

Данные способы защиты прав также подразумевают изменение Устава. В обычных условиях при принятии решения на ОСУ участник обладает числом голосов, пропорциональным размеру его доли в уставном капитале. Тем не менее Уставом может быть установлено, что миноритарий обладает большим количеством голосов, чем его доля в уставном капитале;

3) включение в Устав положений о кумулятивном голосовании по вопросам формирования органов ООО и назначение миноритариями своих представителей (ч. 9 ст. 37 ФЗ «Об ООО»).

При кумулятивном голосовании число голосов, принадлежащих одному голосующему, умножается на число мест в избираемом органе управления. Участник общества вправе как отдать свои голоса полностью за одного кандидата, так и распределить их между несколькими кандидатами;

4) включение в Устав положения о предоставлении информации о деятельности общества участникам, имеющим менее 10 % доли уставного капитала;

5) ограничение полномочий директора компании в совершении определенных сделок (данный способ подразумевает внесение изменений в Устав в части определенного перечня сделок, для совершения которых требуется одобрение ОСУ);

6) исключение из ООО мажоритарного участника в случаях, предусмотренных законом.

Согласно ст. 10 ФЗ «Об ООО», исключение из общества участника может быть осуществлено в судебном порядке по требованию других участников, владеющих не менее 10 % уставного капитала, в случаях если первый грубо нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет. Вместе с тем исключение мажоритария представляется довольно затруднительным на практике²;

7) заключение корпоративного договора между участниками ООО.

Закон позволяет участникам заключить корпоративный договор, регулирующий вопросы, не регламентированные Уставом. С одной стороны, данный механизм имеет ограничения (аналогичные с акционерным соглашением): его положения не могут обязывать участников голосовать в соответствии с указаниями органов общества, определять структуру органов общества и их компетенцию.

² Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.02.2017 № Ф04-19325/2015 (дата обращения: 08.11.2023).

С другой стороны, он выступает эффективным инструментом консолидации интересов миноритариев и повышает их влияние на корпоративное управление за счет возможности согласования обязанности голосовать определенным образом на общем собрании участников. Данный механизм также может быть использован как основной для защиты от экономических последствий действий мажоритарных инвесторов и потенциальных изменений корпоративного контроля. Миноритарии могут договориться об условиях отчуждения долей, а также предусмотреть различный порядок определения справедливой цены при приобретении и отчуждении доли при наступлении определенных обстоятельств;

8) выкуп доли миноритарного участника.

Согласно действующему законодательству, участник общества вправе требовать принудительного выкупа его доли обществом (выйти из общества), если это не предусмотрено Уставом, в следующих случаях:

– принятия ОСУ решения о совершении крупной сделки или об увеличении уставного капитала за счет внесения дополнительных вкладов участниками (абз. 2 п. 2 ст. 23 ФЗ «Об ООО»), если участник голосовал против или не принимал участия в голосовании;

– если Уставом отчуждение доли или части доли третьим лицам запрещено и другие участники общества отказались от их приобретения, либо не получено согласие на их отчуждение, если необходимость получения согласия предусмотрена Уставом (абз. 1 п. 2 ст. 23 ФЗ «Об ООО»).

Таким образом, право участника на выход из общества ограничено. Как отмечает Т.С. Бойко, «в отсутствие права на свободный выход в условиях неликвидного рынка, миноритарные участники ООО оказались заблокированными в обществе без каких-либо возможностей выйти из невыгодного для них предприятия» [6, с. 23].

Следует также упомянуть о специальных механизмах защиты прав миноритарных участников, которые были приняты в контексте норм о конвертируемом займе (ст. 19.1 ФЗ «Об ООО»). Использование данного способа финансирования создает риски размытия их доли. Однако в указанной новелле были заложены механизмы защиты от новых рисков: требование к единогласному одобрению заключения договора (ex-ante) и право на признание его недействительным, если согласие не было получено (ex-post). Данный пример говорит о фундаментальном значении проблематики защиты прав миноритариев, которая учитывается в законотворческой деятельности.

Сравнительный анализ прав миноритариев в АО и ООО позволяет отметить следующие особенности:

1) миноритарии в ООО имеют доступ к корпоративной информации независимо от размера доли, тогда как информационные права в АО дифференцированы;

2) любой участник имеет возможность предлагать вопросы в повестку для голосования на ОСУ, тогда как для акционеров предусмотрено условие наличия более 2 % голосующих акций;

3) отсутствуют требования к владению доли в определенном размере для подачи исков в суд о возмещении убытков директором и иными лицами, что делает судебные способы защиты более доступными в сравнении с АО;

4) участники вправе выйти из ООО в меньшем числе случаев – в законе установлено меньше случаев гарантированного выхода.

Хотя в законодательстве заложено множество механизмов защиты прав миноритариев, в действительности реализация некоторых из них ограничена. Большинство из предусмотренных законодателем механизмов защиты прав миноритариев относятся к внутрикорпоративным способам и являются, скорее, превентивными мерами (ex-ante), направленными на расширение участия миноритариев в корпоративном управлении. В случае обращения к судебным способам защиты миноритарий может столкнуться с некоторыми трудностями.

Первую группу дел, при рассмотрении которых у миноритариев возникают сложности, образуют дела по оспариванию решений общих собраний. В силу п. 7 ст. 49 ФЗ «Об АО» акционер вправе обжаловать в суде решение ОСА, если он не участвовал в собрании или голосовал против принятия такого решения. Однако миноритарий, особенно если он действует в одиночку и имеет менее 2 % акций, находится в уязвимом положении, поскольку суд зачастую рассматривает его голос как несущественный и отказывает в удовлетворении его требований. В качестве примера такого решения суда можно назвать Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. по делу № А25-304/2013, в котором был сформирован стандарт приоритета интересов большинства.

При этом суды могут принять решение в пользу миноритария, даже невзирая на небольшое количество акций, при условии доказывания существенного характера нарушений. Согласно судебной практике, под ним может пониматься не только доказывание причинения акционерам убытков вследствие принятия решения, но и нарушение порядка созыва и проведения собрания. Например, Постановлением ФАС Московского округа от 08.12.2011 по делу № А40-105914/10-48-931, установлено, что нарушение порядка созыва и проведения внеочередного ОСА, даже если оно допущено владельцами контрольного пакета акций, является существенным, так как препятствует остальным акционерам в реализации их прав на участие в собрании и принятии решений, связанных с управлением обществом, а также влияет на объем полномочий органов управления.

Стоит подчеркнуть, что такой подход создает дополнительный барьер для миноритариев при использовании данного способа защиты в виде необходимости доказывания совокупности обстоятельств: существенности нарушений и причинения убытков акционеру. Согласно данному подходу, обозначенному в Постановлении Пленума ВАС РФ № 19, суд отказывает в оспаривании, если голосование истца не могло повлиять на результаты голосования, допущенные нарушения не являются существенными и решение не повлекло причинения убытков истцу. Аналогичные подходы применимы и к оспариванию участниками решений ОСУ.

Другая группа судебных решений связана с выкупом акций у миноритарных акционеров в случаях обязательного и добровольного предложения. Большинство таких споров возникает в связи с несогласием с ценой или порядком ее определения [7, с. 54–55].

В таком случае у акционера есть право на предъявление иска о возмещении убытков, связанных с определением цены выкупаемых акций с нарушением установленного порядка. Ввиду принятия в 2019 г. изменений в ФЗ «Об АО» в части правил определения цены выкупа акций по требованию акционеров с использованием данных торгов за последние 6 месяцев, данный вопрос не стоит так остро, поскольку позволяет определить цену с учетом интересов миноритариев. В 2021 г. Банк России также выпустил консультативный доклад «О реформировании подходов к осуществлению принудительного выкупа ценных бумаг публичных акционерных обществ», в котором предложил наделить суд правом оценивать справедливость условий и стоимость выкупа акций у миноритариев до начала выкупа в случае получения мажоритарием контроля над ПАО. Вышеуказанная инициатива показывает положительные тенденции по улучшению положения миноритариев в части определения цены выкупа.

Отдельного внимания заслуживает судебная практика, связанная с исками миноритарных инвесторов при увеличении уставного капитала ООО, созданного с минимальным уставным капиталом. Если среди изначальных учредителей присутствует участник с долей значительно меньшей, чем у остальных, последние впоследствии могут значительно увеличить уставной капитал общества за счет дополнительных вкладов с целью размытия доли миноритария. Как отмечает в этой связи С. С. Потопальский, всегда имеется риск уменьшения долей миноритарных участников пропорционально увеличению уставного капитала мажоритариями в случае их невозможности также внести дополнительный вклад [8, с. 290].

Такая ситуация возможна в силу ст. 19 ФЗ «Об ООО», которая регулирует две ситуации увеличения уставного капитала ООО за счет вкладов всех или отдельных участников, для ка-

ждой из которых установлены свои требования к одобрению на ОСУ – двумя третями голосов или единогласным решением соответственно. На практике по причине недостаточности голосов или невозможности внесения доли миноритариями увеличение уставного капитала ООО становится возможным за счет вкладов только мажоритариев по сниженному порогу голосов – в 2/3 (вместо единогласного решения), хотя фактически увеличение происходит за счет вкладов отдельных участников. В таком случае у миноритариев остаются только возможность судебного оспаривания или право требования выкупа их доли.

При этом суды, вместо указания на необходимость соблюдения существующих в законодательстве процедурных требований, формируют дополнительный барьер для защиты прав миноритариев в виде доказывания противоречия увеличения уставного капитала целям достижения общего для ООО интереса. Обозначенный подход создает пространство для широкого субъективного толкования.

При анализе споров, связанных с увеличением уставного капитала, возможно отметить Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.06.2012 по делу № А60-56609/2011 и Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 18.10.2012 по делу № А60-56609/2011. В данном случае, принимая решение в пользу миноритариев, суды исходили из того, что увеличение уставного капитала без учета мнения миноритариев противоречит п. 2 ст. 19 ФЗ «Об ООО», который предусматривает увеличение уставного капитала за счет вкладов отдельных участников только по единогласному решению общего собрания. В некоторых случаях мажоритарии должны доказывать суду необходимость и целесообразность привлечения дополнительного капитала, а также заинтересованность в этом всех участников.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что судебная практика по вопросам защиты прав миноритарных инвесторов характеризуется следующими чертами:

1) при разрешении дел с участием миноритариев имеет значение оценка судом конкретной внутрикорпоративной ситуации и намерений миноритарных или мажоритарных инвесторов;

2) среди примеров барьеров в правоприменении, с которыми сталкивается миноритарий, можно назвать сложности в доказывании существенности нарушений и причинения убытков при оспаривании решений ОСУ, несоответствия общим целям ООО при установлении неправомерного увеличения уставного капитала;

3) несмотря на противоречивую практику отстаивания миноритариями своих прав и интересов и высокую степень судебного усмотрения в оценке некоторых обстоятельств, в целом, возможно сделать вывод о развитии правоприменения в сторону поиска баланса интересов мажоритариев и миноритариев и отхода судов в принятии решения от правила большинства в пользу анализа обстоятельств конкретного дела.

В качестве заключительной части исследования кратко отметим основные вехи в эволюции российского законодательства в разрезе защиты прав и интересов миноритариев.

Один из важных этапов в развитии российского регулирования в части защиты прав и интересов миноритарных инвесторов ознаменовал 2009 г., когда произошли два важных события:

– принятие изменений в части акционерного соглашения и договора об осуществлении прав участников, что сделало возможным структурирование указанных механизмов по российскому праву;

– закрепление косвенного иска (иска миноритария о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу) и группового иска (с требованиями группы миноритариев к нарушившему их права мажоритариию).

В 2015 г. были внесены поправки в ГК РФ в части корпоративного договора, устанавливающие возможности и границы данного механизма защиты. В частности, новеллы указывали миноритариям, как с его помощью можно влиять на позиции в корпоративном управлении при голосовании или управлять стоимостью акций или долей. В качестве практического примера можно привести использование данного механизма в деле «Интерроса» и «Русала».

В данном деле акционерным соглашением был предусмотрен штрафной выкуп акций у нарушившей стороны с дисконтом³.

В этот же период неоднократно поднимался вопрос о создании «дорожной карты» по совершенствованию корпоративного управления, проект которой был утвержден Распоряжением Правительства РФ от 25.06.2016 № 1315-р, включающий специальный раздел, посвященный анализу и выработке методологии по защите прав миноритарных инвесторов. Однако, несмотря на многочисленные обсуждения, «дорожная карта» так и не была принята.

В 2017 г. были внесены поправки в ФЗ «Об АО» и ФЗ «Об ООО» в части информационных прав, определившие конкретный перечень документов и категории лиц, которым они могут быть предоставлены, что стало существенной вехой в вопросе защиты прав миноритариев на участие в корпоративном управлении [9, с. 34]. Кроме того, важным этапом в реформировании законодательства стало внесение в 2019 г. поправок в ФЗ «Об АО», связанных с расширением преимущественного права миноритарных акционеров на выкуп новых размещенных акций иных категорий и изменением подхода к оценке цены акций при выкупе.

Также стоит отметить деятельность Банка России в 2021–2023 гг., результатом которой стала разработка проекта поправок к ФЗ «Об АО», предлагающего ввести институт связанных лиц (формально независимых, но фактически связанных между собой) вместо действующего принципа определения аффилированности. В соответствии с предлагаемыми изменениями связанные лица будут считаться единой группой, заинтересованной в получении контроля над ПАО и при превышении пороговых значений (30, 50 и 75 %) будут обязаны направить миноритариям предложение о выкупе акций.

Проанализировав отечественное законодательство и тенденции судебной практики, возможно сделать следующие выводы относительно текущего положения миноритарных инвесторов в правовой системе РФ.

1. В рамках текущего законодательства превалирует использование превентивных способов защиты (ex-ante), связанных с созданием баланса корпоративного управления, учитывающего права миноритариев. Наиболее эффективные меры связаны с изначальным включением положений о правах миноритариев в Устав и механизмом корпоративного договора.

2. Актуальное законодательство поощряет объединение миноритариев с целью реализации прав участия в корпоративном управлении и представления своих интересов в суде⁴. Особенно в небольших АО и ООО, в которых миноритарии могут добиться существенного влияния в случае согласования своих действий, например, через корпоративный договор.

3. По итогам реформирования корпоративного законодательства в 2019–2020 гг. российское регулирование в части защищенности прав и интересов миноритарных инвесторов было признано отвечающим международным стандартам, в том числе методическим критериям Всемирного банка.

4. По состоянию на 2024 г. продолжается работа по улучшению законодательства в части баланса прав и интересов миноритариев и мажоритариев. Разрабатываемый пакет изменений в ФЗ «Об АО» также призван защитить миноритарных акционеров от поглощений и сформировать новый, более справедливый, баланс между положением мажоритарных и миноритарных инвесторов.

5. Судебная практика показывает положительную динамику в части баланса прав и интересов миноритариев и мажоритариев. Однако в некоторых случаях на миноритариях лежит дополнительное бремя доказывания для преодоления господствующего принципа большинства, в частности, при оспаривании решений общего собрания или увеличении уставного капитала ООО.

³ URL: <https://www.interfax.ru/business/869425> (дата обращения: 23.11.2023).

⁴ Ведется активная работа по оптимизации процесса в части консолидации требований миноритариев через положения о групповых исках. URL: <https://www.ao-journal.ru/minoritariyam-gotovyat-novie-pravila-osparivaniya-tseni-prinuditelno-vikuplennikh-bumag> (дата обращения: 03.12.2023).

Список литературы

1. **Davies P.** Introduction to Company Law. Oxford, 2010. 320 p.
2. **Шиткина И. С.** Основные направления развития корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики // Предпринимательское право. 2018. № 2. С. 5–16.
3. **Габов А. В.** Освобождение акционерного общества от обязанности предоставлять информацию акционеру // Правоприменение. 2020. № 4. С. 103–122.
4. **Долинская В. В.** Понятие корпоративных конфликтов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 6. С. 1–12.
5. **Акопджанян А. С.** Проблема защиты прав миноритарных акционеров по российскому и англо-американскому праву // ЭКОНОМИКА. ПРАВО. ОБЩЕСТВО. 2017. № 1. С. 47–54.
6. **Бойко Т. С.** Выкуп доли миноритарного участника как способ защиты от притеснения со стороны мажоритарного участника // Корпоративное право в ожидании перемен: Сб. статей к 20-летию Закона об ООО. М.: Логос, 2020. С. 23.
7. **Володин С. Н., Скиба А. В.** Защита прав миноритарных акционеров при выкупе крупных пакетов акций // Валютное регулирование. Валютный контроль. 2017. № 3. С. 52–59.
8. **Потопальский С. С.** Защита прав миноритарных участников в Обществе с ограниченной ответственностью при увеличении уставного капитала // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского // Юридические науки. 2020. Т. 6 (72), № 4. С. 290–299.
9. **Кузнецов А. А.** Корпоративное право в ожидании перемен: Сб. Ст. к 20-летию Закона об ООО. М.: Логос, 2020. С. 13–47.

References

1. **Davies P.** Introduction to Company Law. Oxford, 2010, 320 p.
2. **Shitkina I. S.** Main directions of development of corporate legislation and trends in law enforcement practice. *Business law [Predprinimatel'skoe pravo]*, 2018, no. 2, pp. 5–16. (in Russ.)
3. **Gabov A. V.** Exemption of a joint stock company from the obligation to provide information to a shareholder. *The Law Enforcement Journal [Pravoprimenenie]*, 2020, no. 4, pp. 103–122. (in Russ.)
4. **Dolinskaya V. V.** Concept of corporate conflicts. Laws of Russia: experience, analysis, practice [*Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*], 2010, no. 6, pp. 1–12. (in Russ.)
5. **Akopdzhanyan A. S.** The problem of protecting the rights of minority shareholders under Russian and Anglo-American law. *ECONOMY. RIGHT. SOCIETY*, 2017, no. 1, pp. 47–54. (in Russ.)
6. **Boyko T. S.** Redemption of a minority participant's share as a way to protect against oppression by a majority participant. Corporate law in anticipation of change: a collection of articles for the 20th anniversary of the LLC Law. Moscow, Logos publ., 2020, p. 23. (in Russ.)
7. **Volodin S. N., Skiba A. V.** Protection of the rights of minority shareholders during the repurchase of large blocks of shares. Currency regulation. *Currency control [Valyutnoe regulirovanie. Valyutnyj kontrol']*, 2017, no. 3, pp. 52–59. (in Russ.)
8. **Potopalsky S. S.** Protection of the rights of minority participants in a limited liability company when increasing the authorized capital. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences [Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki]*, 2020, no. 4, pp. 290–299. (in Russ.)
9. **Kuznetsov A. A.** Corporate law in anticipation of change: a collection of articles for the 20th anniversary of the LLC Law. Moscow, 2020, pp. 13–47. (in Russ.)

Информация об авторе

Темчук Максим Игоревич, независимый юридический консультант

Information about the Author

Maxim I. Temchuk, Independent Compliance and Legal Consultant

*Статья поступила в редакцию 14.02.2024;
одобрена после рецензирования 11.03.2024; принята к публикации 05.07.2024*

*The article was submitted 14.02.2024;
approved after reviewing 11.03.2024; accepted for publication 05.07.2024*

Научная статья

УДК 343.713

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-74-79

Квалификация угроз уничтожения или повреждения чужого имущества при совершении преступлений против собственности

Роман Николаевич Боровских¹

Ольга Валерьевна Шмыгина²

¹Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

²Сибирский университет потребительской кооперации
Новосибирск, Россия

¹mail@rborovskih.ru

²olga78an1@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена актуальным проблемам квалификации преступлений, сопряженных с угрозами уничтожения или повреждения нетипичных видов имущества. Рассматриваются вопросы уголовно-правовой оценки угроз уничтожения или повреждения имущества, не имеющего экономической стоимости, и угроз уничтожения или повреждения имущества, лишённого физического (телесного) признака. В результате проведенного исследования сделаны выводы о том, что оценку уголовной релевантности выше обозначенных угроз следует осуществлять на основании концепции «угроза – как объективно-субъективное информационное воздействие».

Ключевые слова

угроза, имущество, уничтожение, повреждение, цифровые права, психическое насилие

Для цитирования

Боровских Р. Н., Шмыгина О. В. Квалификация угроз уничтожения или повреждения чужого имущества при совершении преступлений против собственности // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 2. С. 74–79. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-74-79

Qualification of Threats to Destroy or Damage Someone Else's Property when Committing Crimes against Property

Roman N. Borovskikh¹, Olga V. Shmygina²

¹Novosibirsk National Research State University
Novosibirsk, Russian Federation

²Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russian Federation

¹mail@rborovskih.ru

²olga78an1@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the actual problems of the qualification of crimes involving threats of destruction or damage to atypical types of property. A criminal legal assessment is given of threats to destroy or damage property that has no economic value and threats to destroy or damage property that is devoid of a physical (bodily) attribute. As a result of

the conducted research, it was concluded that the assessment of the criminal relevance of the above-mentioned threats should be carried out on the basis of the concept of «threat – as an objective and subjective informational impact».

Keywords

threat, property, destruction, damage, digital rights, mental violence

For citation

Borovskikh R. N., Shmygina O. V. Qualification of threats to destroy or damage someone else's property when committing crimes against property. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 2, pp. 74–79. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-74-79

Преступления против собственности являются одной из наиболее распространенных категорий преступлений, где предметом общественно опасного деяния являются как материальные, так и нематериальные ценности, преступное воздействие на которые причиняет или создает угрозу причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны [1, с. 75]. Эти деяния наносят ущерб собственникам имущества и обществу в целом. Одним из способов совершения подобных преступлений выступает угроза уничтожения или повреждения чужого имущества. В главе 21 УК РФ угроза уничтожения или повреждения имущества предусмотрена только в составе вымогательства и выражается в требованиях передачи чужого имущества или прав на него, а также в совершении других действий имущественного характера.

Анализ актуальной судебной практики по делам о преступлениях против собственности, где способом совершения преступления являлась угроза уничтожения или повреждения чужого имущества, показывает, что основные проблемные вопросы квалификации данных преступлений связаны с уголовно-правовой оценкой угроз уничтожения или повреждения нетипичных видов имущества.

Рассмотрим наиболее проблемные вопросы квалификации подобных деяний.

1. Угроза уничтожения или повреждения имущества, не имеющего экономической стоимости, является серьезной проблемой в правоприменительной практике. Хотя угроза совершения таких действий может причинить значительный эмоциональный дистресс и ущерб, ее уголовная релевантность часто зависит от наличия у имущества экономической ценности.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве» (ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации) косвенно указывается, что угроза уничтожения или повреждения имущества при вымогательстве является уголовно наказуемой, только если соответствующее имущество имеет экономическую ценность для потерпевшего. Это привело к спорным позициям среди ученых и практиков относительно того, существуют ли признаки вымогательства, когда ценность имущества незначительна [2, с. 341; 3, с. 151].

Особо ярким примером этой проблемы является вопрос уголовно-правовой оценки неправомерного завладения регистрационным номером транспортного средства с целью получения денежного вознаграждения [4, с. 132].

В некоторых случаях суды считали такие действия не образующими признаков вымогательства из-за отсутствия у регистрационного номера экономической ценности.

Например, Великоустюгский районный суд Вологодской области осудил С. за вымогательство при следующих обстоятельствах: С. похитил паспорт и другие личные документы у Ч. Потребовал у Ч. 5000 рублей за возврат документов и после отказа Ч. С. угрожал уничтожить паспорт и другие документы.

Суд пришел к выводу, что действия С. образуют состав вымогательства, несмотря на незначительную экономическую ценность документов¹. Это решение основано на том, что документы имеют личную и юридическую ценность, значимую для потерпевшего.

Угроза уничтожения или повреждения имущества без экономической стоимости является серьезным преступлением, которое может причинить значительный ущерб. Хотя наличие экономической ценности имущества является важным фактором при определении уголовной ответственности, суды также ссылаются на личную и юридическую ценность документов и других предметов, не имеющих очевидной экономической стоимости.

Актуальность данного подхода имеет место также в иных подобных случаях, когда, например, вымогательство совершается под угрозой уничтожения (повреждения) государственного регистрационного знака транспортного средства. Принимая во внимание, что с 2014 г. в УК РФ предусмотрена ответственность за неправомерное завладение государственным регистрационным знаком транспортного средства (ст. 325.1 УК РФ), укажем, что в таких ситуациях конкуренция с нормами УК РФ, предусматривающими ответственность за преступления против собственности, отсутствует, и содеянное подлежит квалификации по совокупности соответствующих преступлений.

2. В настоящее время в судебной практике также существует проблема о правовой оценке угроз уничтожения или повреждения имущества, не имеющего телесной формы и широко используемого в гражданском обороте. Квалификация таких преступлений в уголовных делах, связанных с нарушением права собственности, вызывает некоторые разногласия.

Советским районным судом г. Томска был вынесен приговор в отношении лица, осужденного за совершение преступлений в соответствии с ч. 4 ст. 272 Уголовного кодекса РФ и пунктом «д» ч. 2 ст. 161 Уголовного кодекса РФ². Сообщаются следующие обстоятельства дела.

Виновное лицо, обладающее навыками работы с информационными и компьютерными технологиями, а также знаниями в области компьютерной безопасности и программирования, с помощью предварительно полученных на интернет-ресурсе логинов и паролей к административным учетным записям ООО «Л.», получило неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации данной компании.

Впоследствии Д. заблокировал компьютерную информацию, что привело к тому, что ООО «Л.» не могло работать с ней. Затем Д. отправил электронное письмо ООО «Л.», требуя перевода денежных средств под угрозой сохранения блокировки, уничтожения и повреждения компьютерных систем ООО «Л.». В результате достигнутой договоренности и под воздействием угрозы Д. получил 0,8 единицы криптовалюты, переведенные с электронного кошелька ООО «Л.» на его собственный электронный кошелек.

Кроме того, Д. заблокировал компьютерную информацию ООО «Л.», содержащую коммерческую тайну и персональные данные ее сотрудников. В дальнейшем выдвинул требования о переводе ему еще 2 единиц криптовалюты под угрозой последующей блокировки коммерческой информации ООО «Л.», Д. получил указанные денежные средства на свой электронный кошелек и распорядился ими по своему усмотрению.

Решением суда, рассматривающего действия обвиняемого, была изменена квалификация действий согласно пункту «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ на пункт «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ. При этом отмечено, что действия обвиняемого не влекут угрозы уничтожения или повреждения иму-

¹ Архив Президиум Тульского областного суда. Уголовное дело № 4/13-10/2016. Постановление Тульского областного суда от 09.07.2019 г. / Сайт «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qlkpdp3KGWr5> (дата обращения: 01.03.2024).

² Архив Советского районного суда г. Томска. Уголовное дело № 1-31/2022. Приговор Советского районного суда г. Томска от 23.05.2022 г. / Официальный сайт Советского районного суда г. Томска [Электронный ресурс] // URL: https://sovetsky--tms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=doc&number=88090700&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.03.2024).

щества третьего лица, что не соответствует признакам вымогательства, а, напротив, являются грабежом.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Томского областного суда от 2 декабря 2022 г. приговор был изменен, и уголовное преследование по пункту «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ в отношении обвиняемого прекращено в связи с отсутствием состава преступления на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. За обвиняемым было признано право на реабилитацию.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 мая 2023 г. приговор и апелляционное определение в части вопросов о вещественных доказательствах, в частности, о возвращении информационного носителя (жесткого диска) близкому родственнику – матери обвиняемого, были отменены, а уголовное дело в этой части было направлено на новое рассмотрение в соответствии с гл. 47 УПК РФ. Однако вопрос о квалификации действий обвиняемого остался без рассмотрения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ не согласилась с указанными решениями, отметив следующее. «Позиция государственного обвинителя, предлагающего квалифицировать действия обвиняемого по завладению денежными средствами как грабеж, поскольку последний требовал от представителей потерпевшего немедленного перечисления денег, угрожая сохранением блокировкой компьютерной информации, но без угрозы уничтожения или повреждения имущества, не соответствует материалам уголовного дела и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, содержащимся в п. 6 и 7 постановления от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве», где указывается, что вымогательство считается оконченным преступлением с момента, когда предъявленное требование, связанное с указанной в ч. 1 ст. 163 Уголовного кодекса РФ угрозой, доведено до сведения потерпевшего»³.

Представитель потерпевшего и свидетели заявили, что блокировка информации на серверах организации «Л.» лишила ее возможности исполнять взятые на себя обязательства перед партнерами и привела к застою в процессах доставки и отгрузки товаров. Одновременно блокировка баз данных создала реальную угрозу для компании «Л.», грозившую серьезными последствиями.

При изложении обстоятельств преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, в приговоре суд фактически пришел к выводу, что были совершены действия по вымогательству со стороны обвиняемого, поскольку его требования были сопровождаемы угрозами сохранения блокировки, уничтожения и повреждения компьютерных систем компании «Л.» и ее имущества. В результате соглашения, достигнутого под воздействием угрозы, денежные средства были переведены на электронный кошелек обвиняемого. Однако при описании противоправного изъятия денег у компании «Л.» суд указал на совершение грабежа, т. е. открытого хищения чужого имущества, но не раскрыл, каким именно образом были получены денежные средства.

Суд первой инстанции, соглашаясь с неподкрепленными доказательствами позицией государственного обвинителя о квалификации действий обвиняемого как грабежа, допустил противоречия при изложении и правовой оценке фактических обстоятельств дела, связанных с изъятием денег у потерпевшей компании.

Действия Д. были правомерно квалифицированы органами следствия по п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ как вымогательство, поскольку, несмотря на отсутствие прямой угрозы уничтожения или повреждения информации организации, создание препятствий для доступа к ней в совокупности с требованием о снятии блокировки лишь при выполнении имуществен-

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2023 № 88-УДП23-7-К8 / Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2314260 (дата обращения 01.03.2024).

ных требований фактически представляет собой угрозу приведения информации в негодность для использования по назначению, что равнозначно ее уничтожению.

Верховный Суд РФ отметил, что при оценке содеянного не были учтены особенности предмета преступления – цифровой валюты (криптовалюты, в данном случае биткоина) – и способа хищения, включающего использование информационно-коммуникационных технологий. Именно с помощью этих технологий велись переговоры и осуществлялась передача средств – перевод с электронного кошелька криптовалютной биржи на электронный кошелек осужденного.

Ключевой момент в оценке действий Д. заключается в том, что он фактически лишил организацию возможности использовать принадлежащую ей информацию, что эквивалентно ее уничтожению. Такой вывод основан на следующих аргументах.

1. Создание препятствий для доступа к информации. Д. заблокировал доступ к информации, принадлежащей организации, тем самым лишив ее возможности использовать эту информацию по назначению.

2. Выдвижение требования о снятии блокировки в обмен на выполнение имущественных требований. Д. поставил условие, что он снимет блокировку только в случае, если организация выполнит его требования имущественного характера. Это фактически означает, что организация должна была пожертвовать своим имуществом, чтобы восстановить доступ к своей информации.

3. Угроза приведения информации в негодность. Совокупность действий Д. по блокированию доступа к информации и выдвижение ультиматума о снятии блокировки в обмен на выполнение имущественных требований создает обоснованную угрозу уничтожения информации. Поскольку организация не могла получить доступ к своей информации без выполнения требований Д., она фактически была лишена возможности использовать ее.

Подводя итоги, укажем, что оценку уголовной релевантности угроз уничтожения (повреждения) имущества, не имеющего экономической стоимости, а также имущества, лишенного физического (телесного) признака, также следует осуществлять на основании концепции «угроза как объективно-субъективное информационное воздействие». При таком подходе ошибки, связанные с недооценкой характера и степени общественной опасности (и, следовательно, уголовной релевантности) вышеупомянутых угроз, будут сведены к минимуму. В частности, фактор незначительной стоимости имущества потерпевшего, которое виновный угрожал уничтожить (повредить), при уголовно-правовой оценке содеянного должен быть сбалансирован аргументами, которые связаны с фактором субъективной (личной) ценности данного имущества для конкретного потерпевшего.

Список литературы

1. **Боровских Р. Н., Брашнина О. А.** Специальные виды хищения: вопросы терминологии и идентификации // *Юридическая наука и практика*. 2022. Т. 18, № 1. С. 71–80.
2. **Дервянская Т. П., Чернов Е. В.** Некоторые особенности квалификации неправомерного завладения государственным регистрационным знаком транспортного средства (ст. 325.1 УК РФ) // *Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2023. Т. 9, № 1. С. 340–347.
3. **Филиппов П. А.** Дискуссионные вопросы доктринального толкования и практики применения неправомерного завладения государственными регистрационными знаками транспортных средств (ст. 325.1 УК РФ) // *Евразийский юридический журнал*. 2017. № 1(104). С. 148–154.
4. **Чечель Г. И., Третьяк М. И.** Проблемы уголовно-правовой квалификации неправомерного завладения регистрационным номером транспортного средства с целью получения

денежного вознаграждения // Всероссийский криминологический журнал. 2013. №3. С. 129–134.

References

1. **Borovskikh R. N., Brashnina O. A.** Special types of theft: issues of terminology and identification. *Legal science and practice*, 2022, vol. 18, no. 1, pp. 71–80. (in Russ.)
2. **Derevyanskaya T. P., Chernov E. V.** Some features of the qualification of unlawful seizure of the state registration plate of a vehicle (Article 325.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 340–347. (in Russ.)
3. **Filippov P. A.** Controversial issues of doctrinal interpretation and practice of the unlawful seizure of state registration plates of vehicles (Article 325.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Eurasian Legal Journal*, 2017, no. 1 (104), pp. 148–154. (in Russ.)
4. **Chechel G. I., Tretyak M. I.** Problems of criminal law qualification of unlawful seizure of a vehicle registration number in order to receive monetary remuneration. *All-Russian Journal of Criminology*, 2013, no. 3, pp. 129–134. (in Russ.)

Информация об авторах

Боровских Роман Николаевич, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Новосибирского национального исследовательского государственного университета

Шмыгина Ольга Валерьевна, старший преподаватель Сибирского университета потребительской кооперации

Information about the Authors

Roman N. Borovskikh, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

Olga V. Shmygina, Senior Lecturer, Siberian University of Consumer Cooperation (SibUPK), Novosibirsk, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 22.04.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 05.07.2024*

*The article was submitted 22.04.2024;
approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 05.07.2024*

Научная статья

УДК 343.985

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-80-87

Преступления, связанные с незаконным оборотом оружия: особенности расследования в новых субъектах РФ

Константин Викторович Шаров

Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
Омск, Россия

kostia_sharov55@mail.ru

Аннотация

Научная статья посвящена криминалистическим особенностям выявления и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, совершаемых в новых субъектах РФ. Проанализированы способы совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, установлены меры по противодействию данному виду преступлений. Особое внимание уделено предложениям по совершенствованию мер, применяемых в борьбе с преступностью.

Ключевые слова

незаконный оборот оружия, расследование преступлений, меры по борьбе с преступлениями, стадии незаконного оборота оружия, новые территории РФ

Для цитирования

Шаров К. В. Преступления, связанные с незаконным оборотом оружия: особенности расследования в новых субъектах РФ // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 2. С. 80–87. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-80-87

Proceeds Related to Illegal Arms Trafficking: Features of the Investigation in the New Subjects of the Russian Federation

Konstantin V. Sharov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Omsk, Russian Federation

kostia_sharov55@mail.ru

Abstract

The scientific article is devoted to the criminalistics features of the identification and investigation of crimes related to illegal arms trafficking committed in the new subjects of the Russian Federation. The article analyzes the ways of committing crimes related to illegal arms trafficking, and establishes measures to counteract this type of crime. Special attention is paid to proposals for improving measures used in the fight against crime.

Keywords

Illegal arms trafficking, investigation of crimes, measures to combat crimes, stages of illegal arms trafficking, new territories of the Russian Federation

For citation

Sharov K. V. Crimes related to Illegal Arms Trafficking: features of Investigation in new Subjects of the Russian Federation. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 2, pp. 80–87. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-80-87

Важной проблемой современного общества выступает борьба с незаконным оборотом оружия. Незаконный оборот оружия влечет рост преступности на территории РФ, способствует формированию организованных преступных групп и может влечь совершение террористических актов, что представляет серьезную угрозу для безопасности общества и государства [1, с. 175].

Для определения распространенности преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, следует обратиться к статистическим сведениям. По официальным сведениям ГИАЦ МВД России, в 2023 г. на территории РФ правоохранными органами было выявлено 18 125 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия.

Из них:

– 10 090 случаев – незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов (ст. 222 УК РФ);

– 3 380 случаев – незаконное изготовление оружия (ст. 223 УК РФ);

– 2 случая – ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 225 УК РФ);

– 539 случаев – хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ)¹.

К регионам с наибольшими темпами прироста анализируемого вида преступлений являются: Белгородская область – 47,6 %, Сахалинская область – 42,4 %, Республика Хакасия – 39,1 %, Костромская область – 22,6 %, Владимирская область – 16,5 %, Ленинградская область – 14,3 %, Воронежская область – 13,1 %, Чувашская Республика – 12,9 %, Магаданская область – 11,4 %, Пензенская область – 9,9 %².

Выявление преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, если сравнивать показатели с 2022 г., представлено показателем (+2,5 %).

Следует отметить, что часть анализируемых преступлений, составы которых содержатся в ст. 222–226.1 УК РФ, выступает латентной, следовательно, не попадает в представленные статистические данные. Это ситуация относится и к новым субъектам, находящимся в составе РФ: Донецкая Народная Республика (ДНР), Луганская Народная Республика (ЛНР), Запорожская и Херсонская области, где анализируемые преступления распространены.

Если обратиться к официальным статистическим сведениям и практическим материалам ЛНР, по уголовным делам, связанным с хищением, вымогательством и незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств за второе полугодие 2021 г. в республике было рассмотрено 132 уголовных дела в отношении 135 лиц, по результатам которых 130 лиц были осуждены³.

Именно поэтому был принят Федеральный закон от 13.06.2023 № 207-ФЗ «О действии разрешительных документов в сфере оборота оружия и в сфере охранной деятельности, а так-

¹ Официальный сайт МВД: состояние преступности. URL: (дата обращения: 06.03.2024).

² Там же.

³ Обобщение судебной практики по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств за второе полугодие 2021 г. (утв. Президиумом Верховного Суда Луганской Народной Республики 17 мая 2022 г. № 97). URL: <https://base.garant.ru/407075846/?ysclid=lrhj7mh6a1187654881> (дата обращения: 06.03.2024).

же об особенностях правового регулирования в указанных сферах на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области»⁴.

Данный Закон установил процедуру регулирования оборота оружия на основе документации, выданной ОВД Украины, ДНР, ЛНР. Представляется, что данная потребность в законодательном регулировании возникла исходя из происходящей в обществе ситуации, когда государство должно защитить граждан от преступных посягательств.

Следует указать на недостатки, имеющиеся в работе правоохранительных органов, по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Так, при поступлении информации о совершении анализируемых преступлений отмечается недостаточная эффективность оперативного реагирования правоохранительных органов. Причиной этого может являться отсутствие должной координации и сотрудничества между различными службами и ведомствами: недостаточное взаимодействие с другими органами правопорядка и недостаток информационного обмена может затруднять получение актуальной информации и достижение оперативных результатов. Другой проблемой выступает неполное производство следственных действий по данным делам либо их проведение, но с допущением значительных ошибок. В результате это может привести к отсутствию нужной информации на первоначальном этапе расследования преступления, что может влечь неправильную оценку органами расследования следственной ситуации и в заключение принятия неправильных процессуальных решений. Как итог, дела по расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, часто приостанавливаются, прекращаются либо возвращаются в следственные органы для производства дополнительного расследования.

Низкий процент раскрываемости преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия на территориях новых субъектов, обусловлен несколькими факторами. Во-первых, это недостаточная практическая подготовка сотрудников, занимающихся раскрытием и расследованием преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Во-вторых, отсутствие современных технико-криминалистических средств, необходимых органам расследования для организации и проведения следственных и оперативно-розыскных действий. В-третьих, отсутствие современных научно обоснованных методик и практических рекомендаций в области использования основ криминалистической баллистики и производства экспертиз.

Следует обратиться к специфике расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия в новых субъектах РФ.

Необходимо отметить, что незаконный оборот оружия может состоять из определенных этапов, которые проходят лица, совершающие преступление, в результате чего формируется механизм преступления.

Приведем практический пример, где в отношении гражданина Г. был вынесен обвинительный приговор Военного суда ЛНР о признании его виновным по ч. 1 ст. 267, ч. 1 ст. 273, ч. 3 ст. 70, ст. 71 УК ЛНР и назначения уголовного наказания в виде трех лет одиннадцати месяцев лишения свободы.

Гражданин Г., являясь военнослужащим воинской части ЛНР, находясь на погрузочном дежурстве, на складе, тайно похитил пистолет Макарова калибра 9 мм, 44 патрона калибра 7,62 мм. Затем с похищенным оружием и боеприпасами Г. скрылся с места преступления и рас-

⁴ Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 207-ФЗ «Об особенностях правового регулирования в сфере оборота оружия и в сфере охранной деятельности, а также о мерах по усилению охраны общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в отдельных субъектах Российской Федерации» // Собр. законодательства Российской Федерации. 2023. № 25. Ст. 4396.

порядился по своему усмотрению: незаконно перевез их на территорию Луганска, где спрятал похищенное имущество под фрагментом рубероида, за нежилым зданием⁵.

В приведенном примере виден отчетливо механизм преступления, включающий способ подготовки, совершения и сокрытия.

Первый этап незаконного оборота оружия представлен тем, что оружие появляется из различных источников. Чаще всего оружие поступает в незаконный оборот путем совершения хищения с различных мест, к которым относят: военные складские помещения, места проведения военных конфликтов либо путем его кустарного производства. Чаще всего хищение совершают преступники, являвшиеся членами организованной преступной группы, а затем оружие продается по заниженной цене другим лицам.

Приведем практический пример, где гражданин Б. был привлечен к уголовной ответственности за совершение незаконного хранения огнестрельного оружия⁶.

Гражданин Б., являясь военнослужащим ЛНР, проходил службу добровольцем, без подписания контракта. Во время прохождения службы в лесополосе возле Свердловского района ЛНР, где ранее шли боевые действия, он обнаружил оружие – автомат Калашникова с заряженным магазином и патронами калибра 5,45 мм в количестве 27 шт. После окончания службы он перевез их к себе домой на своей машине, где начал незаконно хранить эти предметы.

Данный пример показывает, что источником поступления огнестрельного оружия в незаконный оборот выступало место проведения боевого конфликта.

Проведенный анализ эмпирической базы позволяет сделать вывод о том, что около 70 % похищенного оружия продается организованными преступными группами для оптовой перепродажи.

Следовательно, на первом этапе у правоохранительных органов могут появляться сложности, которые связаны с поисковой деятельностью, так как сложно найти и обнаружить спрятанное оружие. В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Из содержания данной нормы следует, что обязательными признаками организованной группы являются ее устойчивость и предварительная договоренность членов группы. В ходе совершения преступления члены организованной преступной группы предпринимают меры к тщательному сокрытию преступных следов, самого оружия, помещая его в специально созданные для него тайники либо маскируя оружие под иные предметы.

Констатируется, что совместно с незаконным приобретением оружия идут незаконные действия преступников, связанные с незаконным оборотом боеприпасов к нему. Таким образом, расследуя дела данной категории, следователь должен спрогнозировать в дальнейшем возможные незаконные действия преступника относительно незаконного приобретения боеприпасов.

Второй этап незаконного оборота оружия состоит из незаконных действий преступника, состоящий в приобретении, передаче, сбыте, хранении, перевозке и ношении оружия. На данном этапе у следователя могут возникать трудности, связанные с установлением источника сбыта оружия. Чаще всего следователем в процессе расследования не устанавливается, кто

⁵ Обобщение судебной практики по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств за второе полугодие 2021 г. (утв. Президиумом Верховного Суда Луганской Народной Республики 17 мая 2022 г. № 97). URL: <https://base.garant.ru/407075846/?ysclid=lrhj7mh6a1187654881> (дата обращения: 06.03.2024).

⁶ Обобщение судебной практики по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств за второе полугодие 2021 г. (утв. Президиумом Верховного Суда Луганской Народной Республики 17 мая 2022 г. № 97). URL: <https://base.garant.ru/407075846/?ysclid=lrhj7mh6a1187654881> (дата обращения: 06.03.2024).

конкретно сбыл оружие обвиняемому, так как последний утверждает, что нашел оружие совершенно случайно.

В результате возникают сложности, связанные с формулировкой обвинительного заключения, где следователь чаще всего использует типичные фразы, что оружие было получено обвиняемым «в ходе неустановленных обстоятельствах у неустановленного лица». Следовательно, неустановление преступной схемы и ее участников не только затрудняет расследование, но и может позволить преступникам продолжать в дальнейшем безнаказанно распространять оружие. Именно поэтому следователю в ходе расследования преступления, связанного с незаконным оборотом, следует детально определять источники и способы незаконного приобретения оружия.

В случае когда в ходе расследования данного преступления установлен свидетель, дающий в ходе проведения допроса ложные показания относительно источника получения оружия, тогда следователь должен вынести процессуальное решение о выделении материалов уголовного дела. Конечно, расследование преступления, связанного с дачей ложных показаний, является сложным по причине отсутствия доказательственной базы. Однако принятие процессуального решения следователем относительно установления источника незаконного оборота оружия выступает неким показателем эффективности работы следственных органов.

Третий этап незаконного оборота оружия состоит в его незаконном применении. Как правило, оружие, полученное незаконным путем, может использоваться преступниками при совершении различных преступлений против личности и собственности, таких как грабежи, разбои, вымогательства.

Таким образом, в процессе расследования анализируемых преступлений следователь должен при помощи полученной информации сделать необходимые выводы:

- 1) об источниках происхождения оружия и боеприпасов, способах их приобретения;
- 2) о возможном применении похищенного оружия в ходе совершения иных преступлений;
- 3) о роли каждого преступника, входящего в организованную преступную группу на каждом этапе незаконного оборота [2, с. 56].

Вышеизложенные выводы, сделанные следователем при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, могут способствовать выдвижению следственных версий.

Методы расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, определяют направление работы следователя по установлению обстоятельств, которые подлежат доказыванию согласно ст. 73 УПК РФ. Предварительное расследование является важнейшим этапом уголовного судопроизводства, задачей которого выступает сбор, проверка, оценка доказательств, имеющихся в материалах уголовного дела. В ходе проведения предварительного расследования устанавливаются все возможные обстоятельства, которые имеют значения для уголовного дела.

Согласно ст. 86, 87 УПК РФ, происходит проверка собранных доказательств через проведение следственных и других процессуальных действий. В этом контексте выдвижение версий и планирование расследования не выступают основными элементами расследования, а, скорее, являются средствами организации его хода. Однако важно отметить, что выдвижение следственных версий и составление планов являются частью методики расследования изучаемых преступлений [3, с. 3].

Относительно расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, совершаемых на территории новых субъектов, необходимо уделять особенное внимание первичной информации о совершенном преступлении.

Следует указать систему следственных действий, проводимых на первоначальном этапе расследования преступлений: осмотр места происшествия, обыск, осмотр предметов, допрос подозреваемого (обвиняемого), получение образцов для исследования, проведение судебной экспертизы.

Е. В. Блинова указывает на возможные источники первичной информации о незаконном обороте оружия, такие как конфиденциальные источники, полученные ОВД и путем сотрудничества с другими правоохранительными службами, которые могут получить соответствующую информацию в ходе своей деятельности [4, с. 55].

Кроме того, информацию о незаконном обороте оружия можно получить через сеть «Интернет», а именно мониторинг специализированных сайтов, форумов и интернет-площадок. Однако данный способ имеет недостаточную эффективность, так как требует больших временных и трудовых затрат и зависит от человеческого фактора.

Вместе с тем в качестве нового метода можно рассмотреть применение автоматизированных систем по проведению мониторинга различных интернет-ресурсов.

Необходимо для борьбы с незаконным оборотом оружия взаимодействовать в системе Интернета с российскими поисковыми системами (Yandex, Rambler, Mail) для отслеживания и последующего блокирования размещенной информации, направленной на незаконное обращение оружия.

Как было указано ранее, преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, взаимосвязаны с преступлениями против личности и собственности. Именно поэтому дополнительным элементом криминалистической характеристики изучаемого преступления будут являться сведения о закономерных связях между незаконным распространением оружия и иными составами преступлениями, которые следует устанавливать в ходе расследования преступлений [5, с. 169].

На новых территориях могут также возникать закономерные связи преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия с другими преступными деяниями: совершение акта терроризма и мародерство.

При оценке криминалистических особенностей данных преступлений нужно принимать во внимание специфику преступной обстановки, а также виды субъектов преступления.

На основании типологии личности преступников, представленной А. Б. Сахаровым, следует выделить такие типы личности, как: «случайные», «ситуационные» и «злостные» преступники.

Случайный преступник – это преступник, который совершает преступление из-за случайных или спонтанных обстоятельств. Такой тип может быть подвержен влиянию внешних факторов, таких как эмоциональное возбуждение, наличие оружия в момент совершения преступления. Этот тип преступников часто не планирует свои действия и может изменить свое поведение в зависимости от обстоятельств.

Ситуационный преступник – это преступник, который совершает преступление при определенных обстоятельствах. Такие преступники могут быть вовлечены в преступную деятельность из-за таких факторов, как финансовые трудности, принадлежность к преступной группировке или наличие возможности для совершения преступления. Этот тип преступников часто анализирует ситуацию и принимает решение в зависимости от возможностей и существующих рисков.

Злостный преступник – это самый опасный тип преступника, который осознанно и целенаправленно совершает преступления с целью получения незаконной выгоды от оборота оружия. Такие преступники могут быть профессионалами в своей сфере и иметь высокую степень организованности. Злостные преступники могут систематически планировать и совершать различные преступления, использовать различные средства, чтобы достичь своих целей.

Следует указать, что дела данной категории могут быть возбуждены при наличии определенных оснований и поводов. Поводами к возбуждению уголовного дела может являться оперативная информация о незаконном обороте оружия, заявления граждан и явка с повинной [6, с. 127].

Расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, могут потребовать от органов предварительного расследования не только профессиональной правовой под-

готовки, но и навыков эффективного общения с участниками уголовного процесса во время проведения следственных действий. Следователи должны обладать волевыми качествами, понимать психологические особенности людей, проявлять настойчивость и целеустремленность, а также уметь взаимодействовать с сотрудниками оперативно-розыскных подразделений МВД и ФСБ [7, с. 137].

Следовательно, для успешной борьбы с незаконным оборотом оружия на территориях новых субъектов нужно проводить научные исследования в этой области и внедрять их результаты в практику правоприменения. Кроме того, сотрудники правоохранительных органов должны постоянно повышать свою квалификацию для улучшения своей работы в этом направлении [8, с. 113].

Представляется, что основными мерами по предотвращению незаконного применения оружия на территории новых субъектов должны быть следующие.

1. Строгий контроль и учет оружия и боеприпасов на всех этапах его обращения, начиная с производства оружия и заканчивая хранением и использованием. Это поможет предотвратить потерю или кражу оружия, а также усилит контроль правоохранительных органов в случае незаконного распространения.

2. Наложение строгих санкций за нарушение правил обращения с оружием и боеприпасами. В случае их нарушения необходимо привлекать виновных к дисциплинарной, материальной, административной и уголовной ответственности. Это создаст профилактический эффект и снизит вероятность незаконного распространения.

3. Улучшение контроля в различных военных, правоохранительных, частных охранных организациях, которые должны строго следовать правилам учета, хранения, ношения и транспортировки оружия. Внутренний контроль должен проводиться периодически для отслеживания возможных нарушений.

4. Международное сотрудничество с другими странами является неотъемлемой частью борьбы против незаконного оборота оружия. Обмен информацией, совместные операции и координация усилий на международном уровне могут помочь предотвратить контрабанду оружия через государственные границы.

Усиление контроля, введение эффективного учета, строгое соблюдение правил обращения с оружием и сотрудничество на международном уровне поможет сократить незаконное распространение оружия и повысит безопасность общества.

Список литературы

1. **Столбова Н. А.** Организационные основы расследования незаконного оборота оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 24, № 4. С. 175–182.
2. **Доманов Д. В.** Особенности расследования преступлений, совершенных организованными группами в сфере незаконного оборота оружия // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4 (8). С. 56–60.
3. **Абдулмуслимов А. А., Раджабов Ш. Р.** Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия // Colloquium-journal. 2020. № 20 (72). С. 1–3.
4. **Блинова Е. В.** Предварительная проверка по материалам, связанным с незаконным оборотом оружия и боеприпасов, распространяемых в информационно-телекоммуникационных сетях // Криминалистика в условиях развития информационного общества: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 55–59.
5. **Афанасьев А. В., Бровкина Е. В., Смелова С. В.** Уголовно-правовые и процессуальные расследования преступлений, предусмотренных статьями 222–226 Уголовного кодекса Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2021. № 12 (204). С. 167–169.

6. **Акаева Х. А.** Общесоциальные и индивидуальные меры противодействия незаконному обороту оружия // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2018. № 2. С. 127–129.
7. **Шаров К. В.** Способы противодействия расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25. № 2 (81). С. 232–238.
8. **Поляков Н. В., Юсупова О. А.** К вопросу о расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, на первоначальном этапе // Алтайский юридический вестник. 2020. № 2 (30). С. 109–113.

References

1. **Stolbova N. A.** Organizational foundations of the investigation of illegal arms trafficking using information and telecommunication networks, including the Internet. *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*, 2022, vol. 24, no. 4, pp. 175–182. (in Russ.)
2. **Domanov D. V.** Features of the investigation of crimes committed by organized groups in the field of illegal arms trafficking. *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*, 2018, no. 4 (8), pp. 56–60. (in Russ.)
3. **Abdulmuslimov A. A., Radzhabov S. R.** Methods of investigation of crimes related to illegal arms trafficking. *Colloquium-journal*, 2020, no. 20 (72), pp. 1–3. (in Russ.)
4. **Blinova E. V.** Preliminary verification of materials related to illegal trafficking of weapons and ammunition distributed in information and telecommunication networks. *Criminalistics in the context of the development of the information society: collection of articles international scientific and practical conference*. Moscow, 2018, pp. 55–59. (in Russ.)
5. **Afanasyev A. V., Brovkina E. V., Smelova S. V.** Criminal law and procedural investigations of crimes provided for in Articles 222–226 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Agrarian and land law*, 2021, no. 12 (204), pp. 167–169. (in Russ.)
6. **Акаева Н. А.** General social and individual measures to counter illegal arms trafficking. Gaps in Russian legislation. *Law Journal*, 2018, no. 2, pp. 127–129. (in Russ.)
7. **Sharov K. V.** Ways to counteract the investigation of crimes related to illegal arms trafficking. *Psychopedagogy in law enforcement agencies*, 2020, vol. 25, no. 2 (81), pp. 232–238. (in Russ.)
8. **Polyakov N. V., Yusupova O. A.** On the issue of investigating crimes related to illegal arms trafficking at the initial stage. *Altai Legal Bulletin*, 2020, no. (30), pp. 109–113. (in Russ.)

Информация об авторе

Шаров Константин Викторович, кандидат юридических наук

Information about the Author

Konstantin V. Sharov, PhD in Law

Статья поступила в редакцию 20.02.2024;
одобрена после рецензирования 11.03.2024; принята к публикации 05.07.2024

The article was submitted 20.02.2024;
approved after reviewing 11.03.2024; accepted for publication 05.07.2024

Научная работа

УДК 343.131

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-88-94

Проблемы законодательного регулирования обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе

Елена Александровна Лаврушко

Оренбургский государственный университет
Оренбург, Россия

alena.lavrushko@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8172-7575>

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные на сегодняшний день проблемы, связанные с реализацией принципов уголовного процесса, оказывающей непосредственное влияние на обеспечение конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни в уголовном процессе, а также возможные пути их разрешения. Кроме этого, целью научного исследования, отраженного в статье, является выработка и прогнозирование возможных перспектив совершенствования уголовно-процессуального законодательства в исследуемом вопросе. Наука уголовного процесса указывает на немалое количество проблем и пробелов в законодательстве, связанных с институтом «тайны». К наиболее существенным проблемам, связанным с обеспечением конфиденциальности в уголовном процессе, следует отнести отсутствие законодательно закрепленного понятия «тайна», «конфиденциальность» в уголовно-процессуальном законодательстве, четко установленной процедуры их защиты.

Ключевые слова

уголовный процесс, человек и гражданин, права, тайна, принципы, конфиденциальность

Для цитирования

Лаврушко Е. А. Проблемы законодательного регулирования обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 2. С. 88–94. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-88-94

Problems of Legislative Regulation of Confidentiality in Criminal Proceedings

Elena A. Lavrushko

Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation

alena.lavrushko@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8172-7575>

Abstract

The article discusses the current problems related to the implementation of the principles of criminal procedure, which has a direct impact on ensuring confidentiality and privacy in criminal proceedings, as well as possible ways to resolve them. In addition, the purpose of the scientific research reflected in this article is to develop and predict possible prospects for improving the criminal procedure legislation in the issue under study. The science of criminal procedure points to not a small number of problems and gaps in legislation related to the institute of “secrets”. The most significant problems related to ensuring confidentiality in criminal proceedings include the absence of a legally fixed concept of “secrecy”, “confidentiality” in criminal procedure legislation, a clearly established procedure for protection.

Keywords

criminal procedure, person and citizen, rights, secrecy, principles, confidentiality

For citation

Lavrushko E. A. Problems of Legislative Regulation of Confidentiality in Criminal Proceedings. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 2, pp. 88–94. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-2-88-94

Конституция, являющаяся главным законом каждого государства, провозглашает высшими ценностями жизнь, права и свободы человека и гражданина¹. Как мы знаем, Уголовный, а также Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации (далее – УК, УПК РФ) содействуют реализации конституционного принципа защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, являющегося ключевым для всех отраслей права. Принципы УПК РФ, выступающие в свою очередь фундаментальным началом данного нормативно-правового акта, указывают на необходимость реализации отраженных в Конституции Российской Федерации прав человека и гражданина. В качестве гарантированных Конституцией и УПК РФ прав выступают не только право на жизнь и свободу, но и право на неприкосновенность частной жизни, переписки, телефонных переговоров и телеграфных отправок².

Почему же стоит рассматривать обеспечение конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни во взаимосвязи с принципами уголовного процесса? Данная взаимосвязь оправдана потребностью в защите законных интересов и прав участников уголовного процесса, а поскольку нормы процессуального права построены на основании фундаментальных начал – принципов уголовного процесса, таким образом, нормы уголовно-процессуального законодательства подкрепляются его принципами, что гарантирует точное и неукоснительное соблюдение норм УПК РФ.

Теории уголовного процесса известно такое понятие, как «тайна», которое отражает сущность, в том числе и права человека на неприкосновенность частной жизни, выражающейся в тайне переписки, телефонных переговоров, телеграфных отправок и т. д. Можно с уверенностью сказать, что с «тайной», «конфиденциальной» информацией орган уголовного преследования сталкивается на протяжении всего предварительного расследования, причем такого рода информация может содержаться на различных носителях: цифровом, бумажном, передаваться устно от участника уголовного процесса органу уголовного преследования. Однако если рассматривать содержание уголовно-процессуального законодательства, невозможно найти норму, дающую определение понятию «тайна» либо «конфиденциальная информация». Это является пробелом действующего законодательства, поскольку не отражает институт «тайны» как одного из существенных и значимых для реализации конституционных прав человека и гражданина. На сегодняшний день проблемы, связанные с обращением информации ограниченного доступа в правовом пространстве, находятся под пристальным вниманием научного сообщества, законодателя и правоприменителей. Отчасти эти проблемы обусловлены бессистемностью и фрагментарностью правового регулирования, возникающих в этой сфере общественных отношений, отсутствием законодательного определения понятия «тайна».

Исследуя правовую категорию тайны, нельзя не обратить внимание на точку зрения М. В. Пермякова, который утверждает, что «понятие тайны не сводимо к информации, тайна – не информация, а правовой режим информации, поэтому информация (сведения) не может составлять тайны, как это зафиксировано в ряде законодательных актов, она может находиться в тайне, то есть особом правовом регулировании – правовом режиме...» [1, с. 83]. Анализируя такой подход к пониманию «тайны» в уголовном процессе, нельзя не согласиться с М. В. Пер-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 6933.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

мяковым, поскольку понятия «информация» и «тайна» соотносятся между собой как часть и целое, и в соответствии с этим очевидным остается факт наличия информации в уголовном процессе и вместе с этим отсутствие обеспечения ее «тайны». Такой подход к интерпретации понятия «тайны информации» позволяет более четко проследить наличие проблемы современного уголовно-процессуального законодательства РФ в сфере реализации необходимых инструментов для обеспечения конфиденциальности «тайной информации».

В рамках уголовного процесса могут становиться известными органам уголовного преследования определенные факты, составляющие тайну личной жизни участников уголовного процесса, а также семейную, трудовую, коммерческую и т. д. Если рассматривать вопрос, касающийся того, чья «тайная» информация не может быть разглашена в уголовном процессе, то ответ будет однозначным – всех участвующих в нем лиц. Как мы знаем, в соответствии с нормами УПК РФ, в уголовном процессе участвуют потерпевшие, подозреваемые, свидетели, обвиняемые и другие лица, которые обязаны предоставлять конфиденциальную информацию органам уголовного преследования по их требованию и в интересах следствия. УПК РФ, равно как и Конституция РФ, защищает право человека на неприкосновенность частной жизни, что отражено в его принципах – основных началах уголовного процесса. Кроме этого, субъектами права на «тайну» могут выступать не только физические лица, но также и юридические лица, государство и иные субъекты. Однако в данном научном исследовании рассмотрим вопросы обеспечения конфиденциальности личной тайны физических лиц, участвующих в уголовном процессе, поскольку с этим связано несколько процессуальных проблем.

Рассматривая проблемы защиты тайной информации, стоит учесть, что в данном вопросе необходимо рассматривать стадию предварительного расследования от стадии судебного производства раздельно, поскольку инструменты обеспечения конфиденциальности на различных стадиях уголовного процесса различны. Если на стадии предварительного расследования целесообразно применение профилактики и предупреждения разглашения материалов предварительного расследования путем разъяснения о недопустимости совершения этого уголовно наказуемого деяния, однако на стадии судебного производства стоит уже учесть возможность применения закрытого судебного заседания.

Несмотря на все эти уголовно-процессуальные средства, «универсальным инструментом» при обеспечении конфиденциальности в уголовном процессе, как на стадии предварительного расследования, так и судебного производства, по нашему мнению, является соблюдение норм-принципов уголовного процесса (ст.10, 13 УПК РФ).

Следует согласиться с А. С. Борисовым, который отмечает, что «...правовой режим обеспечения недопустимости разглашения данных предварительного расследования необходимо понимать как метод правового регулирования общественных отношений, возникающих при обращении с информацией по уголовному делу, а также при обращении с иными сведениями, распространение которых может повлечь за собой причинение ущерба правам, свободам и законным интересам лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, и интересам предварительного расследования» [2, с. 106]. Актуальность темы исследования вызвана не только проблемами с недостаточно отработанным механизмом защиты «тайны» и конфиденциальной информации в уголовном процессе, но и, как полагает Е. В. Евсеенко, противоречиями между действующим УПК РФ и мнениями ученых по поводу отсутствия эффективных инструментов обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе [3, с. 82].

Так, по мнению М. А. Новиковой, «...проблематика, касающаяся обеспечения тайны предварительного расследования, на сегодняшний день изучена недостаточно...» [4, с. 3].

По мнению М. А. Ефремовой, «общественная опасность разглашения данных предварительного расследования заключается в том, что собранная по делу следствием доказательственная информация может стать достоянием заинтересованных в его исходе лиц и быть использована ими в целях противодействия установлению виновных и всестороннему, полному и объективному рассмотрению дела в суде» [5, с. 35].

Целью научного исследования является, в первую очередь, выявить актуальные проблемы и недостатки действующего законодательства Российской Федерации в области регулирования вопросов обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе, а также выстроить логически обоснованные, как с научной, так и практической стороны, предложения по устранению данных проблем и недостатков.

Стоит отметить, что на современном этапе развития уголовно-процессуальной науки очевидна актуальность вопросов, непосредственно связанная с оборотом «тайной» информации в процессе производства предварительного расследования. Кроме этого, по мнению П. С. Метельского, «...требуящим внимания является вопрос о моменте окончания действия запрета на разглашение данных предварительного расследования» [6, с. 70].

В чем заключается проблема недостаточного обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе и чем может грозить утечка «тайной» информации? В соответствии с мнением А. В. Смирнова и К. Б. Калиновского, «необоснованное предание огласке данных предварительного расследования серьезно осложняет производство по уголовному делу, влечет нарушение прав и законных интересов граждан, интересов правосудия, может повлечь утрату доказательств, добытых по делу, нарушить права и интересы участников уголовного процесса...» [7, с. 250]. Стоит согласиться с вышеуказанным суждением, поскольку право разглашения информации о личной и иной «тайной» информации принадлежит лишь только тому лицу, которому и принадлежит данная информация, соответственно третьим лицам такая информация без его разрешения предоставлена быть не должна. Нарушение данного правила влечет за собой существенные нарушения прав человека, предусмотренных Конституцией и другими нормативно-правовыми актами Российской Федерации.

Интерпретация понятия «тайны» в теории уголовного процесса различна. Определение данного понятия в уголовно-процессуальном законодательстве РФ очевидно отсутствует. Определение, предложенное М. Ю. Тереховым трактуется следующим образом: «...сведения (информация), известные или доверенные определенному кругу участников уголовного судопроизводства (следователю, руководителю следственного органа, дознавателю, начальнику подразделения дознания, прокурору, суду, защитнику, подозреваемому, обвиняемому) в связи с участием в производстве по уголовному делу, конфиденциальность которых охраняется уголовно-процессуальным законом от незаконного получения, использования, распространения таких сведений, а также обеспечивается нейтрализация возможного нарушения прав и законных интересов обладателей таких сведений...» [8, с. 25].

В настоящее время в научном сообществе ученых-процессуалистов имеют место быть дискуссии по поводу необходимости конкретизации действующего уголовно-процессуального законодательства в части регулирования вопроса недостаточности мер обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе. Стоит согласиться с тем, что набор процессуальных инструментов по защите «тайной» информации, обозначенный действующим УПК РФ, не способен в полной мере обеспечить защиту прав человека и гражданина на неприкосновенность личной жизни, переписки, телефонных переговоров, телеграфных отправок и т. д. Поскольку правоохранительная и правоприменительная практика знает немало фактов нарушения личных прав человека в процессе уголовного преследования, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, по нашему мнению, требует существенного рассмотрения его норм на предмет недостаточности инструментов обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе. Анализируя опыт государств ближнего и дальнего зарубежья, а также их уголовно-процессуальное законодательство, можно сделать вывод, что ряд государств испытывает аналогичные проблемы, связанные с отсутствием эффективного механизма и инструментов, позволяющих обеспечивать конфиденциальность «тайной» информации. К таким государствам стоит отнести Республику Казахстан, США, Великобританию (согласно результатам оценки законодательства представленных государств).

Если рассматривать и анализировать части ст. 161 УПК РФ, то можно проследить факт наличия диспозитивного характера в данной норме, так как она предоставляет возможность органу уголовного преследования самостоятельно принимать решение по поводу возможности разглашения данных предварительного расследования. Поскольку к данным предварительного расследования стоит отнести также и информацию личного характера, как мы считаем, это полностью противоречит принципам уголовного процесса, а также нормам Конституции Российской Федерации, устанавливающим право человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров и телеграфных отправок.

Как мы знаем, интересам человека и гражданина вследствие несанкционированного разглашения личной, «тайной» информации может быть нанесен существенный ущерб. В соответствии с этим, по нашему мнению, в настоящее время необходимо поставить вопрос о пересмотре уголовно-процессуального законодательства в части обеспечения конфиденциальности информации в уголовном процессе.

Если рассматривать непосредственно процесс защиты конфиденциальной информации, то целесообразно исследовать как имеющиеся уголовно-процессуальные средства защиты охраняемой законом тайны, так и отсутствующие в УПК РФ. К уголовно-процессуальным средствам защиты охраняемой законом тайны стоит отнести нормы и принципы УПК РФ, направленные на обеспечение конфиденциальности в уголовном процессе и неприкосновенности частной жизни человека и гражданина. Кроме этого, еще одним немаловажным инструментом защиты охраняемой законом тайны, но уже на стадии судебного разбирательства, является закрытое судебное заседание. Однако злоупотребление использованием данной меры может способствовать нарушению иных, не предусмотренных ст. 10 и 13 УПК РФ принципов. Этому свидетельствует дуалистический характер уголовно-процессуального законодательства, который, с одной стороны, закрепляет положения о публичности и гласности судебного производства, а с другой – о недопустимости разглашения материалов уголовного дела.

Таким образом, несоразмерное применение закрытого судебного заседания может спровоцировать искоренение принципа гласности в уголовном процессе.

Рассматривая перечень принципов, предусмотренных УПК РФ, несомненно, можно учесть, что действующие в УПК РФ принципы играют важную роль в начальной стадии формирования механизма защиты тайны в уголовном процессе. К таким принципам стоит отнести:

- принцип неприкосновенности личности, предусмотренный ст. 10 УПК РФ;
- принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, отраженный в ст. 13 УПК РФ.

Данные принципы отражают фундаментальное начало необходимости обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе и неприкосновенности частной жизни его участников, однако в последующем отсутствует конкретизация защищаемых сфер, связанных с реализацией «тайны». Как мы считаем, введение дополнительных принципов, предусматривающих защиту «тайной» информации в различных сферах жизнедеятельности, способствовало бы конкретизации процесса обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе. Исходя из классификации и видов сфер жизнедеятельности, стоит предложить включение защиты семейной, коммерческой, служебной, профессиональной, медицинской, государственной «тайны», а также «тайны» заработной платы, усыновления и т. д. Кроме этого, значительную роль в обеспечении неприкосновенности частной жизни в уголовном процессе играет институт недопустимости разглашения данных предварительного расследования, который, по нашему мнению, требует доработки на законодательном уровне в части придания императивного характера ст. 161 УПК РФ, которая предусматривает возможность предания гласности данных предварительного расследования с разрешения следователя или дознавателя, что должно быть полностью исключено из действующего УПК РФ.

Согласно проведенному исследованию, В. О. Сукиасян полагает следующее: «...изучение уголовно-процессуальных законодательств зарубежных стран показывает, что в большинстве

случаев избран не исчерпывающий вариант определения тайны предварительного следствия, то есть оно оставлено на усмотрение органа уголовного преследования. В частности, усмотрительная форма предусмотрена УПК России, Украины, Грузии, Казахстана, Молдовы, Узбекистана» [9, с. 44]. Разделяя мнение В. О. Сукиасян, можно добавить также, что диспозитивный характер ч. 2 ст. 161 УПК РФ противоречит формулировке норм-принципов УПК РФ и может нанести существенный вред личным правам человека и гражданина. Придание более императивного характера ч. 1 ст. 161 УПК РФ, а также исключение ч. 2 данной статьи, явилось бы, как мы считаем, гарантией защиты личной тайны, что способствовало бы минимизации не только нарушения конституционных прав человека и гражданина, но фактов проявления коррупционных рисков со стороны сотрудников правоохранительных органов. В этой связи целесообразно исключить ч. 2 из ст. 161 УПК РФ, а ч. 1 данной статьи изложить в следующей редакции: «Данные предварительного расследования не подлежат разглашению, за исключением случаев, предусмотренных частью шестой настоящей статьи», т. е. за исключением случаев, не являющихся разглашением материалов уголовного дела.

Подводя итог исследования актуальных проблем, связанных с обеспечением конфиденциальности в уголовном процессе, можно сделать вывод, что решение данных проблем способствовало бы реализации конституционных прав человека и гражданина в полной мере. Кроме этого, вышеперечисленные меры, направленные на обеспечение конфиденциальности в уголовном процессе, по нашему мнению, способны предотвратить существенные нарушения норм уголовно-процессуального законодательства в части недопустимости разглашения конфиденциальной информации и формирования коррупционных рисков в уголовном процессе. В целом, как мы считаем, в контексте вопроса обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе целесообразно рассматривать не только нормы УПК РФ, регулирующие обеспечение конфиденциальности личной тайны, но также и принципы уголовного процесса, указывающие на необходимость ее защиты.

Список литературы

1. **Пермяков М. В.** Категория «тайна» в системе правового регулирования: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 83.
2. **Борисов А. С.** К вопросу об отдельных проблемах обеспечения тайны предварительного расследования // Вестник Российского ун-та кооперации. 2018. № 1 (31). С. 103–107.
3. **Евсеев Е. В.** Статья 161 УПК РФ как средство обеспечения охраны сведений, составляющих охраняемую законом тайну, на досудебных стадиях уголовного процесса // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 80–82.
4. **Новикова М. А.** Расследование разглашения данных предварительного расследования и сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления, 2009. С. 3.
5. **Ефремова М. А.** К вопросу об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2015. № 4 (22). С. 34–37.
6. **Метельский П. С.** Уголовная ответственность за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ) // Вестник НГУ. Серия: Право. 2008. № 1. С. 68–74.
7. **Смирнов А. В., Калиновский К. Б.** Комментарий к УПК РФ / Под ред. А. В. Смирнова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 480 с.
8. **Терехов М. Ю.** Получение дознавателями и следователями органов внутренних дел сведений, составляющих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну: особенности уголовно-процессуальной формы: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 25.
9. **Сукиасян В. О.** Уголовно-процессуальные средства защиты охраняемой законом тайны // Регион и мир. 2021. № 2. С. 43–54.

References

1. **Permyakov M. V.** The category of “mystery” in the system of legal regulation: Dis. ... cand. jurid. sciences’. Yekaterinburg, 2006, p. 83. (in Russ.)
2. **Borisov A. S.** On the issue of certain problems of ensuring the secrecy of the preliminary investigation. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2018, no. 1 (31), pp. 103–107. (in Russ.)
3. **Evseenko E. V.** Article 161 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation as a means of ensuring the protection of information constituting a legally protected secret at the pre-trial stages of the criminal process. *Theory and Practice of Social Development*, 2015, no. 3, pp. 80–82. (in Russ.)
4. **Novikova M. A.** Investigation of the disclosure of preliminary investigation data and information on security measures applied to participants in criminal proceedings: abstract of the dissertation of the candidate. Jurid. Moscow, Academy of Management publ., 2009, p. 3. (in Russ.)
5. **Efremova M. A.** On the issue of criminal liability for disclosure of preliminary investigation data. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. (22), pp. 34–37. (in Russ.)
6. **Metelsky P. S.** Criminal liability for disclosure of preliminary investigation data (Article 310 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Law*, 2008, no. 1, pp. 68–74. (in Russ.)
7. **Smirnov A. V., Kalinovsky K. B.** Комментарий к УПК РФ. Ed. A. V. Smirnova. Moscow, Prospect publ., 2009, 480 p. (in Russ.)
8. **Terekhov M. Y.** Receipt by interrogators and investigators of internal affairs bodies of information constituting a state or other secret protected by federal law: features of the criminal procedural form: Dis. ... cand. jurid. Moscow, 2010, p. 25. (in Russ.)
9. **Sukiasyan V. O.** Criminal procedural means of protecting legally protected secrets. *Region and the World – 2021*, no. 2, pp. 43–54. (in Russ.)

Информация об авторе

Лаврушко Елена Александровна, соискатель ученой степени кандидата юридических наук
Оренбургского государственного университета
SPIN: 5075-0900

Information about the Author

Elena A. Lavrushko, Candidate of Law degree Candidate of Orenburg State University, Orenburg,
SPIN: 5075-0900

*Статья поступила в редакцию 13.02.2024;
одобрена после рецензирования 11.03.2024; принята к публикации 05.07.2024*
*The article was submitted 13.02.2024;
approved after reviewing 11.03.2024; accepted for publication 05.07.2024*

Владимир Константинович Андреев

Владимир Константинович Андреев, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки, широко известный ученый в области гражданского, предпринимательского и корпоративного права.

Родился 28 июля 1939 г. в г. Торжке Тверской области (Калининская область), окончил юридический факультет Ленинградского университета имени А. А. Жданова.

Трудовую деятельность В. К. Андреев начинал юрисконсультантом на предприятиях и учреждениях г. Калинина, работал следователем милиции; затем преподавал в должности доцента на юридическом факультете Калининского государственного университета, занимал должность декана юридического факультета университета. Долгое время работал в Институте государства и права Академии наук СССР, пройдя путь от старшего научного сотрудника до главного научного сотрудника. Работал в Счетной палате Российской Федерации. Принимал активное участие в разработке законопроектов: Закона о народных предприятиях, Основ транспортного законодательства, законопроектов о собственности, о государственных предприятиях, о развитии малых и средних предприятий, об аудиторской деятельности и других.

В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Правовые проблемы транспортно-экспедиционного обслуживания», в 1987 г. – докторскую диссертацию на тему «Правосубъектность хозяйственных органов».

В сфере его научных интересов – право государственной и частной собственности, рынок ценных бумаг, правовое регулирование аудиторской деятельности, правовое регулирование транспортной деятельности, правовые проблемы предпринимательской деятельности, проблемы корпоративного права. В настоящее время исследует проблемы правового регулирования применения цифровых технологий в гражданском обороте.

Автор более 300 научных работ, включая более 15 монографий, в том числе монографий «Правовое положение акционерных обществ», «Правовые проблемы аудита в России», «О праве частной собственности в России», «Право государственной собственности в России», «Предпринимательское законодательство России. Научные очерки», «Корпоративное право в современной России», соавтор монографии «Права и обязанности непубличного общества и его участников: теория и судебная практика», «Юридические факты и их влияние на отраслевые институты права: проблемы и направления развития», «Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт».

Многие годы работал в Российском государственном университете правосудия, занимая должности заведующего кафедрой гражданского права, заведующего отделом гражданско-правовых и корпоративных исследований, руководителя направления гражданско-правовых и корпоративных исследований Института проблем изучения правосудия Российского государственного университета правосудия.

Более двадцати лет В. К. Андреев был членом Экспертного совета по праву ВАК России. В течение длительного времени являлся членом Научно-консультационного совета при Госарбитраже РСФСР, Высшем арбитражном суде Российской Федерации, а в настоящее время является членом Научно-консультационного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

В. К. Андреев является членом редакционных коллегий журналов «Предпринимательское право», «Предпринимательское и корпоративное право».

В настоящее время Владимир Константинович работает в Институте государства и права Российской академии наук ведущим научным сотрудником сектора гражданского и предпринимательского права, ведет активную научную жизнь, часто выступает с докладами на самые актуальные проблемы современного права на международных конференциях в МГУ, МГЮА, Российском государственном университете правосудия и других известных образовательных и научных организациях.

Информация для авторов

Уважаемые авторы!

Журнал «Юридическая наука и практика» (ISSN 2542-0410) выпускается Институтом философии и права Новосибирского государственного университета и распространяется по подписке (подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11231).

В журнале публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам: теоретико-исторические правовые науки, публично-правовые (государственно-правовые) науки. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ. Автор несет ответственность за присутствие в представляемом материале любых форм заимствования. В случае обнаружения не согласующегося с законодательством об авторском праве и смежных правах заимствования материал безусловно отклоняется; дальнейшее сотрудничество журнала с автором прекращается.

Решение редакционной коллегии о принятии статьи к печати или об отклонении сообщается авторам по электронной почте.

Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. Доработанный вариант необходимо прислать в редакцию вместе с ее начальной версией, рецензией ответом на замечания рецензента не позднее двух месяцев со дня его отсылки. В противном случае первоначальная дата поступления статьи при публикации не указывается.

После выхода журнала бесплатные (так называемые авторские) номера не предоставляются. Авторы самостоятельно приобретают журнал по розничной цене. Иногородним авторам возможна высылка журнала наложенным платежом по индивидуальной договоренности.

Правила оформления рукописи

Авторы представляют материалы объемом: статьи – 1 п. л., научного сообщения – 0,5 п. л., а рецензии – одной трети печатного листа на русском языке. Текст должен быть набран одним и тем же шрифтом – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов, в формате Word, межстрочный интервал 1,5. Абзацный отступ – 1,25 см. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только по согласованию с редакцией.

В тексте статьи указывается индекс УДК³.

ФИО автора, место работы, адрес должны быть указаны на русском и английском языках.

К материалу должны прилагаться аннотация рукописи, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках. Объем аннотации: 1000–1500 знаков с пробелами.

При несоблюдении этого требования редколлегия оставляет за собой право вернуть представленный материал автору без рассмотрения.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются номер источника, указанного в Списке литературы, номер страницы источника (для монографий и периодических изданий). Например: [12, с. 37].

В конце статьи помещается список литературы в порядке цитирования. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, город, название издательства или издающей организации, год

³ См. онлайн-справочник УДК: <http://teacode.com/online/udc/34/34.html>

издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). *Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы).*

В конце статьи авторы могут поместить список использованных обозначений и сокращений.

В рукописи статьи на последней странице необходимо указать следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество (*полностью*);
- полное наименование организации – основного места работы, город, страна;
- занимаемая должность;
- ученая степень и звание (если есть);
- воинское или специальное звание (если есть);
- e-mail, ORCID (*обязательно*), SPIN и т. п. (если есть), номер мобильного, рабочего и / или домашнего телефона (данная информация необходима для оперативного взаимодействия редколлегии с автором).

Образец оформления рукописи

УДК 341.9

Европейское право

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности (если есть)

European Law

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

Основной текст статьи

Список литературы / References

1. **Гладышев С. И.** Исполнительное производство в английском и российском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.
2. **Gladyshev S. I.** Enforcement proceedings in the English and Russian law. Abstract of dis. ... Cand. of Sciences (Law). Moscow, 2001, 28 p. (in Russ.)

3. **Проскурин С. Г.** Эволюция права в семиотическом аспекте // Вестн. НГУ. Серия: Право. 2008. Т. 4, № 2. С. 11–18.
4. **Proskurin S. G.** Evolution of Law in semiotic aspect. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Law*, 2008, vol. 4, no. 2, pp. 11–18. (in Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Иванов Иван Иванович, кандидат юридических наук, доцент

Ivan I. Ivanov, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

WoS Researcher ID

Scopus Researcher ID

SPIN

Тел.: +7-111-111-11-11

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Институт философии и права
Новосибирского государственного университета
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 639990, Россия

Тел.: +7 (383) 266 73 79

E-mail: jurisprudence@mail.nsu.ru